

В. М. РУСАКОВ

**ПОТОМКИ
А.С. ПУШКИНА**





Пушкинский кабинет ИРЛИ

В. М. РУСАКОВ

**ПОТОМКИ
А.С. ПУШКИНА**



ЛЕНИЗДАТ · 1978

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Книга рассказывает о судьбе сыновей и дочерей великого русского поэта, его внуков и правнуков. Привлеченный автором обширный документальный материал о том, как потомки А. С. Пушкина хранили его рукописи, дневник, письма, семейные предания, позволяет лучше узнать и понять жизнь поэта, полнее воссоздать его образ. Издание дополнено новыми фактами и редкими photographиями. Уточнена и дополнена родословная роспись всех потомков поэта.

Книга представляет интерес как для специалистов, изучающих жизнь и творчество А. С. Пушкина, так и для массового читателя.

Издание второе, дополненное

Фронтиспис: А. С. Пушкин. С портрета худ. В. А. Тропинина. 1827 г.

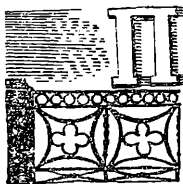
Р 20904—20
М171(03)—78 117—78

© Лениздат, 1978

*Бескорыстная мысль,
что внуки будут уважены за
имя, нами им переданное, не
есть ли благороднейшая надеж-
да человеческого сердца?*

А. С. Пушкин

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА



Первое издание этой книги вышло в год 175-летнего юбилея со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина.

Многочисленные письма-отклики читателей (более трех тысяч), полученные автором, а также положительные рецензии и отзывы, опубликованные в центральных и местных газетах и в журналах, показали, что книга о потомках поэта заняла свое место в литературе о А. С. Пушкине.

Виктор Михайлович Русаков, псковский краевед и журналист, более двадцати лет посвятил этому труду, отдавая ему все свободное время, все силы и помыслы, всю страстную увлеченность избранной темой. Он не только изучил печатную литературу и многие документальные материалы

о потомках поэта, но и ведет переписку, встречается с теми из них, кто ныне живет в Советском Союзе, с исследователями-пушкинистами, с сотрудниками научных и мемориальных учреждений, посвященных Пушкину, — эти личные отношения дали немало драгоценных живых штрихов для книги.

Многолетний и упорный труд завершен. Книга построена своеобразно: сначала это историко-биографическое исследование о детях и внуках, затем следует рассказ о потомках поэта — участниках второй мировой войны; в основе последнего раздела — личные впечатления о встречах, беседах и переписка с некоторыми потомками А. С. Пушкина — нашими современниками.

Знакомство с потомками А. С. Пушкина, с их судьбой, с материалами и документами о великом русском поэте, которыми они располагали, позволяет более широко познать жизнь и творчество А. С. Пушкина. И в этом отношении любой факт, любая деталь, связанная с его потомками, представляют интерес. Тем более что автор рассматривает биографии потомков поэта в тесной связи с жизнью и творчеством Пушкина, с историей страны и народа.

К книге приложена родословная роспись потомков Пушкина в шести поколениях — от его детей до прапраправнуков. Из них ныне здравствуют около ста сорока человек. Во втором издании роспись значительно переработана и уточнена. Внимательное знакомство с ней крайне интересно и поучительно.

Трудно найти исторического деятеля, прославленного в какой бы то ни было области, чье потомство было бы так изучено, как потомство Пуш-

кина, и вместе с тем так обширно, ветвисто и, главное, так удивительно многообразно. В судьбах его представителей отражены русская и мировая история почти за полтора века, общественные изменения и перевороты, сочетания разных наций и разных, самых неожиданных семейно-родовых линий.

Стоит напомнить хотя бы некоторые, наиболее характерные и яркие факты разного рода, чтобы представить себе всю сложность и причудливость истории пушкинского потомства. Внешность старшей дочери А. С. Пушкина запечатлел Л. Н. Толстой в облике Анны Карениной; трагическая смерть мужа Марии Александровны дает писателю материал для создания последней сцены «Живого труп».

Внучка поэта выходит замуж за племянника Н. В. Гоголя, и один из потомков А. С. Пушкина по этой родовой линии, А. С. Данилевский, становится ученым с мировым именем.

Не один потомок Пушкина вписал свое имя в летопись русской и советской истории. Старший сын поэта Александр Александрович стал одним из героев освободительной русско-турецкой войны 1877—1878 годов, он же немного лет спустя обеспечил себе благодарную память потомков, принеся в дар государству и народу весь основной фонд рукописей своего великого отца и его личный архив. Сыновья и внуки А. А. Пушкина приняли участие в войнах позднейшего времени — не только первой мировой, но и гражданской, в которой сражались на стороне революции.

Десять потомков поэта, и в том числе ближайший из всех — прямой его правнук, ныне здрав-

ствующий Григорий Григорьевич Пушкин, были участниками Великой Отечественной войны.

Двое из зарубежных потомков великого русского поэта также сражались против гитлеровских войск: один — в рядах французского Сопротивления, другой — в английской авиации, он погиб в воздушном бою.

Каждому из потомков А. С. Пушкина, с оружием в руках боровшихся с фашизмом, во втором издании посвящены очерки в разделе «Они защищали Отечество».

Многие потомки Пушкина живут и трудятся в Советском Союзе.

Материалы этой книги, одобренной и рекомендованной к печати Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР, дают возможность полнее представить жизнь и творчество А. С. Пушкина, шире познакомиться с судьбой его рукописного наследия.

ДЕТИ





Пушкинский кабинет ИРЛИ

ОНА СМЕЯЛАСЬ ПО-ПУШКИНСКИ ЗВОНКО...

*Мария Александровна
Гартунг,
урожденная Пушкина*



Ранним сентябрьским утром я приехал на кладбище бывшего Донского монастыря в Москве, чтобы разыскать могилу старшей дочери А. С. Пушкина Марии Александровны Гартунг. Дежурный служитель кладбища не очень охотно пояснил:

— Могилу Пушкиной ищите влево от центрального проезда в крематорий...

И вот я медленно хожу по узким опрятным дорожкам. Редкие багряно-желтые листья, первые вестники золотого листопада, плавно и беснумно ложатся к ногам на влажный асфальт.

А в памяти невольно оживают пушкинские строки:

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под конями гниют все мертвецы столицы,

В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеем,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах...

Имена, имена, имена умерших... Внимательно вглядываюсь в начертанные на надгробиях слова, боясь пропустить имя той, ради которой пришел сюда; терпеливо ищу место последнего земного пристанища дочери великого поэта, восьмидесятисемилетняя жизнь которой как бы связывала «век нынешний и век минувший».

...Мария Пушкина, первенец Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных, родилась 19 мая 1832 года¹. В метрической книге Сергиевского «всей артиллерии» собора в Петербурге была сделана запись под № 50, в которой говорится, что девочку крестили 7 июня и что при крещении ее восприемниками (крестными) были Сергей Львович Пушкин, Наталья Ивановна Гончарова, Афанасий Николаевич Гончаров и Екатерина Ивановна Загряжская².

За три дня до крестин дочери Пушкин не без гордости писал В. Ф. Вяземской: «...представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы».

По преданию, вскоре после рождения дочери Пушкин сказал жене: «Вот тебе мой зарок: если когда-нибудь нашей Маше придет фантазия хоть один стих написать,

¹ Даты до 1918 года здесь и в дальнейшем приводятся по старому стилю.

² С. Л. Пушкин (1770—1848) — отец А. С. Пушкина; Н. И. Гончарова (1785—1848) — мать Н. Н. Пушкиной; А. Н. Гончаров (1760—1832) — дед Н. Н. Пушкиной; Е. И. Загряжская (1779—1842) — тетка Н. Н. Пушкиной.

первым делом выпори ее хорошенько, чтобы от этой дури и следа не осталось!»¹

Очень любил Александр Сергеевич свою «Машку», свою «беззубую Пускину». В одном из писем к Н. Н. Пушкиной (22 сентября 1832 года) он заботливо спрашивал: «А Маша-то? что ее золотуха?..» В другом письме (к П. А. Осиповой, май 1833 года) поэт делился своими переживаниями: «Моя дочь в течение последних пяти-шести дней заставила нас поволноваться. Думаю, что у нее режутся зубы».

В письме к теще Н. И. Гончаровой от 14 июля 1835 года Александр Сергеевич шутил: «Маша просится на бал и говорит, что она танцевать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют; того и гляди будет невеста».

Из Михайловского осенью того же года Пушкин писал жене: «Прощай, душа, целую ручку у Марьи Александровны и прошу ее быть моею заступницею у тебя».

...Маше шел пятый год, когда погиб Пушкин, и она лучше других детей помнила отца, его голос, его смех. И сама — взрослой — смеялась по-пушкински звонко и задушевно. По словам пушкиниста П. И. Бартенева, «выросши, она заняла красоты у своей красавицы матери, а от сходства с отцом сохранила тот искренний задушевный смех, о котором А. С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи».

Современник, видевший семилетнюю дочь Пушкина в 1839 году, когда ее угощал конфетами дед Сергей Львович Пушкин, отмечал, что она была «премилая и бойкая девочка».

В молодые годы Мария Александровна была очень хороша собой. Пушкинист Н. О. Лернер в 1916 году писал,

¹ См.: А. П. Арапова. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. — «Новое время» (приложение), 1907, № 11413.

что в ней «соединялись красота матери с оригинальным экзотизмом отца». И даже в преклонном возрасте, как свидетельствует правнучка А. С. Пушкина Н. С. Шепелева, «она была видная, стройная, очень эффектная женщина; при этом была умна».

Дочь поэта горячо любила русскую литературу, обладала незаурядными способностями, хорошо играла на фортепьяно.

В апреле 1860 года М. А. Пушкина вышла замуж за офицера лейб-гвардии конного полка Леонида Николаевича Гартунга (1832—1877), впоследствии генерал-майора, начальника коннозаводского округа в Тульской губернии. Под Тулой, в селе Прилепы, у него было небольшое имение. Там супруги и поселились. Позднее они жили в Туле, а в последние годы в Москве: с 1875 года Л. Н. Гартунг заведовал Московским отделением государственного коннозаводства.

В середине 1860-х годов Мария Александровна познакомилась с Л. Н. Толстым. Это произошло в Туле, в доме генерала А. А. Тулубьева. Вот что рассказывала свояченица Толстого Т. А. Кузминская в книге «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне»:

«...Дверь из передней отворилась, и вошла незнакомая дама в черном кружевном платье. Ее легкая походка легко несла ее довольно полную, но прямую и изящную фигуру.

Меня познакомили с ней. Лев Николаевич еще сидел за столом. Я видела, как он пристально разглядывал ее. — Кто это? — спросил он, подходя ко мне.

— Мадам Гартунг, дочь поэта Пушкина.

— Да-а,— протянул он,— теперь я понимаю... Ты посмотри, какие у неё арабские завитки на затылке. Удивительно породистые.

Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, он сел за чайный стол около нее; разговора их

я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это».

Не случайно в экспозиции Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве, в разделе, посвященном истории создания романа «Анна Каренина», помещен портрет М. А. Гартунг, выполненный в 1860-х годах академиком живописи И. К. Макаровым¹.

Достаточно прочесть один из отрывков «Анны Карениной», где описывается внешность главной героини романа, чтобы убедиться, как тонко и точно переданы писателем в облике Карениной черты наружности Марии Александровны Гартунг, запечатленные в ее портрете Макаровым и в воспоминаниях о ней Кузминской.

Толстой писал: «Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, полные плечи и грудь и округлые руки с тонкою крошечною кистью. Все платье было обшито венецианским гипюром. На голове у нее, в черных волосах, своих без примеси, была маленькая гирлянда ашютинных глазок и такая же на черной ленте пояса между белыми кружевами. Прическа ее была незаметна. Заметны были только, украшая ее, эти своевольные короткие колечки курчавых волос, всегда выбивавшиеся на затылке и висках. На точеной крепкой шее была нитка жемчугу».

То же самое, но изображенное средствами живописи, видим мы и на портрете Макарова. Разумеется, с некоторыми — в деталях — отклонениями.

¹ Портрет приобретен музеем в 1933 году (см.: «Известия», 1934, 6 окт.) у Е. С. Макаренко, дружившей с дочерью Пушкина и за несколько лет до революции получившей от нее в качестве подарка это ее живописное изображение.

Правнучка Пушкина С. П. Вельяминова вспоминала:

— Марию Александровну Гартунг я знала на протяжении последних двадцати лет ее жизни. И надо сказать, что лицом она была вылитый дед — Сергей Львович Пушкин. До глубокой старости тетя Маша очень внимательно относилась к своей внешности: изящно одевалась, следила за красотой рук.

Мария Александровна обладала какой-то торжественной красотой. У нее были звонкий, молодой голос, легкая походка, маленькие руки. Это соответствует образу Анны Карениной, о чем и писала в своих мемуарах Татьяна Андреевна Кузминская. Но в старшей дочери Пушкина было много и такого, что характерно для другой толстовской героини — Анны Павловны Шерер.

Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя за 1877 год» подробно рассказал о трагическом событии в семье М. А. Гартунг — самоубийстве ее мужа Леонида Николаевича Гартунга, опутанного интригами бесчестных людей и отданного под суд. Прокурор обвинил Гартунга в краже векселей, вексельной книги и других бумаг некоего Занфтлебена — процентщика, обязанности душеприказчика которого имел неосторожность взять на себя Леонид Николаевич, ничего не подозревавший о коварных умыслах родственников умершего процентщика.

«Все русские газеты толковали недавно (и до сих пор толкуют), — писал Ф. М. Достоевский в «Дневнике», — о самоубийстве генерала Гартунга, в Москве, во время заседания окружного суда, четверть часа спустя после прослушания им обвинительного над ним приговора присяжных». Когда судьи, объявив перерыв, удалились из зала суда, чтобы составить приговор, Л. Н. Гартунг, по словам Достоевского, «зыйдя в другую комнату... сел к столу и схватил обеими руками свою бедную голову; затем вдруг раздался выстрел: он умертвил себя принесенным с собою и заряженным заранее револьвером, ударом в сердце. На

нем нашли тоже заранее заготовленную записку, в которой он «клянется всемогущим богом», что ничего в этом деле не похитил и врагов своих прощает».

Хорошо знавший Гартунга князь Д. Д. Оболенский вспоминал впоследствии, что после суда над Гартунгом «прокурор преспокойно отправился в театр, где, однако, ему была враждебная манифестация». Оболенский свидетельствует: «Вся Москва была возмущена исходом гартунговского дела. Московская знать на руках переносила тело Гартунга в церковь, твердо убежденная в его невиновности. Да и высшее правительство не верило в его виновность, не отрешая его от должности, которую он занимал и будучи под судом. Владелец дома, где жил прокурор, который благодаря страстной речи считался главным виновником гибели Гартунга, Н. П. Шипов, приказал ему немедленно выехать из своего дома на Лубянке, не желая иметь, как он выразился, у себя убийц. Последствия оправдали всеобщую уверенность в невиновности Гартунга. Один из родственников Занфтлебена был вскоре объявлен несостоятельным должником, да еще злым, и он-то оказался виновником гибели невинного Гартунга».

Об этом судебном процессе знал, безусловно, и Лев Николаевич Толстой. В драме «Живой труп» (над ней Толстой работал в 1900 году, замысел же относится к 1897 году) писатель воспроизвел детали гибели генерала Гартунга в сцене самоубийства Федора Протасова.

Как и муж старшей дочери Пушкина, Федор Васильевич Протасов отказывается от последнего слова в суде, не делает никакой попытки защитить себя, сохраняет высокое человеческое достоинство до последнего своего вздоха. Как и Гартунг, герой Толстого «вынимает пистолет и стреляет себе в сердце». Подобно Гартунгу, Протасов кончает самоубийством в коридоре здания окружного суда перед вынесением судебного приговора.

После смерти мужа Мария Александровна осталась почти без средств к существованию. Она обратилась с письмом к Александру II, но небольшая пенсия была назначена ей лишь много лет спустя. В целях экономии дочери Пушкина пришлось жить несколько лет у овдовевшего к тому времени брата Александра Александровича Пушкина. Она помогала ему воспитывать детей. «Не знаю, знаешь ли ты, что у меня с осени гостит сестра Маша, — писал А. А. Пушкин брату Г. А. Пушкину. — Для меня это такая благодать, что ты и вообразить себе не можешь. Есть с кем душу отвести, и для девочек это большое счастье, что она у меня». Подолгу гостила М. А. Гартунг и у своих младших — по матери — сестер Ланских. Только в мае 1899 года, к юбилею Пушкина, размер пенсии ей был увеличен с 240 до 300 рублей в год.

Жила старшая дочь поэта и в Козлове (ныне Мичуринск Тамбовской области), и в Вильне, и в Петербурге, и в Москве, и в Лопасне (с 1954 года город Чехов) — подмосковном «гнезде» потомков Пушкина... Детей у нее не было.

М. А. Гартунг пережила обоих братьев и младшую сестру: Григорий Александрович умер в 1905 году, Наталья Александровна — в 1913-м, Александр Александрович — в 1914-м.

Со дня открытия (2 мая 1900 года) в Москве городской аудиторни-читальни (ныне библиотека имени А. С. Пушкина на Бауманской площади, 9) Мария Александровна была ее попечительницей. В 1910 году она по болезни отказалась от этой почетной должности.

Уже в глубокой старости дочь Пушкина встретила Октябрьскую революцию 1917 года. А в самом начале трудного, голодного 1919 года первый нарком просвещения молодой Советской республики А. В. Луначарский позаботился о том, чтобы дочери великого поэта была на-

значена персональная пенсия и выплачено единовременное пособие в сумме 2400 рублей.

Однако первая выплата пенсии оказалась и последней: она пошла на расходы, связанные с похоронами дочери Пушкина.

Хорошо знавшая Марию Александровну Гартунг бывшая учительница из города Чехова Антонина Ивановна Коняева рассказывала:

— Многие годы Мария Александровна жила летом в Лопасне. Помню, как дочь Пушкина давала нам с сестрой орехи, пряники. Вместе с Марией Александровной мы собирали грибы в окрестностях Лопасни. Она любила их. Очень любила и зеленые щи из крапивы, и куличи, которыми нас угощала...

Когда я в январе семнадцатого года начинала работать в школе, она говорила: «Надо так учить детей, чтобы им было все понятно, просто. Чтобы ребятам было радостно учиться».

Антонина Ивановна помнит, как М. А. Гартунг, живя в Лопасне, без отдыха переплывала — туда и обратно — большой пруд в господском парке. Марии Александровне шел тогда уже восьмой десяток.

«Она была... величавая и очень моложавая седая дама... жизнерадостная, приветливая. Она располагала к себе молодежь и нас, детей» — такой запомнилась старшая дочь поэта ныне здравствующей правнучке Пушкина Татьяне Николаевне Галиной.

А Софья Николаевна Данилевская, сестра Т. Н. Галиной, отмечает, что в Марии Александровне Гартунг было то редкостное радушие, благорасположение к людям, которым в такой высокой степени обладал Пушкин.

— У нас в Полтаве, — рассказывала она, — Мария Александровна никогда не бывала. Но по праздникам присылала нам теплые, ласковые письма, которые всегда кончались словами: «Целую. Ваша бабушка Маша». Мы,

дети, очень любили читать эти письма и берегли их. Позже, когда я уже кончала женский институт, мне довелось провести одно лето в Лопасне. Это было после девятисотого года. Там отдыхала тогда и Мария Александровна. А потом я не раз бывала у нее в Москве. Одна из наших встреч особенно запомнилась. В тот раз на тете Маше было темно-зеленое бархатное платье, красиво облежавшее ее статную фигуру. Ее одежда всегда отличалась аккуратностью и каким-то скромным изяществом. Я никогда не видела ее в халате. И теперь с волнением вспоминаю, как тетя Маша, положив свои красивые руки мне на плечи, сказала: «София, какая ты большая выросла!»

Праправнучка Пушкина Ирина Евгеньевна Гибшман, в семилетнем возрасте видевшая в Москве «тетю Машу Гартунг» (это было в 1915 году), помнит, что старшая дочь великого поэта и в преклонных летах «держалась прямо и с достоинством».

...Могила М. А. Гартунг, которую я наконец разыскал, оказалась очень скромной. Нежно обрамляли ее мелкие кустики. В двух небольших вазах отцветали неяркие осенние цветы. На серой гранитной доске надпись и небольшой овальный портрет М. А. Гартунг с известного ее изображения кисти И. К. Макарова.

С портрета смотрели на меня прекрасные, пронизательные, чуточку грустные глаза Марии Александровны. Лучи солнца, ласково коснувшись ее задумчивого лица, золотом загорались в тихо падавших на землю листьях клена...

• **ВСЯ ЖИЗНЬ — СЛУЖЕНИЕ РОССИИ**

*Александр Александрович
Пушкин*



письмах А. С. Пушкина последних лет, начиная с 20 августа 1833 года, часто встречается имя Саша («Сашки рыжего») — старшего сына поэта.

«Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил, — писал Пушкин жене в апреле 1834 года, намекая на Александра I и на будущего царя Александра II, тогда наследника престола. — Не дай бог ему идти во моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перецеголяет, а плетью обуха не перешибет».

Иногда Александр Сергеевич просто озорно шутил: «Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину и будет молодец, во Льва Сергеевича».

А в одном из писем к П. В. Нащокину Пушкин побудничному скромно сообщает другу: «Все мои здоровы — крестник твой тебя целует; мальчик славный».

Многие письма поэта, в которых он размышляет о будущем семьи, нельзя читать без сердечной боли за него, Пушкина...

Так, когда Саше едва исполнился год (он родился 6 июля 1833 года), А. С. Пушкин с горечью писал жене: «Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута и что их мамеяпка ужас как мила была на аничковских балах».

Душевной тревогой за судьбу сыновей и дочерей проникнуто и письмо Пушкина к отцу, Сергею Львовичу, написанное за три месяца до гибели: «Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни за чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они все равно будут богаче его сына; не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счет».

В письмах-раздумьях поэта нередка и ласковая отцовская шутка. «Вот тебе анекдот о моем Сашке, — писал Пушкин П. В. Нащокину. — Ему запрещают (не знаю зачем) просить, чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: «Азя! дай мне чаю: я просить не буду». Или вдруг мелькнут по-мальчишески задорные строки о том, например, что у него, Пушкина, в Михайловском «белые сливы... не чета тем», которые Саша «крадет» у матери.

В письмах последних трех лет жизни, столь многообразных по содержанию, настроению, стилю, Пушкин предстает не только гениальным поэтом и великим гражданином России, но и трогательно печальным, заботливым отцом — непосредственным и мудрым, страдающим и любящим.

Когда в январе 1837 года на Черной речке прозвучал страшный выстрел Дантеса, сыну поэта Саше шел четвертый год. Мальчик навсегда запомнил умиравшего отца. В зрелые годы он бережно хранил перешедшие к нему после смерти матери (Н. Н. Пушкина скончалась осенью 1863 года) письма, рабочие тетради, дневник Пушкина, его портрет работы О. А. Кипренского и многие другие пушкинские реликвии.

В начале 1860-х годов старший сын поэта спас от гибели прекрасную библиотеку Пушкина. После смерти А. С. Пушкина его книги хранились вначале в кладовой Гостиного двора, затем долгие годы в подвалах казарм полка П. П. Ланского — отчима детей поэта, откуда и были вывезены А. А. Пушкиным в имение Ивановское Бронницкого уезда¹.

Часть же библиотеки поэта, как рассказывала в 1886 году редактору «Русской старины» М. И. Семевскому младшая дочь Пушкина Наталья Александровна Меренберг, «расхитил и продал» Н. И. Тарасенко-Отрешков, один из опекунов детей А. С. Пушкина.

О недобросовестном отношении Наркиза Ивановича Тарасенко-Отреškова к своим опекунским обязанностям стоит сказать несколько подробнее.

3 февраля 1837 года над малолетними детьми Пушкина была учреждена опека в составе председателя Г. А. Строганова и членов М. Ю. Вьельгорского, В. А. Жуковского и Н. И. Тарасенко-Отреškова. Юридически опека владела всем имуществом погибшего Пушкина, в том числе его библиотекой и автографами сочинений.

В отличие от других членов опеки, Тарасенко-Отрешков, пользовавшийся тайным покровительством Бенкен-

¹ О дальнейшей судьбе пушкинской библиотеки см. в главе «Во главе земства».

дорфа, по словам той же Н. А. Меренберг, «действовал весьма недобросовестно».

Когда вдова Пушкина 16 февраля 1837 года уехала с детьми в Полотняный Завод — калужское имение Гончаровых, он, хозяйничая в квартире покойного поэта, присвоил себе записную рабочую тетрадь Пушкина в 66 листов, в которой были тексты поэмы «Кавказский пленник» и ряда стихотворений, а также два листа приходо-расходных записей поэта за 1834—1835 годы.

В течение восемнадцати лет Тарасенко-Отрешков держал эти пушкинские рукописи у себя, а в 1855 году подарил их императорской Публичной библиотеке, что вызвало законное возмущение Натальи Николаевны Пушкиной (Ланской). В письме на имя директора библиотеки М. А. Корфа от 31 октября 1855 года она писала: «Мои сыновья, люди еще молодые, кипя негодованием, желают разоблачить действия Тарасенко-Отрешкова и подвергнуть его справедливой каре закона, силою которого надеются возвратить свою фамильную драгоценность».

Однако, несмотря на настойчивое требование Н. Н. Пушкиной, автографы поэта, принесенные в дар Публичной библиотеке «похитителем чужой собственности», семье Пушкина возвращены не были.

Основная же часть рукописей поэта, долгие годы находившихся у Александра Александровича Пушкина, была передана им в Румянцевский музей в Москве (подробнее об этом речь ниже), то есть стала благодаря старшему сыну Пушкина достоянием общества.

Но уважения Александр Александрович достоин не только за это. У сына поэта, талантливого военачальника, одного из самых честных людей старой России, большие личные заслуги перед русской армией и русским народом.

...После смерти отца Саша, как и другие дети поэта, воспитывался матерью Н. Н. Пушкиной, а когда она 18 июля 1844 года вышла замуж за генерал-майора (позд-

нее, с 1849 года, генерал-адъютанта) П. П. Ланского (1799—1877), — в семье отчима.

Домашние учителя обучали сыновей и дочерей Пушкина иностранным языкам — французскому и немецкому, русской литературе, истории. Позже Наталья Николаевна определила старшего сына во 2-ю Петербургскую гимназию (ныне школа № 232 на улице Плевакова), где он был «вольнопrixодящим».

В 1848 году 15-летнего Александра Пушкина отдал по приказу Николая I в Пажеский корпус, который он и окончил в 1851 году. Выпущенный офицером в гвардию, он был, как свидетельствует запись в послужном списке, «в уважение примерной нравственности признан отличнейшим воспитанником и в этом качестве внесен под № 5 в особую книгу». Первые четыре года А. А. Пушкин служил в лейб-гвардии конном полку, командиром которого был П. П. Ланской.

Александр Александрович Пушкин, как и другие дети поэта, искренне уважал отчима, человека умного и порядочного. «Мы любили нашу мать, чтли память отца и уважали Ланского», — вспоминал он.

Ланской управлял нижегородскими пушкинскими деревнями, а когда в конце 1840-х годов Михайловское перешло в полную собственность детей Пушкина (брат и сестра поэта отказались от своих частей имения в пользу сирот), он проявил немало заботы и об этой пушкинской усадьбе.

Нежной, трогательной заботой и постоянным вниманием окружали Наталью Николаевну все ее дети. Но с особым обожанием относился к матери старший сын Александр.

Наталья Сергеевна Шепелева, правнучка Пушкина, вспоминает:

— Мой дедушка, Александр Александрович Пушкин, очень любил мать. В молодости, офицером, даже в ту

пору, когда он был уже женат, сын поэта каждую субботу проводил у Натальи Николаевны. Суббота была для них днем памяти Пушкина. Вдова Александра Сергеевича делилась с сыном своими душевными невзгодами, печальными воспоминаниями о последних днях Пушкина. Она была предельно откровенна с Александром. Вот почему он знал об отце гораздо больше, чем другие дети поэта.

Об этом же писала и А. П. Арапова, дочь Н. Н. Пушкиной от второго брака: «... все как-то полагали, что сердце ее особенно лежит к нему (то есть к сыну Александру.— В. Р.). Правда, что и он, в свою очередь, проявлял к ней редкую нежность, и она часто с гордостью заявляла, что таким добрым сыном можно похвалиться».

Е. Н. Бибикова вспоминала, что преждевременная смерть матери «была самым тяжким горем в его жизни».

В 1913 году, незадолго до пятидесятилетия со дня смерти Н. Н. Пушкиной-Ланской, в Москве и Петербурге распространился слух о том, что жена поэта вела дневники, о судьбе которых ничего не известно, и поэтому, дескать, надо искать их.

Корреспондент «Петербургской газеты» обратился за разъяснениями по этому поводу к А. А. Пушкину. Сын поэта авторитетно заявил:

«Я сомневаюсь, чтобы слух о дневниках моей матери был верен. Когда мать умирала, я был уже в чине полковника; несомненно, если бы после нее остались какие-нибудь дневники, я бы знал о них, а может быть, и сам бы их имел среди груды всяких других наших семейных реликвий...

Это, так сказать, сторона фактическая, но есть и другая — чисто «психологическая». У матери моей был не такой характер, чтобы она просиживала над дневниками и сообщала им свои сокровенные думы. Все, что она пере-

живала, а пережила она, как вам известно, много, она скрывала в глубине своей души»¹.

Этот рассказ восьмидесятилетнего сына Пушкина свидетельствует о том, что и через пятьдесят лет после безвременной — на пятьдесят втором году — кончины Н. Н. Пушкиной-Ланской в сердце Александра Александровича сохранились горячие, благодарные чувства к матери. И он пресекал, когда это было в его силах, попытки некоторых литераторов говорить о Н. Н. Пушкиной неуважительно. Так, 11 мая 1899 года Александр Александрович писал брату: «Еще пынешней зимой мне удалось остановить представление безобразнейшей драмы в стихах какого-то Михневича, в которой паша мать представлена была в возмутительном виде, да и отец выведен каким-то грубым и даже невоспитанным человеком».

В 1858 году А. А. Пушкин женился на племяннице отчима Софье Александровне Ланской. У них было одиннадцать детей: Наталья (1859—1912), Софья (1860—1861), Мария (1862—1939), Александр (1863—1916), Ольга (1864—1933), Анна (1866—1949), Григорий (1868—1940), Петр (1870—1870), Надежда (1871—1915), Вера (1872—1909), Сергей (1874—1898).

После смерти Софьи Александровны (в 1875 году) дети А. А. Пушкина воспитывались в Лопасне у двоюродной сестры покойной жены — Анны Николаевны Васильчиковой. Там в те годы жили Васильчиковы, Ланские, Пушкины, Гончаровы, связанные между собой близким родством².

¹ «Петербургская газета», 1913, 24 окт.

² Сестра П. П. Ланского, Мария Петровна, была замужем за генералом Н. И. Васильчиковым (умер в 1855 году), которому и принадлежало имение Лопасня. Вторая жена А. А. Пушкина была двоюродной племянницей его первой жены. На одной из дочерей Н. И. Васильчикова и М. П. Ланской, Екатерине Николаевне Васильчиковой, был женат Ивап Николаевич Гончаров — брат

В 1883 году Александр Александрович женился на Марии Александровне Павловой. От этого брака у него было еще двое детей — Николай (1885—1964) и Елена (1889—1942).

Лопасненская усадьба стала родным домом для детей А. А. Пушкина, его внуков и правнуков. Она сохранилась до наших дней.

Многие потомки Пушкина похоронены в Лопасне на прицерковном кладбище, рядом с могилами Васильчиковых и Ланских.

Старожилы города Чехова до сих пор с любовью вспоминают А. А. Пушкина и его семью. Вот что сообщила, например, А. И. Коняева: «Когда я еще училась, Александр Александрович Пушкин часто приходил к нам в школу, угощал ребят арбузами, яблоками, дарил книги, рассказывал о походах, в которых сам участвовал. Бывал и на экзаменах в нашей школе».

...В январе 1861 года по семейным обстоятельствам Александр Александрович Пушкин в чине полковника вышел в отставку. А в следующем году он принял должность мирового посредника третьего участка Бронницкого уезда Московской губернии. Этот пост он занимал до 1866 года.

За плодотворную деятельность на поприще мирового посредника сын поэта был награжден специальными знаками отличия: в 1863 году — «за успешное введение в действие положения 1861 года о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», в 1865 году — «за введение в действие такового же положения 1863 года». Позже, в 1871 году, он получил и знак отличия «за поземельное устройство бывших государственных крестьян».

Н. Н. Пушкиной. Их дочери Екатерина, Наталья и Надежда Гончаровы, двоюродные сестры детей А. С. Пушкина, жили в Лопасне уже в советское время.

В 1867 году А. А. Пушкин снова поступил на военную службу и был командирован в распоряжение командующего Виленским военным округом. Здесь с марта 1868 года по февраль 1869 года Александр Александрович принимает самое деятельное участие в работе комиссии по крестьянским делам при виленском генерал-губернаторе. В память об этих заслугах старшему сыну поэта в 1911 году — в связи с исполнившимся пятидесятилетием отмены крепостного права — вручили орден Александра Невского с бриллиантовыми украшениями.

С февраля 1869 года А. А. Пушкин служил в 14-м драгунском Малороссийском полку. 15 июля 1870 года его назначают командиром 13-го гусарского Нарвского полка, в боевую летопись которого вписано немало ратных подвигов. Сформированный еще при Петре I, Нарвский полк в 1709 году штурмовал Выборг, Кексгольм и Гельсингфорс, участвовал в польской кампании 1733—1735 годов, а во время Семилетней войны (1756—1763) — в сражении под Гросс-Егерсдорфом.

Весть о назначении командиром полка сына Пушкина была воспринята гусарами с радостью: полковник слыл человеком гуманным, справедливым.

Гусары Нарвского полка любили и уважали А. А. Пушкина, потому что сам он с неизменной любовью и уважением относился к «нижним чинам». Не случайно историк Нарвского полка Тихановский писал: «Сын известного поэта, именем которого гордится Россия, полковник Пушкин являл собой идеал командира-джентльмена...»

И для большинства офицеров полка А. А. Пушкин был образцом просвещенного командира. А двое из них — Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов и Николай Владимирович Быков (племянник Н. В. Гоголя) — породнились с Александром Александровичем, женившись на его дочерях Наталье и Марии.

В памяти русского и болгарского народов живы подвиги героев Тырнова, Плевны и Шипки. Полк А. А. Пушкина в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов также отличился во многих боях за освобождение Болгарии от турецкого ига.

Гусарам Нарвского полка доводилось встречаться с турецкими завоевателями и раньше. Например, еще в 1739 году они особенно отличились в сражении под крепостью Хотин.

Когда 12 апреля 1877 года царским манифестом было объявлено, что Россия вступает в войну с Турцией, полк А. А. Пушкина получил приказ выступить в поход в составе 13-й кавалерийской дивизии.

«Пятого мая, — отмечено в письме А. А. Пушкина к брату Григорию Александровичу от 30 апреля 1877 года, — наш полк выступает и идет прямо за границу... Теперь, любезный брат, уходя в поход, не мешаю тебе думать и о будущем. Все мы под богом ходим, и придется ли вернутся — еще неизвестно. Во всяком случае тебе поручаю я детей моих и в случае чего прошу тебя быть их опекуном».

В том же письме Александр Александрович сообщает, что его дети «едут в Лопасню под охраной сестры Маше и там будут ожидать событий».

А через несколько дней, перед выступлением полка к театру военных действий, он и сам с разрешения командования приехал на короткий срок в Лопасню.

«По рассказам очевидцев, — пишет А. И. Коняева, — А. А. Пушкин при отъезде из Лопасни, простившись с семьей, вышел из дома. У парадного крыльца его ждала пара лошадей, запряженных в открытую пролетку. Проводить А. А. Пушкина собрались местные крестьяне. Послышались напутственные пожелания — успехов в боях, хорошего здоровья, благополучного возвращения домой. Тут же А. А. Пушкину был передан сверток с кисетами

(почти двести штук). «Это подарки солдатикам», — произнес девичий голос. Александр Александрович сердечно поблагодарил всех, низко поклонившись на четыре стороны».

5 июня 1877 года полк А. А. Пушкина пересек границу Румынии, а 29 июня уже подошел к переправе через Дунай.

В начале Балканской кампании полк входил в состав передового Руссукского отряда, перед которым командование действующей русской армии поставило задачу — сдерживать наступление 100-тысячной армии турок, не вступая, однако, в решающие сражения.

В Болгарии гусарский Нарвский полк участвовал во многих ожесточенных боях. Так, гусары полковника Пушкина уничтожили большой турецкий отряд, захватили много пленных и богатые трофеи под деревней Турога. Прославились они и в сражениях, развернувшихся осенью того же года у населенных пунктов Турна-Дере, Кесарево, Ахметли, Тотлас, Ново-Село. В боях против турок под командованием А. А. Пушкина сражались и две роты 43-го пехотного Охотского полка с приданными им четвертьями орудиями 11-й артиллерийской бригады.

Кровопролитными были бои при городе Елене, который турки защищали с упорством фанатиков, обреченных на поражение.

В этом важном стратегическом пункте были сосредоточены большие турецкие силы. Турки надеялись овладеть переправами через Дунай и поставить тем самым русских в крайне трудное положение. Кроме того, они стремились отвлечь русскую армию от Плевны, которая находилась уже в осаде. В начале декабря 1877 года, почувствовав, что Елену удержать не удастся, турки подожгли город. Гусары Нарвского полка, рискуя жизнью, потушили пожар. Преследуя неприятеля, они взяли и город Беброво.

28 декабря до Нарвцев дошла радостная весть о победе русских войск на Шипке.

В январе 1878 года штаб действующей русской армии принял решение перекрыть дорогу на город Сливно, по которой двигались к Константинополю многочисленные турецкие отряды. Эта ответственная боевая задача была возложена на отряд генерала Н. Г. Столетова, в состав которого кроме 13-го гусарского Нарвского полка входили семь болгарских дружин народного ополчения и русский пехотный полк. В этой операции гусары Александра Александровича Пушкина снова проявили мужество и стойкость, а их командир — находчивость и высокое военное искусство.

Однажды разведка доложила, что неприятель, захватив село Чатака, расположенное севернее города Котла, намерен учинить там резню болгарского населения. Освободить это село поручили А. А. Пушкину. В подчинение его поступили и две дружины болгарских волонтеров. Под командованием сына поэта они бесстрашно сражались бок о бок с русскими солдатами, освобождая родную землю, измученную турецкими поработителями.

В одном из докладов высшему командованию генерал Столетов писал «о полной боевой годности, отличном усердии и храбрости всех чинов Нарвского гусарского полка».

Хлебом-солью, цветами и радостными улыбками встречали болгары русских братьев-освободителей в каждом городе, в каждом селе...

Упорные бои с турками в окрестностях города Котла с 14 по 22 января 1878 года были последними боевыми действиями гусарского Нарвского полка в Балканской кампании. 23 января того же года было заключено перемирие с Турцией, а месяц спустя, 19 февраля, подписан Сан-Стефанский мирный договор, по которому Болгария стала самостоятельным княжеством. В период перемирия

полк А. А. Пушкина охранял демаркационную линию между селами Чатака и Черкесли.

Во всех боевых операциях за освобождение братской Болгарии полковник Пушкин показал себя не только талантливым, отлично знавшим военное дело командиром, но и мужественным, бесстрашным воином. Он был героем Балканской кампании. За личные боевые заслуги сын поэта по высочайшему приказу был награжден золотой георгиевской саблей с надписью «За храбрость» и орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. За 35 лет военной службы Александр Александрович Пушкин стал кавалером многих русских и трех иностранных орденов.

Были отмечены наградами и солдаты полковника Пушкина. Уже после окончания войны царским указом от 17 апреля 1878 года каждому гусару Нарвского полка был пожалован особый знак чести на кокарду с надписью «За отличие в турецкой войне 1877 и 1878 гг.». Эта почетная награда давалась лишь воинам, особо отличившимся в сражениях.

Имя старшего сына поэта и сегодня весьма популярно в Болгарии. Внуки и правнуки болгар, сражавшихся за свою свободу вместе с бесстрашными русскими воинами, знают, что одним из тех, кто вызволил болгарский народ из почти 500-летнего турецкого рабства, был Александр Александрович Пушкин.

Любопытный эпизод произошел несколько лет назад в Кишиневе. На митинге болгаро-советской дружбы кто-то из гостеприимных хозяев сказал: «Мы приготовили вам подарки. Вы видели их и радовались им. Но есть ли такой подарок, о котором вы мечтали, которого ждали, а мы, кишиневцы, не догадались преподнести его?» И один из гостей назвал таким желанным подарком фотопроизведение портрета А. А. Пушкина, который находится в кишиневском музее А. С. Пушкина.

А вот что писали в 1973 году поэты Дора и Минко Лалевы из болгарского города Габрова в редакцию газеты «Пушкинский край» (Пушкинские Горы Псковской области): «Пушкина мы любим... Прекрасно, что он русский, что он славянин. Глубоко любим мы Пушкина и по другой причине: старший сын поэта воевал в Болгарии в 1877—1878 годах, освобождая нашу страну от турецкого ига. Он сражался совсем недалеко от Габрова, около старинного маленького города Елены».

...29 января 1887 года, в день пятидесятилетней годовщины гибели А. С. Пушкина, старший сын поэта отслужил панихиду в придворной Конюшенной церкви, где было совершено отпевание Пушкина. На этой панихиде присутствовал писатель Иван Александрович Гончаров.

Панихиду отслужили по просьбе А. А. Пушкина и у Черной речки, на месте дуэли Пушкина с Дантесом. Достоин удивления тот факт, что к пятидесятилетию со дня смерти поэта еще не было точно определено место этого рокового поединка. После панихиды Александру Александровичу заявили от имени земства, что «производятся самые тщательные исследования с целью точно определить место, где был смертельно ранен поэт, и тогда земство предполагает войти с ходатайством об отчуждении этого места и об открытии подписки на постанозку здесь памятника»¹.

В том же 1887 году, 29 января, окончилось пятидесятилетнее право собственности наследников А. С. Пушкина на издание его сочинений. По закону оно кончалось еще в 1862 году, то есть через 25 лет со дня смерти поэта, но по особому ходатайству Н. Н. Пушкиной-Ланской было продлено еще на 25 лет. В течение 1887 года появи-

¹ Обелиск на месте дуэли А. С. Пушкина был воздвигнут только в советское время, в 1937 году, к 100-летию со дня гибели поэта.

лись два полных семитомных издания сочинений Пушкина (одно — под редакцией П. А. Ефремова, изд. В. В. Комарова; другое — под редакцией П. О. Морозова, изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым) и множество других изданий трудов поэта — собраний сочинений, отдельных и избранных произведений.

О необычайном оживлении в издании произведений Пушкина — в связи с окончанием прав его наследников — свидетельствуют такие цифры. Если в 1886 году сочинения поэта печатались всего 11 раз, то в 1887 году количество изданий увеличилось до 150 (в 14 раз!). В следующем году оно сократилось более чем вдвое (69 раз), а в 1889 году возвратилось к цифре 1886 года (11 раз). И только через 10 лет, в год столетнего юбилея А. С. Пушкина, количество изданий его произведений достигло 185.

...30 августа 1890 года высочайшим приказом генерал-майор А. А. Пушкин (это звание он получил в 1880 году) «за отличие по службе» был произведен в генерал-лейтенанты с зачислением в запас армейской кавалерии. Ему из государственного казначейства назначена была пенсия в размере полного оклада, то есть 1145 рублей в год.

А через полгода, 28 февраля 1891 года, пятидесятишестилетний Александр Александрович Пушкин вышел в отставку «с мундиром и с пенсией». С июня 1895 года он заведовал императорским мужским коммерческим училищем в Москве, одновременно являясь почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета. В то же время он был произведен в статские советники. 16 сентября 1898 года А. А. Пушкина назначили членом совета по учебной части Екатерининского и Александровского женских институтов. Эту должность он занимал до 1913 года. А в последние годы жизни генерал от кавалерии А. А. Пушкин (звание присвоено ему в 1908 году)

был также председательствующим в Московском присутствии Опекунского совета учреждений императрицы Марии.

На этих общественных постах Александр Александрович проявил себя человеком кристальной чистоты, неутомимым поборником женского образования в России.

Служивец А. А. Пушкина по Московскому присутствию Н. Г. Ураноссов, с октября 1907 года до середины декабря 1908 года находившийся в прямом служебном подчинении у старшего сына поэта, оставил воспоминания о нем:

«А. А. Пушкин, кроме председательствования, имел еще другие посты, вероятно, потому, что был мягок, и высшему начальству, очевидно, легко было возложить на него больше дел, чем на других...

Внешне он, конечно, имел некоторое сходство с отцом: у него были голубые глаза, горбатый нос и несколько выдающаяся нижняя губа. Он был лысый, совершенно седой и носил бороду. Роста он был среднего, но, несмотря на свой возраст, держался прямо. Носил он постоянно очки и много курил. Была у него привычка во время разговора смотреть на того, с кем он говорил, поверх очков. Голос у него был хрипловатый, должно быть, от постоянного курения.

Как настоящий аристократ и человек очень благовоспитанный, держал себя А. А. Пушкин очень просто и поэтому пользовался в училище и институте популярностью. Никакой начальственности в его отношении к подчиненным не чувствовалось...

Ал. Ал. было свойственно в некоторой мере чувство юмора... Я приехал к нему на квартиру с довольно толстой книгой журналов Совета по личному составу (о назначении и увольнении учителей, классных дам и т. п.). Увидав, что я вынимаю ее из портфеля, Ал. Ал. сказал: „Я вижу, вы тащите эту толстую книгу, придется много под-

писывать...“, а потом, подписав ряд приказов и продолжая подписывать, сказал, улыбаясь: „Своя собственная фамилия надоест...“».

Далекий от политики, от революционного движения в России, Александр Александрович тем не менее резко осуждал царское правительство, когда оно потопило в крови мирную демонстрацию рабочих в Петербурге 9 января 1905 года. Восьмидесятитрехлетняя жительница Веневского района Тульской области Аграфена Иосифовна Баранова вспоминала: «После расстрела рабочих в Питере все мы ходили в церковь. Обедню по убитым заказал Александр Александрович Пушкин, и на ней были все Пушкины и вся их прислуга. Александр Александрович все возмущался: „Не могу понять... никак не могу понять, почему стреляют в безоружных людей“»¹.

* * *

Современники отмечали, что чем старше становился Александр Александрович Пушкин, тем больше он внешне походил на отца. Так, автор статьи «Пушкинские реликвии», напечатанной без подписи в № 41 журнала «Нива» за 1913 год, писал: «Лицо Александра Александровича поражает сходством с лицом отца не только в общем типе, но и в отдельных чертах. Александру Александровичу теперь восемьдесят лет, а его отец скончался на тридцать восьмом году, но, несомненно, доживи поэт (а на это ему позволяло рассчитывать его прекрасное здоровье) до таких же преклонных лет, его старческий облик близко подходил бы к наружности Александра Александровича».

¹ Воспоминания А. И. Барановой приводятся в записи М. Г. Бороздинского, заместителя редактора веневской районной газеты «Знамя» Тульской области (март 1970 года).

М. Новикова-Калаш, учившаяся в молодости в Екатерининском институте и часто видевшая там А. А. Пушкина, вспоминала на склоне лет: «О своем отце, насколько помнится, А. А. Пушкин никогда не говорил, но на экзаменах по литературе, когда темой было творчество Пушкина, заметно волновался».

За три с половиной десятилетия армейской службы Александр Александрович так привык к военной форме, что, по свидетельству его внучки С. П. Вельяминовой, и после выхода в отставку «быть штатским тяготился и просил вернуть ему военный мундир». В последние двадцать с лишним лет, когда старший сын поэта находился на сугубо гражданской службе, его никогда не видели в штатском платье. И до конца своих дней он сохранил отличную выправку кадрового военного. Об этом свидетельствуют все, кто оставил воспоминания об А. А. Пушкине в его преклонном возрасте.

Многие, кому доводилось встречать А. А. Пушкина, хотели видеть в нем живую копию пушкинских портретов. И когда не находили в сыне полного портретного сходства с отцом, разочарованно вздыхали.

По поводу таких курьезных «требований» А. А. Пушкин полушутя-полусерьезно жаловался сыновьям Л. Н. Толстого: «Плохо нам с вами. Чувствую, что от меня требуют, чтобы я был с баками, как от вас — чтобы вы непременно носили окладистую седую бороду. Иначе все обижаются: какие ж это Пушкин и Толстой!»

* * *

В 1848 году, после кончины Сергея Львовича Пушкина, село Большое Болдино — центральное имение нижегородских владений Пушкиных — перешло к брату поэта Льву Сергеевичу, а сыновья Пушкина, Александр и Григорий, стали владельцами двух деревень — Львовки и

Кистеневки. Позднее эти деревни принадлежали — по разделу между наследниками — А. А. Пушкину. Впоследствии и Малое Болдино числилось за старшим сыном поэта: он купил малоболдинскую «ненаселенную землю» (669 десятин) со всеми «господскими строениями» у дворянской тетки О. М. Сонцовой (умерла в 1880 году).

В Большом Болдине до 1903 года жил племянник А. С. Пушкина Анатолий Львович Пушкин (1846—1903). После смерти Анатолия Львовича хозяином имения стал его сын Лев Анатольевич Пушкин (1870—1918). У него в разные годы бывал старший сын поэта, неоднократно приезжавший на отдых во Львовку. Болдинская усадьба была особенно дорога А. А. Пушкину. Ведь здесь его отец провел три осени — в 1830, 1833 и 1834 годах, причем первые два приезда в отцовское имение оказались для поэта необычайно плодотворными: теперь весь мир восхищается десятками пушкинских произведений, написанных на болдинской земле.

По воспоминаниям крестьянина Степана Вострышева (в записи И. В. Киреева), Александр Александрович говаривал: «Болдино мне родное. Здесь и дед мой жил, и отец по этим улицам ходил. Во Львовке я как на квартире живу. Нет там такой широты, простора. Вот почему меня всегда влечет в Болдино. Вижу, что здесь память отца чтут. Иду в Лучинник и думаю, что по этой дороге проезжал отец. Около лиственницы постою, и кажется мне, будто я с отцом наговорился. Как мне скучно стапет во Львовке, я и еду в Болдино хоть на несколько часов».

Старший сын Пушкина еще в прошлом веке построил во Львовке двухэтажный жилой дом: нижний этаж кирпичный, верхний — из липового леса. Дом хорошо сохранился до наших дней. До 1972 года в нем была школа.

Старейший житель Львовки Максим Иванович Куликов, до 1963 года колхозный ветфельдшер, а ныне пенсионер, вспоминал:

— Впервые я увидел Александра Александровича в тысяча девятьсот четвертом году. Мне было тогда шестнадцать лет. И я очень ясно помню его, старого, седобородого, в генеральском мундире. Был он всегда спокойный, приветливый. Любил прогулки по парку, подолгу сидел где-нибудь в глубине сада, на скамейке. Самому мне не приходилось разговаривать с Александром Александровичем: стеснялся я. Но в доме господском бывал. А в зиму двенадцатого—тринадцатого года даже кормил двадцать лошадей в его имении. Во Львовке генерал бывал только наездами: поживет у нас летом месяц-полтора и снова уедет в Москву, к семье. Жена и дети Александра Александровича никогда во Львовку не приезжали. Управлял же имением в те годы арендатор Иван Иванович Кундров, из немцев. Строгий человек был, не то что Александр Александрович...

В тысяча девятьсот четвертом году, в один из приездов Александра Александровича Пушкина во Львовку, наши старики ходили к нему просить место для школы. И он разрешил построить на своей земле, рядом с усадьбой, четырехклассную церковноприходскую школу, в которой год спустя начались занятия. А в десятом году сын поэта позволил жителям деревни построить невдалеке от барского дома деревянную церковь. Она тоже сохранилась.

Генерал Пушкин, — продолжал Максим Иванович, — очень сердечно относился к крестьянам. Как сейчас помню, львовские старики облюбовали для церкви полянку, где стоял господский каретник, были там и другие хозяйственные постройки. Так он, верите ли, согласился перенести эти строения на другое место, лишь бы угодить людям. И никакой помощи от крестьян не потребовал.

По словам М. И. Куликова, в последний раз А. А. Пушкин приезжал во Львовку в 1912 году.

И сам Максим Иванович Куликов, и другие его односельчане в 1917—1918 годах, «зная их, Пушкиных, любовь к народу», сохранили дом А. А. Пушкина и часть имущества, находившегося в усадьбе.

В 1926 году кто-то решил перевезти «помещичий» дом из Львовки в другое село, чтобы построить там школу. Но львовские крестьяне рассудили иначе...

Максим Иванович так рассказывал об этом:

— Приехали в деревню на шестидесяти подводах. Вижу, дело неладно. Я и послал двух мальчишек за стариками: один побежал по одному порядку¹, другой — по другому. Собрались люди. Начали стыдить приезжих мужиков. «Разве можно, — спрашивают, — исторические дома ломать?» Так и отстояли мы пушкинский дом. В тридцать четвертом году в этом доме открыли школу. В ней учились и дети мои, и внуки, и правнуки. Как видите, дом Александра Александровича и сейчас стоит целехонек, хотя уже за сто лет перевалило. Теперь усадьбу генерала болдинскому музею Пушкина отдали. И очень правильно сделали. Значит, не зря мы полвека назад взяли под защиту пушкинское имение. Оно еще долго будет служить людям, которые в наши края приезжают, чтобы болдинскими да львовскими просторами полюбоваться, в гостях у Пушкина побывать...

В 1890-х и 1900-х годах А. А. Пушкин нередко приезжал и в сельцо Малое Останкино Каширского уезда, принадлежавшее его жене М. А. Пушкиной-Павловой. Александр Александрович построил в Останкине усадьбу, где и проводил с семьей лето.

Там 19 июля 1914 года сына поэта застало известие о вступлении России в войну с Германией. По воспоминаниям его дочери М. А. Быковой, Александр Александрович очень огорчился, что он уже неспособен воевать,

¹ Сторона улицы (*местное*).

Именно это душевное смятение, сознание собственной беспомощности и сразило старого генерала. В тот же день он скорострительно скончался.

Александр Александрович хотел, чтобы его похоронили в Лопасне, рядом с могилами первой жены, С. А. Ланской, и детей Софьи и Сергея. Но его волю не могли исполнить из-за начавшейся тогда войны, и он был погребен в селе Марыгино (в нескольких верстах от Малого Останкина) бывшего Веневского уезда. Там в церкви, в семейном склепе Павловых, гроб с телом А. А. Пушкина и находился почти столетия.

Только в июне 1963 года по ходатайству потомков Пушкина Московский и Тульский облисполкомы вынесли решение о перенесении останков старшего сына поэта в Лопасню. В церемонии нового захоронения Александра Александровича Пушкина, который, по словам Н. О. Лернера, «умел ценить превыше всяких званий и титулов завещанное ему славное имя», участвовали представители Союза писателей. К его могиле пришли сотни жителей Лопасни...

* * *

У Александра Александровича Пушкина большие заслуги перед отечественным пушкиноведением.

В начале июня 1880 года в Москве был открыт памятник А. С. Пушкину работы скульптора А. М. Опекушина. На торжества приехали все дети поэта — Мария Александровна Гартунг и Александр Александрович Пушкин из города Козлова Тамбовской губернии (там с апреля 1879 года дислоцировался 13-й гусарский Нарвский полк), Григорий Александрович Пушкин — из Михайловского, Наталья Александровна Меренберг — из Висбадена. Они первыми возложили венок к подножию памятника их отцу. В те дни дети Пушкина были почетными го-

стями Москвы. На торжественных собраниях в Московском университете, в Обществе любителей российской словесности и в Благородном собрании их восторженно приветствовали и ректор университета Н. С. Тихонравов, и пушкинист П. И. Бартнев...

Очевидец вспоминает: «Когда ректор, говоря речь, упомянул о том, что Пушкин где-то сказал, что его более всего трогает, когда чествуют потомков за заслуги их знаменитых предков, ввиду полного бескорыстия и искренности этих чествований, весь совет профессоров, сидевших на эстраде, а за ними вся зала, как один человек, встала со своих мест и, обратившись в сторону Пушкиных, разразилась долго не смолкавшими рукоплесканиями. Пушкины страшно смутились от внезапности и искренности всех в зале охвативших чувств».

Все дети поэта присутствовали на парадном обеде, устроенном Обществом любителей российской словесности. Когда П. И. Бартнев предложил тост за членов семьи Пушкина, его дружно поддерживали все собравшиеся, в том числе писатели И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков, А. Н. Островский, поэты А. Н. Майков и Я. П. Полонский.

Такое же трогательное внимание оказывалось семье Пушкина и в 1899 году, в дни 100-летнего юбилея поэта. 26 мая в Святых Горах при возложении венков на могилу Пушкина все с восхищением смотрели на «прямо художественный» венок, изготовленный по заказу детей поэта в Москве. Теплыми овациями встретила публика сыновей и племянника Пушкина. Участник торжеств свидетельствует: «А. А. Пушкин, растроганный, благодарил за внимание, а публика махала платками, хлопала, и казалось, еще момент — и всякому захочется подойти и пожать руку сыну бессмертного отца». В тот же день Александру Александровичу был вручен диплом почетного члена Румянцева музея.

...Незадолго до открытия памятника Пушкину Общество любителей российской словесности организовало в Румянцевском музее (ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина) Пушкинскую выставку. А. А. Пушкин, которому по семейному разделу имущества от 5 февраля 1870 года принадлежал архив поэта, доставил туда многочисленные рукописи отца.

Когда выставка была открыта, П. И. Бартеневу и хранителю отделения рукописей Румянцевского музея А. Е. Викторову удалось убедить А. А. Пушкина в том, что эти бесценные пушкинские бумаги надо наконец поместить в надежное государственное хранилище.

И вот 9 мая 1880 года Александр Александрович Пушкин обратился к директору Московского Публичного и Румянцевского музея В. А. Дашкову с письмом следующего содержания:

«Милостивый государь Василий Андреевич!

В ознаменование торжественного дня открытия в Москве памятника отцу моему Александру Сергеевичу Пушкину, предполагая передать в общественную собственность сохранившиеся у меня подлинные рукописи его сочинений, я избрал местом хранения их на вечные времена находящийся под Вашим управлением Московский Публичный и Румянцевский музей, куда эти рукописи и будут доставлены из Общества любителей российской словесности, которому временно я их передал, вместе с правом воспользоваться ими для особого литературного сборника.

Уведомляя о сем Ваше превосходительство, прошу принять уверение в моем почтении и преданности.

Ваш покорный слуга Александр Пушкин.
г. Козлов, 9 мая 1880 г.».

В октябре того же года архив Пушкина, бывший у его старшего сына, поступил почти полностью в Румянцевский музей. Здесь находились четырнадцать «рабочих

тетрадей», содержащих преимущественно черновые тексты всевозможных произведений Пушкина. Они отражают едва ли не весь его творческий путь — от лицейских стихотворений и «Руслана и Людмилы» до знаменитого стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», помеченного 21 августа 1836 г. и написанного по-этом за пять месяцев до гибели.

Кроме этих «рабочих тетрадей» в архив поэта, переданный А. А. Пушкиным Румянцевскому музею, входили несколько десятков самодельных тетрадок, в которые Пушкин переписывал набело такие крупные произведения, как «Медный всадник», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Маленькие трагедии» и пр. Из тетрадок были сброшюрованы авторизованные копии «Бориса Годунова», «Истории Пугачева», материалы к ней и др. После смерти Пушкина все рукописи поэта, черновые и беловые, были просмотрены жандармами, прошиты, пронумерованы полистно красными чернилами и припечатаны. А отдельные листки, которые трудно было шить в тетради, сложили — небрежно и безграмотно — в пакеты. Только в 1930-х годах «жандармские тетради» были расшиты и рукописям Пушкина возвращен тот порядок, какой они имели до «посмертного обыска» в квартире поэта, что значительно облегчило их изучение.

Помимо рукописей А. А. Пушкин передал в Румянцевский музей большое количество писем к поэту, входивших в его личный архив.

Через два года А. А. Пушкин принес в дар музею 62 письма Пушкина к жене, Н. Н. Пушкиной, бывшие до того у их младшей дочери Н. А. Меренберг.

При передаче рукописей отца в музей А. А. Пушкин предоставил право пользоваться ими исключительно П. И. Бартеневу. Поскольку многие тетради Пушкина находились тогда еще в городе Козлове Тамбовской губернии, Петр Иванович, получив разрешение публиковать из

рукописей поэта все, «что найдет в них нового», ездил за ними в Козлов, а затем, по мере использования тетрадей, передавал их в Румянцевский музей. Уже в 1880 году, начиная с третьей книги «Русского архива», Бартенев публиковал тексты Пушкина, не вошедшие в собрания сочинений поэта, подготовленные в свое время к изданию В. А. Жуковским и П. В. Анненковым.

С осени 1882 года бумаги Пушкина, поступившие в Румянцевский музей, сделались доступными всем, кто занимался изучением творчества поэта. Александра Александровича сумел убедить в необходимости этого шага Алексей Егорович Викторов.

При жизни А. А. Пушкин не расставался лишь с дневником отца 1833—1835 годов, с портретами отца и матери, печаткой Пушкина из дымчатого топаза и некоторыми личными вещами Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных.

Дневник отца А. А. Пушкин хранил особенно ревниво, так как считал публикацию его преждевременной. Даже пушкинист П. И. Бартенев, по свидетельству его внучки Н. Яшвили, «присидел однажды несколько дней, закрытый на ключ в комнате, выписывая из дневника Пушкина нужные ему данные, так как только при этом условии сын поэта Александр Александрович позволил ему ими воспользоваться».

История появления в печати дневника Пушкина довольно сложна.

Еще П. В. Анненков, снявший копию с рукописи дневника, использовал отдельные цитаты из него в своем труде «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений» (СПб., 1855).

Ссылался на дневник Пушкина и В. А. Соллогуб в «Воспоминаниях», появившихся в печати в 1866 году.

В 1880 году Александр Александрович Пушкин разрешил С. А. Юрьеву напечатать отрывки из дневника в

«Русской мысли» (1880, VI, с. 1—10). В том же году и почти в том же виде фрагменты из дневника были опубликованы во втором номере «Русского архива», который издавался П. И. Бартевым. Год спустя Бартев напечатал в этом журнале еще один, правда небольшой, отрывок из дневника поэта.

Племянник А. С. Пушкина Л. Н. Павлицев в своих записках «Из семейных воспоминаний об А. С. Пушкине», опубликованных в сентябре 1890 года в журнале «Русское обозрение», поместил «Дополнение к отрывкам «Дневника» А. С. Пушкина». Несколько не обнародованных до тех пор выдержек из дневника дал в 1899 году В. Е. Якушкин.

В 1903 году дневник напечатал П. А. Ефремов, причем он сделал это, по словам М. Н. Сперанского, «в объеме, превышающем все до сих пор бывшие его издания».

Были изданы дневниковые записи Пушкина и в VI томе полного собрания сочинений поэта под редакцией П. О. Морозова (1904). Но самым полным дореволюционным изданием дневника был текст его в V томе сочинений А. С. Пушкина под редакцией С. А. Венгерова (СПб., 1911, изд. Брокгауза и Ефрона). В издании Венгерова дневник появился почти целиком. Исключены были в основном те места, которые редактору издания казались «неудобными» для опубликования. Тем не менее текст дневника не был свободен от ряда ошибок и неточностей, связанных с тем, что редактор пользовался не подлинной рукописью Пушкина, находившейся в те годы по-прежнему у старшего сына поэта, а копией со списка, сделанного П. В. Анненковым еще в 1850-х годах. Полную же копию дневниковых записей Пушкина А. А. Пушкин разрешил снять только в 1903 году, когда к нему с просьбой об этом обратился президент Академии наук великий князь Константин Константинович. Эта копия, как и подлинник дневника Пушкина, Венгеру была недоступна.

Поэтому первыми действительно полными и, главное, научными публикациями дневника считаются два издания его 1923 года по рукописи, поступившей в 1919 году в Румянцевский музей. Одно издание осуществлено под редакцией Б. Л. Модзалевского, другое — под редакцией В. Ф. Саводника и М. Н. Сперанского.

В разное время в Румянцевский музей поступили рукописи А. С. Пушкина из личных архивов С. А. Соболевского, М. П. Погодина, С. Д. Полторацкого, П. В. Анненкова и многих других лиц. Так постепенно в Румянцевском музее сосредоточилось самое большое собрание пушкинских рукописей.

Как же сложилась дальнейшая судьба рукописного наследия Пушкина?

На Всесоюзную Пушкинскую выставку, открывшуюся в Москве в 1937 году, накануне 100-летия со дня смерти Пушкина, были представлены рукописи поэта не только из Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, но и из других музеев, библиотек и архивов страны, где они начали концентрироваться в середине XIX века. Особенно большое количество пушкинских бумаг было сосредоточено, помимо Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, в Пушкинском доме АН СССР, в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в бывшем Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) и в Государственном литературном музее в Москве.

В марте 1938 года Советское правительство приняло постановление, по которому Пушкинская выставка была реорганизована в Государственный музей А. С. Пушкина. В нем должны были храниться рукописи поэта и другие документы, связанные с его жизнью и творчеством.

Однако Великая Отечественная война помешала дальнейшему сосредоточению пушкинских рукописей в одном

месте. Только после войны, накануне 150-летия со дня рождения Пушкина, в связи с перенесением Государственного музея А. С. Пушкина в Ленинград, весь архив музея по постановлению президиума Академии наук СССР был передан в Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. И в июле 1948 года рукописи А. С. Пушкина из Москвы поступили в Ленинград.

Некоторые автографы поэта есть еще у частных лиц, имеются они и за границей. Но преобладающее большинство рукописей А. С. Пушкина вот уже три десятилетия сосредоточено в Рукописном отделе Пушкинского дома — центра советского пушкиноведения. И основную часть пушкинских фондов по-прежнему составляют рукописи, переданные А. А. Пушкиным Румянцевскому музею почти 100 лет назад.

РАДУШНЫЙ ХОЗЯИН МИХАЙЛОВСКОГО

*Григорий Александрович
Пушкин*



В семье Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных 14 мая 1835 года родился третий ребенок — сын Григорий. Имя ему Пушкин дал не случайно — в память о своем непокорном предке Григории Пушкине. Вот что писала об этом А. П. Арапова: «Мать рассказывала, что, когда родился второй сын, она хотела назвать его Николаем, но он (А. С. Пушкин. — В. Р.) пожелал почтить память одного из своих предков, казненных в Смутное время, и предоставил ей выбор между двумя именами: Гавриила и Григория. Она предпочла последнее».

При крещении Гриши, состоявшемся 22 мая в Предтеченской церкви на Каменном острове, восприемниками его были друг Пушкина Василий Андреевич Жуковский и тетка Н. Н. Пушкиной Екатерина Ивановна Загряжская,

Когда Пушкин скончался, Грише не было еще двух лет, и отца он знал только по рассказам матери.

В 1853 году 18-летний Григорий Пушкин окончил Пажеский корпус, и ему был присвоен офицерский чин корнета. Началась его служба в лейб-гвардии конном полку, которым командовал отчим П. П. Ланской и где служил уже старший брат Александр.

В 1860 году Григорий Александрович — ротмистр, адъютант командира отдельного гвардейского корпуса. В 1864-м он в чине подполковника состоял при министре внутренних дел...

В 1865 году, оставив военную службу, сын поэта некоторое время служил в одном из департаментов Министерства внутренних дел. А еще через год он переехал из Петербурга в Псковскую губернию, где когда-то его отец «провел изгнанником два года незаметных». Там, в Михайловском, Г. А. Пушкин прожил почти безвыездно более тридцати лет.

Правнучка А. С. Пушкина Софья Павловна Вельяминова вспоминала:

— Григория Александровича я никогда не видела, хотя, когда он умер, мне было уже двадцать лет. Но по рассказам моей матери, Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой, и ее сестры, Анны Александровны Пушкиной, знаю, что он, человек мягкий, очень спокойный, характером был в Гончаровых, лицом — в Пушкина.

О том, что Григорий Александрович Пушкин «в молодости характером напоминал мать», писала и Наталья Сергеевна Шепелева.

В октябре 1883 года сорокавосемилетний Г. А. Пушкин женился на Варваре Алексеевне Мельниковой (в первом замужестве Мошковой). Венчание их состоялось в Вильне (старое название Вильнюса) — городе, где в сохранившейся до наших дней православной Пятницкой

церкви Петр I в 1707 году крестил Абрама Ганнибала, прадеда Пушкина...

Живя в Михайловском, Григорий Александрович в течение многих лет был почетным мировым судьей Опочечского уезда, а также присяжным заседателем Петербургского окружного суда. В 1895 году он получил чин статского советника.

Г. А. Пушкин бережно хранил многие вещи отца (в том числе стальную саблю, подаренную поэту генералом И. Ф. Паскевичем в память об арзрумском походе 1829 года), его портреты, мебель, жестяную масляную лампу, при свете которой Александр Сергеевич работал в Михайловском.

А когда в середине 1890-х годов буря сломала последнюю из трех воспетых Пушкиным сосен, росших «на границе владений дедовских», Григорий Александрович приказал срубить ее, так как она «сделалась опасной для людей». Но предварительно он пригласил фотографа, и тот сделал снимок покалеченного дерева.

Из ствола сосны сын поэта нарезал около десяти брусочков, к которым прикрепил серебряные пластинки с памятной надписью. Эти сувениры Г. А. Пушкин послал брату Александру, сестре Наталье, М. А. Философовой — сестре своей жены, поэту К. К. Случевскому, Ю. М. Шокальскому — внуку А. П. Керн, Академии наук...

Через несколько лет, переезжая в Вильну, сын поэта взял с собой и часть ствола сосны, до того хранившуюся в его кабинете. Правда, большой кусок его он оставил Псковскому пушкинскому комитету, в ведение которого Михайловское перешло в 1899 году. Эту пушкинскую реликвию и сейчас можно видеть в доме поэта в Михайловском.

Близко знавший Григория Александровича Ю. М. Шокальский писал о нем: «В тишине своего деревенского уединения он интересовался многим и, между про-

чим, постоянно следил за всем, что появлялось в литературе об его отце. У него имелась полная коллекция разных изданий сочинений А. С. Пушкина, а в последние годы жизни он несколько раз высказывал мне свое удовольствие по поводу появления хороших новых изданий трудов его отца. Видно было, что он с ними знаком обстоятельно».

В воспоминаниях Ю. М. Шокальского подчеркивается благотворное нравственное влияние младшего сына Пушкина на окружавших его людей. По словам автора, все, кто общался с Григорием Александровичем, «невольюно подтягивались в его обществе».

Интересные заметки о сыне Пушкина опубликовал в 1905 году его двоюродный племянник Николай Павлищев, гостивший в Михайловском в 1891 и 1892 годах. Павлищев рассказывал: «Григорий Александрович не был чужд поэзии; он... написал несколько юмористических стихотворений, но произведений своих никогда не печатал, находя их неподходящими для печати».

Многие современники Г. А. Пушкина отмечали в своих воспоминаниях гостеприимство, любезность, радушие хозяина Михайловского, называли его талантливым рассказчиком-импровизатором, остроумным собеседником, страстным охотником, тонким ценителем природы. У Ю. М. Шокальского читаем: «Он искренно любил природу и всегда любовался ею; как настоящий художник в душе — он умел находить красоту во всех проявлениях ее, чувствовать и оценивать ее». Писали и о портретном сходстве сына с отцом. Так, журналист С. Яблоновский, побывавший в Михайловском незадолго до 100-летия со дня рождения Пушкина, сообщал в очерке «Поездка в Михайловское»: «...я невольюно поразился огромным сходством Григория Александровича с отцовскими портретами: такой же нос, такой же лоб, тот же склад лица, только волосы не выются, да длинная седая борода».

Познакомившийся с Г. А. Пушкиным в 1880-х годах Г. Ладыженский, родственник Е. Н. Вульф-Вревской, детство и молодость которого прошли в имении Голубово, находившемся неподалеку от Михайловского, отмечал в своих записках «Знакомство с Григорием Александровичем Пушкиным» (1926), что «младший сын поэта не только внешностью, но и характером был очень похож на отца. Те же живость, подвижность, здоровая нервность, быстрая восприимчивость и отзывчивость, жизнерадостность, пожалуй, такая же страстность». На охоте же, по словам Ладыженского, «живость его характера сказывалась еще больше». «Яростным охотником» называл Григория Александровича Д. Философов, относивший к самым светлым воспоминаниям своего детства «длинные вечера в селе Богдановском», в 60 верстах от Михайловского, куда «приезжали, конечно с пачежкой, приятели и родственники отца» и где сын поэта также «принимал иногда участие» в интересных беседах.

В уже цитированном очерке С. Яблоновского говорится: «Григорий Александрович большой садовод, и стараниями его в Михайловском заведены превосходные парники, оранжереи и насажен фруктовый сад из самых дорогих и редких пород. Сад содержится по-европейски, в образцовом порядке...»

В Михайловском, где и сейчас все дышит памятью о Пушкине, многое напоминает и о его младшем сыне. Еще в 1890-х годах перед домом в центре зеленого газона Г. А. Пушкин посадил вяз, который давно уже стал могучим, раскидистым, гармонично вписавшимся в михайловский пейзаж. Сохранился и построенный Григорием Александровичем в 1870-х годах каменный амбар для хранения льна. Теперь в нем после реконструкции здания размещены хранилище музейного фонда, научная библиотека и архив Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина.

Передовые русские люди понимали, что «счастливый домик» Пушкина в Михайловском, его «малый сад, и берег сонных вод, и сей укромный огород» нужно непременно сохранить для будущих поколений, сделать их заповедным пушкинским уголком. Вот почему в 1899 году, незадолго до столетия со дня рождения Пушкина, сын поэта учел настоятельные просьбы писателей, ученых, общественности и продал михайловскую усадьбу в казну.

В дни праздника он пожертвовал 1000 рублей на богадельню имени отца, дал денег и на обед бедным. Вместе с братом А. А. Пушкиным и другими родственниками Григорий Александрович участвовал в возложении серебряного венка на могилу отца в Святогорском монастыре.

А вскоре после пушкинского юбилея он уехал с женой в ее имение Маркучай под Вильной, где и провел последние шесть лет своей жизни.

По словам очевидца, Григорий Александрович, навсегда покидая Михайловское, «много плакал и убивался, а как пришло время садиться в карету, стал на колени, перекрестился, поклонился до земли дедовской усадьбе, роцам и саду и сказал: „Прощайте, милые мои, навсегда!“¹.

Маркучай — окраина нынешнего Вильнюса. Места здесь красивые, живописные. На высоком холме раскинулся старый, несколько запущенный парк, по-домашнему уютный, светлый. Уже издали видна центральная часть окруженного вековыми липами и кленами одноэтажного, с антресолями и верандой, дома. Справа, чуть в стороне от него, небольшая часовня.

¹ Гейченко С. С. У Лукоморья. Изд. 2-е, доп. Лепиздат, 1973, с. 159.

В 1948 году в доме, где жили Григорий Александрович и Варвара Алексеевна Пушкины, был открыт музей А. С. Пушкина¹.

В шести нижних комнатах особняка, составляющих мемориальную и самую интересную часть музея, все напоминает о бывших владельцах усадьбы Г. А. и В. А. Пушкиных. В кабинете Григория Александровича находятся два охотничьих рожка, сохранившихся от его богатой коллекции охотничьих принадлежностей. В библиотеке — свыше 600 книг, принадлежавших ему же. Среди них многочисленные комплекты журналов «Природа и охота», «Новое слово», «Русская старина», «Научное обозрение», судебные руководства, сочинения Шекспира, Шиллера, Карамзина...

Есть и первые издания произведений Пушкина: «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила» и другие.

В «Уголке Пушкина» (так называется одна из комнат дома-музея) находится фотокопия картины Н. Н. Ге «Пушкин в гостях у Пушкина в Михайловском» с автографом художника. Здесь же два рисунка с посмертной маски Пушкина, выполненные бывшей хозяйкой усадьбы. На стене гостиной — художественные вышивки, искусно сделанные ее же руками. В фондах музея хранятся десятки рисунков и портретов работы В. А. Пушкиной. К сожалению, они до сих пор не изучены и для посетителей музея практически недоступны. А между тем многие из них заслуживают внимания...

¹ Еще в середине августа 1940 года Совет Министров Литовской ССР принял решение, по которому «усадьба и инвентарь имения Маркучай в предместье Вильно» передавались Государственному музею А. С. Пушкина в Москве (см.: «Известия», 1940, 15 авг.). Однако из-за начавшейся в июне 1941 года Великой Отечественной войны Маркучай так и не стал тогда филиалом музея А. С. Пушкина.

Варвара Алексеевна, человек разносторонних интересов, проявляла трогательное внимание ко всему, что было связано с Пушкиным. В Виленской русской гимназии, носившей имя великого поэта, она нередко присутствовала на экзаменах, приезжала и на гимназические вечера, ко всем делам этого учебного заведения относилась с живейшим участием. А сам Григорий Александрович был членом судебной палаты Вильны.

По словам научного сотрудника музея К. К. Пяткявичене, до 1943 года дом в Маркучаве был предметом неустанных забот бывшего управляющего имением Назимова, хорошо знавшего о завещании В. А. Пушкиной (она умерла в 1935 году), в котором говорилось: «Дом в Маркучай не может отдаваться внаймы или в аренду, а всегда должен быть в таком состоянии, в каком находится теперь, при моей жизни, дабы в имении Маркучай сохранялась и была в попечении память отца св. п. моего мужа, великого поэта А. С. Пушкина, и дабы равно центр им. Маркучай, как и находящийся в нем жилой дом, в доказательство его памяти всегда служили культурно-просветительной цели».

Благодаря Назимову обстановка дома почти вся сохранилась. Поэтому усадьба Маркучай — не только интересный литературный музей имени А. С. Пушкина, но и музеем усадебного дворянского быта прошлого века.

После Великой Отечественной войны научные работники Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Михайловском обнаружили в Маркучаве, на чердаке дома-музея, пушкинскую книжную полку красного дерева, перевезенную вместе с другими вещами из Михайловского в 1899 году. После реставрации полка вернулась в кабинет поэта в Михайловском.

Григорий Александрович Пушкин умер 15 августа 1905 года. Многие газеты с прискорбием извещали читателей о кончине младшего сына поэта.

Погребен Г. А. Пушкин на территории усадьбы Маркучай, на семейном кладбище, возле часовни, построенной в 1903 году.

В 1969 году часовня (в ней было совершено отпевание Григория Александровича, а позже и Варвары Алексеевны) реставрировалась. В музее, посвященном имени Пушкина, велись большие работы по расширению и углублению экспозиции, посвященной жизни и литературной деятельности гениального русского поэта.

Сам Пушкин никогда в Вильне не был. Но в столице Литвы скрестилась две тропинки к Пушкину. По одной из них в начале XVIII века прошел его знаменитый прадед Абрам Ганнибал, по другой — через двести лет — младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин.

„ПРЕКРАСНАЯ ДОЧЬ ПРЕКРАСНОЙ МАТЕРИ...“

*Наталья Александровна
Меренберг,
урожденная Пушкина*



За несколько месяцев до рождения младшей дочери А. С. Пушкин писал П. В. Нащокину: «Мое семейство умножается, растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться».

Наташа родилась 23 мая 1836 года. Через четыре дня Александр Сергеевич сообщал ему же: «Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь и на пороге узнал, что Нат[алья] Ник[олаевна] благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, все идет хорошо».

После рождения Таши (так звали девочку в семье) жена Пушкина долго болела, да и поворожденная чувствовала себя неважно. Поэтому крестины пришлось

отложить на целый месяц. Они состоялись в Предтеченской церкви на Каменном острове только 27 июня.

Крестными младшей дочери Пушкиных были друг поэта композитор Михаил Юрьевич Виельгорский и тетка Наталья Николаевна Пушкиной Екатерина Ивановна Загряжская.

От Пушкина Наталья Александровна унаследовала черты лица, порывистость движений, страстность. Иван Сергеевич Тургенев, познакомившийся с нею, когда ей было уже сорок лет, писал брату Николаю о том, что дочь Пушкина «как две капли воды похожа» на отца.

В характере Натальи Александровны, добром и в то же время непреклонном, гордом, тоже было много пушкинского.

Вопреки утверждениям некоторых мемуаристов, приписывающих младшей дочери поэта необузданность нрава, несдержанность в поступках, Наталья Сергеевна Шепелева со слов внучки поэта Анны Александровны Пушкиной пишет: «Наталья Александровна никогда необузданной не была: она была несколько строптивой, но все же в рамках большой воспитанности и сдержанности».

Люди, знавшие Наталью Александровну (в первом замужестве Дубельт, во втором — графиня Меренберг) в зрелые годы, отмечали ее острый ум и душевную щедрость.

Хотя Н. А. Меренберг большую часть жизни провела за границей, она до последних своих дней сохранила любовь к Родине, ко всему русскому. И, разумеется, к Пушкину.

Редактору «Русской старины» М. И. Семевскому дочь Пушкина рассказывала: «Все, что знаю об отце, это уже по рассказам моей матери... Квартира, где он умер, была матерью покинута, но в ней впоследствии жили мои знакомые... и я в ней часто бывала».

Доктор В. Б. Бертенсон, неоднократно встречавшийся с Натальей Александровной за границей, часто бывавший у нее в доме и в течение многих лет переписывавшийся с нею, вспоминал, что она «осталась все такою же хорошою, милою, доброю, простою русской женщиною». Он с удовлетворением отмечал, что десятки лет постоянного проживания вне России «не сделали из дочери А. С. Пушкина иностранку».

Младшая дочь Пушкина поражала современников своей необыкновенной красотой. Ее называли «прекрасной дочерью прекрасной матери», «очень красивой, эффектной брюнеткой», «экзотически красивой женщиной», «вылитую матерью».

Современники утверждали, что «красота Натальи Александровны... еще обаятельнее красоты ее матери», что дочь Пушкина «в свои молодые годы яркой звездочкой сияла в столичном свете».

Сын известного романиста С. М. Загоскин писал в 1856 году:

«В жизнь мою я не видал женщины более красивой, как Наталья Александровна, дочь поэта Пушкина. Высокого роста, чрезвычайно стройная, с великолепными плечами и замечательною белизною лица, она сияла каким-то ослепительным блеском. Несмотря на малоправильные черты лица, напоминавшего африканский тип ее знаменитого отца, она могла назваться совершенною красавицей, и если прибавить к этой красоте ум и любезность, то можно легко представить, как Н. А. была окружена на великосветских балах и как около нее увивалась вся щегольская молодежь в Петербурге».

Французский писатель Луи Леже, видевший Наталью Александровну в 1880 году в Москве, на открытии памятника Пушкину, писал, что она, «элегантная и величественная... напоминала свою мать, Наталью Гончарову...».

Но, пожалуй, особенно восторженно отзывалась о Наталье Александровне ее близкая знакомая Е. А. Регекампф: «Про красоту ее скажу лишь одно: она была лучезарна. Если бы звезда сошла с неба на землю, она сияла бы так же ярко, как она. В большой зале становилось светлее, когда она входила, осанка у нее была царственная, плечи и руки очертаний богини... К тому же она была до того моложава, что когда вывозила старшую дочь, мою приятельницу, то на каком-то общественном балу к ней стал приставать молодой офицер, приглашая ее на вальс... «Танцуйте с моей дочерью». — «Как, неужели у вас дочь?» — воскликнул он, удивленный. Все мы засмеялись».

В ранней молодости, по свидетельству С. М. Загоскина, Н. А. Пушкина была влюблена в князя Николая Алексеевича Орлова (1828—1885), в будущем русского посла в Париже и Берлине.

Он, также страстно полюбивший Наташу, хотел жениться на ней. Однако отец его, князь А. Ф. Орлов, в те годы шеф жандармов, не допустил этого брака, заявив, что дочь Пушкина недостойна быть женой князя Орлова.

Зимой 1853 года шестнадцатилетняя Наталья Пушкина становится женой полковника Михаила Леонтьевича Дубельта (1822—1900), сына того самого начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта, которого продажный Фаддей Булгарин лгиво называл «отцом и командиром» и который 29 января 1837 года опечатавал по высочайшему повелению кабинет умершего поэта и разбирал потом его бумаги.

Надо сказать, что Наталья Николаевна Пушкина-Ланская, хотя и благосклонно, с симпатией относилась к будущему зятю (ей импонировали его ум и красноречие), была против брака дочери с Дубельтом. Но Наташа на-

стояла: «Одну¹ замариновала. И меня хочешь замариновать?»

Не послушалась она и предостережений отчима П. П. Ланского. А. П. Арапова писала: «Отец мой недолюбливал Дубельта. Его сдержанный, рассудительный характер не мирился с необузданным нравом, с страстным темпераментом игрока, который жених и не пытался скрыть. Будь Наташа родная дочь, отец никогда не дал бы своего согласия, ясно предвидя горькие последствия; но тут он мог только ограничиться советом и предостережениями».

Вскоре после свадьбы молодожены уехали из Петербурга в Подольскую губернию, где Дубельт-сын, блестящий флигель-адъютант, продолжал нести военную службу.

Замужество дочери Пушкина оказалось неудачным, несчастливым. Заядлый карточный игрок, Михаил Дубельт промотал все состояние. Он бешено ревновал жену, всячески издевался над нею, даже бил ее. И в 1862 году супруги разъехались.

В ожидании окончания бракоразводного процесса (а он затянулся надолго) Наталья Александровна уехала в Венгрию, к тетке баронессе Александре Николаевне Фризенгоф (урожд. Гончаровой), где находилась в то время, по случаю лечения, и Н. Н. Пушкина-Ланская.

А. П. Арапова считала, что тяжкая семейная драма Наташи «много способствовала... преждевременной кончине» матери, Н. Н. Пушкиной-Ланской, которая, по словам той же Араповой, «стала таять как свеча». «Образ далекой Таши... с тремя крошками на руках грустным виде-

¹ Речь идет о Марии Александровне Пушкиной, которой шел тогда двадцать первый год (она вышла замуж только в 1860 году, двадцати восьми лет).

нием склонялся над ее смертным одром». И глубокой осенью 1863 года Натальи Николаевны не стало.

Только в мае 1864 года Н. А. Дубельт получила наконец свидетельство — «вид» — на право жить отдельно от мужа (без развода). Этот документ в 1967 году передала в Пушкинский дом АН СССР через И. Л. Андроникова праправнучка А. С. Пушкина Клотильда фон Ринтелен, проживающая в Висбадене (ФРГ).

Свидетельство написано на гербовой бумаге, скреплено тремя подписями и печатью на красном сургуче:

«Дано сие из второго департамента С.-Петербургской управы благочиния жене генерал-майора Наталье Александровне Дубельт, вследствие предложения С.-Петербургского военного генерал-губернатора от 21 сего мая за № 9181, основанного на высочайшем повелении, о том, чтобы не принуждать ее, г-жу Дубельт с детьми к совместной жизни с мужем, — в том, что дозволяется г-же Дубельт с детьми ее — сыном Леонтием, родившимся 5 октября 1855 года, и дочерью Натальею, родившеюся 23 августа 1854 года, проживать во всех городах Российской империи, а в случае смерти настоящее свидетельство должно быть возвращено в сей департамент. С.-Петербург. Мая 29 дня 1864 года».

Брак Дубельтов был расторгнут лишь четыре года спустя, 18 мая 1868 года. Старших детей, Наталью и Леонтия, Наталья Александровна оставила, покидая в 1862 году Россию, на попечение матери и отчима П. П. Ланского, а младшую ее дочь Анну согласилась воспитывать тетка Дубельта Базилевская.

Вскоре дочь Пушкина становится морганатической¹ супругой немецкого принца Николая-Вильгельма Нассауского (1832—1905), получает титул и фамилию графини

¹ Морганатическим назывался брак члена царствующего дома с лицом, не принадлежавшим к владетельному роду.

Безкорытною любовью кто выжил
будут уверены за милл какия иль
трусимая иль иль-ни благородна'ша
нигде молчаливаго сердца?

Автограф А. С. Пушкина, посвященный потомкам.

Пушкинский кабинет ИРЛИ



Наталья Николаевна Пушкина.
Акварель В. И. Гау. 1842—1843 гг.

Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Александр Александрович
Пушкин, сын А. С. Пушкина.
Фотография конца 1850-х — начала
1860-х гг.*



*Александр Александрович
Пушкин.
Фотография начала 1860-х гг.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ



Софья Александровна Пушкина, урожденная Ланская, жена А. А. Пушкина, сына поэта.

Фотография начала 1860-х гг.



Александр Александрович Пушкин.
Пушкинский кабинет ИРЛИ
Фотография конца 1900-х гг.



*Наталья Александровна
Пушкина,
дочь А. С. Пушкина.
С портрета худ. И. К. Макарова.
1849 г.*



*Наталья Александровна
Меренберг.*

Фотография конца 1850-х гг.



*Дом Г. А. и В. А. Пушкиных в Маркучае. Ныне литературный музей А. С. Пушкина.
Фотография 1969 г.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Старшие дети А. А. Пушкина (слева направо): вверху — Ольга, Александр, Наталья; внизу — Анна, Григорий, Мария.
Фотография 1874 г.*



*Дом Васильчиковых в Липасне.
Пушкинский кабинет ИРЛИ* Фотография 1973 г.



*Дом А. А. Пушкина в деревне Львовке. Перед домом — бюст
А. С. Пушкина.
Фотография 1972 г.*



*Дом в М. Останкине, где жил и умер А. А. Пушкин.
Пушкинский кабинет ИРЛИ* Фотография 1961 г.



*Мария Александровна
Гартунг.
Фотография 1863 г.*

*Дети А. С. Пушкина (слева
направо): Григорий,
Мария, Наталья
и Александр.
Рисунок Н. И. Фризенгоф. 1841 г.*



Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Мария Александровна
Гартунг,
дочь А. С. Пушкина.
С портрета худ. И. К. Макарова.
1860-е гг.*



*Мария Александровна
Гартунг.
С портрета худ. М. Орлова.
Пушкинский кабинет ИРЛИ*

24 ноября

Воспитанец г. А. А. Копеев.
Зина — супруга Платона
— сына. Она родилась в
— деревне. Супруги
Рост и Платон —
торговцы хлебом. У
них недвижимых имуществ
нет. У них 45 лет усадьба и
принадлежит. У них есть
много земли и скота
но скотари не есть.
Супруги Копеевы
женщины. Их дети: Платон
Платон Иванович Копеев
1826. Он много времени
ходит в школу — но
знать не умеет читать.
Он занимается только
до 1821 год. Потом у
них в деревне есть
еще и Платон — сын.
Супруги у них есть и
Платон. Платон
был во владении Платона
— Платона и Платона
Платона Платона Платона
— сына Платона. 1826.

Меренберг и последние сорок с лишним лет живет в основном в Германии.

В 1880 году графиня Н. А. Меренберг приезжала в Россию по случаю открытия в Москве памятника А. С. Пушкину. С нею был на торжествах и ее двадцатичетырехлетний сын Леонтий Михайлович Дубельт, морской офицер, внешностью своей, как свидетельствует один из современников, «напоминавший экзотический облик Пушкина».

Через год Л. М. Дубельт напечатал в журнале «Нива» (1881, № 5) портрет своей матери в юности, гравированный Б. Пуцем по рисунку П. Лебедева с блестяще исполненного оригинала И. Макарова.

Еще раньше, в 1876 году, Наталья Александровна передала Ивану Сергеевичу Тургеневу для публикации принадлежавшие ей 75 писем А. С. Пушкина (74 — к невесте и жене Н. Н. Гончаровой-Пушкиной, одно — к теще, Н. И. Гончаровой). Эти письма первоначально предназначались в наследство старшей дочери А. С. Пушкина — Марии Александровне Гартунг, но та по просьбе матери охотно уступила их младшей сестре, которой они могли послужить материальной поддержкой в ее трудном положении в связи с неудавшейся в первом браке семейной жизнью.

Появлением писем отца в «Вестнике Европы» (1878, кн. 1), издававшемся М. М. Стасюлевичем, были весьма недовольны сыновья поэта Александр Александрович и Григорий Александрович Пушкины.

О собственной роли в публикации писем Пушкина И. С. Тургенев писал: «...я считаю избрание меня дочерью Пушкина в издатели этих писем одним из почетнейших фактов моей литературной карьеры; я не могу довольно высоко оценить доверие, которое она оказала мне, возложив на меня ответственность за необходимые сокращения и исключения».

И дальше: «Нам остается искренне поблагодарить графиню Н. А. Меренберг за этот поступок, на который она, конечно, решилась не без некоторого колебания, — и выразить надежду, что ту же благодарность почувствует и докажет ей общественное мнение».

Когда письма Пушкина были изданы, возник вопрос о судьбе их автографов. М. М. Стасюлевич хотел удерживать подлинники писем у себя, чтобы передать их затем в Пушкинский Лицейский музей. Однако Н. А. Меренберг не согласилась с этим. 8 января 1879 года она писала М. М. Стасюлевичу: «Милостивый государь Михаил Матвеевич, Иван Сергеевич передал мне Ваше предложение насчет писем отца моего. Признаюсь откровенно, что я не в силах принести ту жертву, которую Вы от меня ожидаете. Я так дорожу письмами отца моего, что, конечно, при жизни никогда добровольно не расстанусь с ними. И потому я покорно прошу вас передать их зятю моему Ивану Андреевичу Арапову, которого я буду просить явиться к Вам по этому поводу».

Вскоре письма Пушкина были возвращены Наталье Александровне. Но через два года, в 1882-м, она, вопреки своему заявлению в письме к Стасюлевичу, «добровольно» уступила Румянцевскому музею автографы 62 писем ее отца к Н. Н. Пушкиной. Сделала это Н. А. Меренберг через своего брата, Александра Александровича, и, вероятно, по его настоянию.

Письма были переданы в музей в запечатанном конверте (на нем рукой Н. А. Меренберг написано: «Его превосходительству Александру Александровичу Пушкину») и с условием не публиковать их в течение 50 лет. Этот запрет, наложенный А. А. Пушкиным на письма отца, опубликованные Тургеневым без разрешения сыновей поэта, действовал до середины 1920-х годов. Таким образом, все дореволюционные издания сочинений Пушкина воспроизводили письма поэта не по подлинникам, хранив-

шимся в Румянцевском музее, а по текстам, отредактированным Тургеневым. Только в 1926 году Н. В. Измайлов, помогавший Б. Л. Модзалевскому сверять тексты писем Пушкина для предстоящего издания, получили возможность прочесть их автографы, которые хранились в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина.

Двенадцать французских писем А. С. Пушкина к невесте, Н. Н. Гончаровой, и одно к теще, Н. И. Гончаровой, Наталья Александровна Меренберг оставила у себя. Два из них — через А. М. Кондыреву и В. Б. Бертенсона — поступили впоследствии в Пушкинский дом. Одно неизвестно где находится. Остальные десять писем в настоящее время являются собственностью балетмейстера и коллекционера С. М. Лифаря, живущего в Париже.

В 1890 году Наталья Александровна подарила Бертенсону свой портрет с автографом. Более двадцати лет спустя, 14 марта 1913 года, он был воспроизведен в «Биржевых ведомостях» в связи с известием о кончине Н. А. Меренберг.

Умерла Наталья Александровна 10 марта 1913 года во французском городе Капне, в доме дочери — графини Софии Торби. В печати широко сообщалось о смерти младшей дочери поэта.

Жившая в России дочь покойной Анна Михайловна Кондырева (урожденная Дубельт), узнав из телеграмм о предстоящей кремации в городе Майнце тела Натальи Александровны, обратилась через дипломатические каналы к германскому правительству с просьбой дать ей и членам ее семьи возможность похоронить мать по православному обряду.

Однако германские власти отклонили просьбу русских родственников графини Меренберг на том основании, что «воля покойной, выраженная в завещании, должна быть исполнена».

20 марта состоялась кремация, урна с прахом дочери Пушкина была торжественно доставлена в Висбаден на могилу ее мужа Николая-Вильгельма Нассауского (морганатическая супруга принца не могла быть похоронена в фамильном склепе Нассауских).

От второго брака у Натальи Александровны было трое детей — София, Александра, Георг-Николай. Все они жили за границей. Потомки Пушкина по этой линии и сейчас находятся за рубежом.

ВНУКИ





Пушкинский кабинет ИРЭИ

ЧЕЛОВЕК БОЛЬШОЙ ДУШИ...

*Наталья Александровна
Воронцова-Вельяминова,
урожденная Пушкина*



У старшего сына Пушкина, Александра Александровича, было тринадцать детей, у младшей дочери, Натальи Александровны, — шесть. Старшая же дочь поэта Мария Александровна Гартунг и младший сын Григорий Александрович Пушкин потомства не оставили.

Среди девятнадцати внуков гениального поэта было немало людей с яркими, интересными судьбами. О некоторых из них хочется рассказать подробнее.

Старшая дочь А. А. Пушкина Наталья Александровна, в замужестве Воронцова-Вельяминова, отличалась, по воспоминаниям ее родственников, большой силой воли, необыкновенной живостью характера и ума, унаследованными от деда — А. С. Пушкина.

Хотя поэт и завещал своим потомкам не писать стихов, его внучка Наталья легко слагала их. К сожалению,

альбомы с ее стихами давно исчезли. И судить о достоинствах поэтических опытов внучки Пушкина теперь невозможно, так как стихи Натальи Александровны никогда не печатались.

Может быть, помня мнение отца, Александра Александровича: «Что можно написать после Пушкина?!» — она опасалась выглядеть в поэзии дилетанткой (внучка Пушкина пишет плохие стихи!), поэтому и сочиняла только для себя. Ведь Пушкин — его портрет постоянно стоял на рабочем столе Н. А. Воронцовой-Вельяминовой — всегда был для его потомков и родственников не только недостижимым по творческим возможностям образцом, но и строгим молчаливым семейным судьей.

Наталья Александровна отлично рисовала. Об этом можно судить по двум сохранившимся альбомам с ее пейзажными рисунками и портретами. Альбомы эти в настоящее время являются собственностью прапраправнука Пушкина Андрея Александровича Кологривова (к нему они перешли от его бабушки С. П. Вельяминовой). Жаль, что и этому своему дарованию внучка поэта не придавала серьезного значения.

«Человек живого ума, большого сердца и, по-видимому, незаурядных способностей, хотя они не получили развития...» — такой помнит Наталью Александровну ее внучка И. Е. Гишман. По словам Ирины Евгеньевны, Н. А. Воронцова-Вельяминова была «подвижная, веселая, интересная собеседница, отзывчивый человек. Даже уже в немолодом возрасте любила играть с детьми. Пользовалась большой любовью и уважением всех знавших ее. Дочерей воспитывала в духе служения людям, в труде».

Правнучка Пушкина и внучатая племянница Гоголя Софья Николаевна Данилевская убеждена, что ее тетю, Н. А. Воронцову-Вельяминову, «уважали потому, что, во-первых, она была человеком не только справедливым, но

и прямым: когда нужно было, вступала в споры, невзирая на лица; во-вторых, она помогала всем».

...Родилась Наташа Пушкина в Петербурге, в конно-гвардейских казармах, где была квартира ее родителей. При крещении ее Наталья Николаевна Пушкина-Ланская подарила внучке собственной работы гарусное детское одеяльце, которое теперь хранится как бесценная семейная реликвия у Ирины Евгеньевны Гибшман.

Тогда же Наталья Николаевна подарила Наташе и кровать красного дерева с кисейным пологом, которая когда-то принадлежала детям Пушкина. Впоследствии, в середине 1880-х годов, в ней спала ребенком и дочь Н. А. Воронцовой-Вельяминовой Софья Павловна Вельяминова. А еще позднее в этой кровати спали все внучки Н. А. Воронцовой-Вельяминовой — дети ее дочери Марии Павловны Клименко (урожденной Воронцовой-Вельяминовской).

Вспоминая о памятных подробностях своего детства и отрочества, С. П. Вельяминова приводит запомнившиеся ей рассказы матери, Н. А. Воронцовой-Вельяминовой, о Н. Н. Пушкиной.

Оказывается, «Наталья Николаевна хорошо играла в шахматы, но по-детски огорчалась, когда проигрывала».

Еще интереснее то, что «она вместе с П. П. Ланским хлопотала об освобождении М. Е. Салтыкова-Щедрина из ссылки в Вятке».

Эти семейные предания подтверждаются и документальными источниками. Вкратце суть «заступничества» Ланских за Салтыкова-Щедрина такова.

В разгар Крымской войны П. П. Ланской был командирован в Вятку, чтобы сформировать там отряд из местных ополченцев. Вместе с ним прибыла туда его семья. Осенью 1855 года в их доме часто бывал молодой литератор М. Е. Салтыков. Он уже более шести лет жил в Вятке как ссыльный. Наталья Николаевна относилась к нему с

уважением. Она постоянно оказывала Михаилу Евграфовичу радушный прием, поддерживала его нравственно, о чем писатель тепло вспоминал до старости.

Наталья Николаевна, по свидетельству Л. Н. Спасской (дочери вятского врача), настоятельно просила мужа (его двоюродный брат С. С. Ланской в то время занимал пост министра внутренних дел) посодействовать освобождению писателя из ссылки. О хлопотах П. П. Ланского М. Е. Салтыков писал в октябре 1855 года брату Дмитрию: «Он принял живейшее участие в моем положении и с нынешнею почтою послал к министру официальное письмо, в котором, отзываясь обо мне с лучшей стороны, просит походатайствовать мне всемилостивейшее прощение. Кроме этого... еще частным письмом просит министра о том же». А 28 ноября писатель делится с братом радостью: «К 15-му января надеюсь быть в Петербурге... Всем этим я обязан генералу Ланскому, который так добр, что даже дает мне письмо к нашему министру».

В январе 1856 года вернулись в столицу и Ланские.

Нельзя не отметить, что П. П. Ланской и в период формирования ополчения в Вятке проявил себя, в отличие от большинства других царских чиновников, человеком бескорыстным, честным. В его руках оказалась сумма в 100 тысяч рублей — результат частных пожертвований от жителей губернии. Эти деньги он передал военному министру Сухозанету, сообщил о них и царю.

Жену Пушкина нередко изображали лишь холодной, бездушной красавицей, украшавшей придворные балы, считали ее виновницей гибели поэта, забывая о том, что Наталья Николаевна в январе 1837 года, когда погиб Пушкин, шел всего-навсего двадцать пятый год и она была уже матерью четверых детей... Вмешательство вдовы Пушкина в судьбу М. Е. Салтыкова-Щедрина, как и другие факты ее биографии, показывает некоторую общественную активность Натальи Николаевны.

Здесь уместно привести воспоминания ее дочери Александры Петровны Ланской (в замужестве Араповой) о последней встрече Н. Н. Пушкиной с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, которая произошла в доме Карамзиных в апреле 1841 года, накануне отъезда поэта на Кавказ.

«В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов сказал:

— ...Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную, неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости... Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самооправданна мечта, стать когда-нибудь вашим другом...

— Прощать мне вам нечего,— ответила Наталья Николаевна,— по если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении».

Лермонтову не суждено было вернуться в Петербург. И когда через несколько месяцев Н. Н. Пушкина узнала о его трагической смерти, «сердце ее болезненно сжалось. Прощальный вечер так наглядно воскрес в ее памяти, что ей показалось, что она потеряла кого-то близкого».

Вспоминая последнюю встречу с Лермонтовым, вдова Пушкина уже в последние годы жизни признавалась: «Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унес с собою в могилу».

Семейные воспоминания о бабушке, которыми всегда щедро делилась Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова с родственниками и знакомыми, способствовали укреплению доброго, справедливого мнения о Наталье Николаевне, о ее истинной роли в жизни Пушкина.

...Наталья Александровна, получив первоначально хорошее домашнее образование, закончила гимназию.

В 1881 году она вышла замуж за Павла Аркадьевича Воронцова-Вельяминова, офицера гусарского Нарвского полка, командиром которого был ее отец А. А. Пушкин. Свадьба Павла Аркадьевича и Натальи Александровны, как видно из ее письма к дяде Г. А. Пушкину от 11 января 1881 года, состоялась в Рязани. Оттуда молодожены вскоре переехали в Козлов, к месту службы П. А. Воронцова-Вельяминова.

Любопытно отметить, что родная сестра П. А. Воронцова-Вельяминова, Наталья Аркадьевна, была замужем за Василием Васильевичем Тютчевым — дальним родственником поэта Ф. И. Тютчева. Их дочь Наталья Васильевна Тютчева до самой смерти (в июле 1974 года) жила вместе с московской праправнучкой Пушкина Мариной Евгеньевной Клименко.

...Через несколько лет после женитьбы П. А. Воронцов-Вельяминов вышел в отставку, и супруги на долгие годы обосновались в его белорусском имении Вавуличи, под Бобруйском. Там Наталья Александровна и жила вплоть до самой смерти. Похоронена она в селе Телуша, в трех километрах от Вавулич.

«На редкость гармонично сочетавшая ум, волю и чувства», Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова имела, как вспоминает ее дочь Софья Павловна Вельяминова, «широкий кругозор, тяготилась своей оторванностью от общественной жизни», причиной чему в первые годы супружества была кочевая военная жизнь мужа, а позже и большая семья — у Воронцовых-Вельяминовых было шестеро детей: Григорий (1882—1882), Мария (1883—1932), Софья (1884—1974), Михаил (1885—1951), Феодосий (1888—1914), Вера (1890—1920).

И все-таки внучка Пушкина находила время и возможности, особенно когда подросли дети, оказывать

постоянную помощь крестьянам своей округи. Большим доставала лекарства, а если они нуждались в серьезном лечении, отправляла к крупным специалистам в Вильну и Гомель. Многое делала Наталья Александровна для того, чтобы крестьянские дети могли учиться грамоте, а наиболее способные из них получить регулярное образование. Она давала детям книги для чтения, знакомила их с творчеством Пушкина, которое сама знала очень хорошо.

Благотворительное общество, председателем которого долгие годы была Н. А. Воронцова-Вельяминова, строило ясли и приюты для детей вдов и одиночек, покупало многодетным семьям швейные машины, ремонтировало избы бедняков, заботилось о дровах и хлебе для нуждающихся.

Благотворительную деятельность Наталья Александровна считала недостаточной: ей, женщине с нежной, чуткой к людскому горю душой, казалось порой, что это просто подачки богатых бедным, оскорбительные для тех и других. Внучка Пушкина видела смысл жизни в бескорыстном, самоотверженном служении людям, была убеждена, что можно и нужно сделать для родного народа больше, чем делает она. Страдала оттого, что не все задуманное ею осуществлялось, и теплом истинно человеческого участия, щедростью своего большого сердца согревала каждого, кто нуждался в помощи и поддержке.

Такой внучка поэта Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова оставалась до последнего своего часа.

КАК ПОРОДИЛИСЬ ПОТОМКИ ПУШКИНА И РОДСТВЕННИКИ ГОГОЛЯ

*Мария Александровна
Быкова,
урожденная Пушкина*



В конце августа 1881 года 19-летняя Мария Пушкина, внучка поэта, стала женой Николая Владимировича Быкова (1856 — 1918), штаб-ротмистра 13-го гусарского Нарвского полка, командиром которого был А. А. Пушкин. Вскоре супруги переехали в Полтавскую губернию, где Николаю Владимировичу принадлежало имение Васильевка (Яновщина)¹.

Впоследствии Н. В. Быков служил в административных учреждениях, состоял непреременным членом Полтавского губернского присутствия. Последние десять лет, вплоть до смерти, был членом правления земельного банка.

¹ Ныне Гоголевка. Переименована к 150-летию со дня рождения Н. В. Гоголя.

Н. В. Быков — сын полковника Владимира Ивановича Быкова и его жены Елизаветы Васильевны, урожденной Гоголь, родной сестры Николая Васильевича Гоголя. Супружество внушки Пушкина и племянника Гоголя оказалось исключительно счастливым — у Марии Александровны и Николая Владимировича было десять детей: Александр (1883—1917), Елизавета (1884—1885), Елизавета (1885—1964), Софья (род. 1887), Наталья (род. 1888), Мария (1892—1955), Владимир (1895—1921), Анна (род. 1897), Татьяна (род. 1898), Елена (род. 1900).

Познакомимся с краткими сведениями о некоторых родственниках Гоголя и их полтавском «гнезде», которое сохранялось до недавнего времени и в котором жили многие потомки Пушкина.

Первомайский проспект в Полтаве — одна из красивейших улиц этого города. До начала 1900-х годов он назывался Институтским: в конце его находился институт благородных девиц; в 1909 году, к 200-летию Полтавской битвы, проспект переименовали в Келинский (в память заслуг доблестного коменданта города полковника А. Келина). Нынешнее название он получил в советское время.

До 1969 года на Первомайском проспекте, напротив городского парка культуры и отдыха имени Победы, стоял дом из красного кирпича, окруженный садом. Построен он был в начале 1880-х годов сестрой Гоголя — Анной Васильевной. Прежде она жила в небольшом деревянном домике, находившемся на этой же усадьбе. Он был куплен ею вместе с участком земли, считавшимся тогда загородным. Есть основания предполагать, что в «малом» доме бывал неоднократно приезжавший в Полтаву Николай Васильевич Гоголь. По словам С. Н. Данилевской, сестры писателя Анна и Елизавета вместе учились в Петербурге. Их отвез туда Н. В. Гоголь. Однако, окончив женский институт, обе вернулись в Малороссию, к матери своей,

жившей в Васильевке. Позже сестры обосновались в Полтаве.

В Васильевке прошли детство и юношеские годы пятиерых племянников писателя — сыновей и дочерей Елизаветы Васильевны Гоголь (Быковой). После ее безвременной кончины их вырастила до совершеннолетия Анна Васильевна Гоголь, у которой собственных детей не было.

Старшая из них, Мария Владимировна, в замужестве Рахубовская, позднее жила в полтавской «гоголевской» усадьбе, где построила себе новый дом. В августе 1917 года она трагически погибла.

Вторым по старшинству был Николай Владимирович. О нем подробнее будет сказано ниже. Затем шли сестры-близнецы Варвара и Анна. Обе замужем не были. С. Н. Данилевская хорошо помнит их. Варвара Владимировна жила в Полтаве и почти каждый день приходила в семью своего старшего брата, где ее очень любили. Анна Владимировна жила в Харькове, заведовала музеем.

Младшим в семье Быковых был Юрий Владимирович. Он работал воспитателем в Полтавском кадетском корпусе. Был женат на Марии Андреевне Аладьиной. Оба умерли в 1920 году.

Николай Владимирович Быков после смерти матери наследовал часть Васильевки (Яновщины). Когда-то имение было собственностью отца писателя — Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского (отсюда и двойное название имения: официальное — по имени владельца, местное — по второй части его фамилии). Потом, после его смерти, оно перешло к матери писателя — Марии Ивановне Гоголь (урожденной Косяровской), namного пережившей своего знаменитого сына.

Позднее, после смерти М. И. Гоголь, Васильевка принадлежала сестрам писателя — Анне, Елизавете и Ольге.

Когда Елизавета Васильевна Гоголь (Быкова) скончалась, ее сыну Николаю Владимировичу Быкову достались

две трети имения (Анна Васильевна Гоголь уступила ему свою долю), а третья часть, включая усадьбу, осталась по-прежнему за Ольгой Васильевной Гоголь (в замужестве Головня).

С родовым «гнездом» Гоголей в Васильевке (Яновщине) были связаны многие годы совместной жизни Николая Владимировича и Марии Александровны Быковых. Последние годы жизни внучка Пушкина провела в Полтаве. Здесь и теперь живут около десяти прямых потомков поэта по этой линии.

О матери и отце своих Софья Николаевна Данилевская рассказывала:

— Когда я в тысяча девятьсот седьмом году выходила замуж за Сергея Дмитриевича Данилевского, няня моих младших сестер говорила: «Желаю вам такой же хорошей жизни, какой живут Мария Александровна и Николай Владимирович». Действительно, отец и мать образцово прожили вместе тридцать семь лет. Между ними никогда не было ссор, хотя отец был строгий. Мои родители проявляли исключительную заботу о детях и друг о друге. Для своих сыновей и дочерей они были примером буквально во всем.

Отец любил общество и выезды. Но он всегда знал пределы веселья и никогда не пил. Николай Владимирович был человеком передовых убеждений, ратовал за хорошую жизнь для крестьян, в земстве входил в «левое» крыло. Крестьяне часто обращались к нему за советами, с различными просьбами. И он никому не отказывал.

Необыкновенно доброй, чуткой была и мать. Живя в Васильевке, она оказывала бесплатную медицинскую помощь крестьянам, которые почти постоянно страдали малярией. Помогала и при увечьях, так как врач жил в двадцати верстах от Васильевки. В комнате матери стоял «аптекарский шкаф» (так говорили в семье), в нем хранились разные лекарства. В больших количествах были

и дезинфицирующие средства. К тяжелобольным мать всегда ходила сама.

В детстве мы, ребяташки, — продолжала Софья Николаевна, — зимой не имели права выходить на улицу после четырех часов. Опаздывать домой боялись: отец очень строго следил за тем, чтобы никто из нас не нарушал заведенного им порядка.

По словам С. Н. Данилевской, Николай Владимирович Быков прекрасно играл в любительских спектаклях. У него был хороший голос. Он сочинял романсы, шуточные песни. Но ни песни, ни стихи его нигде не печатались. Николай Владимирович никогда не собирался стать профессиональным писателем. В то же время он встречался со многими литераторами. С ним, например, был дружен на редкость колоритный человек и интересный писатель Владимир Алексеевич Гиляровский (1853—1935). Он два раза приезжал к Быковым в Васильевку¹. У полтавских потомков Пушкина и сейчас хранятся его автографы.

Наталья Сергеевна Савельевой (урожденной Данилевской) было шесть лет, когда умер ее дедушка, Н. В. Быков. Помнит она его плохо и знает о нем в основном по рассказам матери, С. Н. Данилевской. Зато она охотно, с удовольствием делится воспоминаниями о бабушке, пережившей мужа на двадцать лет.

— Мария Александровна Быкова, — говорит Наталья Сергеевна, — в совершенстве владела французским языком. Кроме того, она хорошо знала немецкий и английский. Помню, как бабушка, пробегая глазами французский текст, тут же переводила его вслух на русский язык.

¹ О первом посещении гоголевского имения В. А. Гиляровский рассказывает в очерке «По следам Гоголя» (*Гиляровский Вл. Сочинения в четырех томах, т. 2. М., изд-во «Правда», 1967, с. 390—414*).

Даже в последние годы жизни она читала газеты, книги, была всегда в курсе всех важных мировых событий. Мария Александровна до глубокой старости сохранила прекрасное зрение — очки никогда не носила. Она была необычайно подвижная. Очень любила порядок в доме. Именно от бабушки я больше всего узнала об истории нашей семьи, о Пушкине и Гоголе...

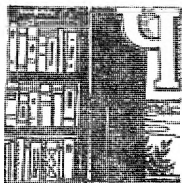
К памяти Александра Сергеевича и Натальи Николаевны Пушкиных М. А. Быкова относилась с глубокой любовью, почтительно. Так же дорого было ей все связанное с Гоголем. Долгие годы она бережно хранила портрет Натальи Николаевны, некоторые личные вещи обоих писателей. Все это внучка Пушкина незадолго до кончины передала в Полтавский краеведческий музей.

Среди самых дорогих семейных реликвий, поступивших в музей от Марии Александровны и ее близких в 1920—1930-х годах, были портрет Гоголя, написанный в Италии Ф. А. Моллером для матери писателя, и золотые карманные часы, которые после смерти Пушкина перешли к В. А. Жуковскому, а последним в 1838 году подарены Гоголю. Еще в годы гражданской войны М. А. Быкова передала на хранение в музей шкаф с книгами Н. В. Гоголя и чемодан с его личными вещами. Эти фамильные ценности Быковых погибли во время Великой Отечественной войны, когда фашисты, покидая Полтаву, подожгли музей.

...На Полтавщине прошли многие годы жизни внучки Пушкина и племянника Гоголя — М. А. и Н. В. Быковых. В Полтаве, на Монастырском кладбище, покоятся их прах. Светлая память о них, связавших родственными узами семьи двух великих писателей России, будет жить вечно.

ВО ГЛАВЕ ЗЕМСТВА

*Александр Александрович
Пушкин*



етвертым ребенком в семье А. А. Пушкина был сын Саша. Как и отец, Александр учился в Пажеском корпусе. В ноябре 1883 года он окончил курс по второму разряду и был выпущен корнетом в 44-й драгунский Нижегородский полк, стоявший в Пятигорске. Весной 1888 года произведен в поручики.

А через год из-за слабого здоровья вышел в отставку и поселился в имении Ивановском Бронницкого уезда, которое принадлежало ему после смерти матери.

В 1890 году Александр Александрович был назначен земским начальником Бронницкого уезда. В 1897 году его избрали председателем земской управы. Во главе земства в Бронницах, за исключением четырехлетнего перерыва, А. А. Пушкин оставался до конца жизни.

26 мая 1899 года, в день 100-летнего юбилея А. С. Пушкина, внуку поэта было пожаловано звание ка-

мер-юпкера. В том же году он стал уездным предводителем дворянства. От должности предводителя А. А. Пушкин отказался по болезни в январе 1914 года. Долгие годы он состоял также членом учетно-ссудного комитета Московской конторы Государственного банка по сельскохозяйственным кредитам.

В 1913 году Александр Александрович получил придворное звание камергера. Это обязывало его ежегодно бывать при дворе в Петербурге. Но внук поэта, по словам Е. И. Емельяновой, дочери его гражданской жены А. П. Зейлих (урожденной Савицкой) от первого брака, «не любил эти визиты к царю и всегда с большой неохотой доставал свои придворные мундиры».

Зато всегда с радостью он проявлял заботу о крестьянах Бронницкого уезда. Так, в бытность свою председателем земской управы А. А. Пушкин построил в Коняшине санаторий для больных туберкулезом, чем вызвал неудовольствие окрестных помещиков, которых шокировал... «либерализм» внука Пушкина. Та же Е. И. Емельянова рассказывает:

«Недалеко от Бронниц по Казанской железной дороге есть местечко Гжель (рядом была станция Григорово), где находилась известная в то время фарфоровая фабрика. Там же была деревня Коняшино. Все коняшинские крестьяне работали на гжельской фабрике. Многие из них болели туберкулезом.

Хозяин фабрики, богатый капиталист, умирая, назначил Александра Александровича своим душеприказчиком, оставив на его усмотрение все свои деньги, на которые тот и построил санаторий для рабочих. А. А. Пушкин посылал даже некоего доктора Белкина за границу — в Швейцарию, Италию, Францию с тем, чтобы узнать, как такие санатории надо строить. Я знала двух учителей земской школы, которые успешно вылечились в коняшинском санатории».

При активном содействии Александра Александровича была открыта за счет земства новая больница в Бронницах.

Когда известный писатель Н. Д. Телешов захотел на собственные средства построить в деревне Коловец лечебницу для крестьян и встретил равнодушие губернских властей (из Москвы долго не отвечали на его ходатайство), А. А. Пушкин, по свидетельству Варвары Дмитриевны Терещенко (1885—1976), бывшей в те годы письмоводителем в Бронницкой земской управе, «лично вмешался и добился разрешения на постройку сельской больницы, которая существует и сейчас».

В 1914—1915 годах внук Пушкина много сил отдавал работе в Бронницком комитете Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым воинам. Его стараниями было также значительно улучшено медицинское обслуживание населения уезда.

Внук поэта заботился и о народном просвещении. Е. И. Емельянова сообщает, что в Бронницком уезде «благодаря Александру Александровичу было построено много новых школ для обучения детей крестьян и рабочих, с очень хорошими условиями для учителей. Были построены и две гимназии в Бронницах — мужская и женская». А. А. Пушкин являлся также одним из учредителей бронницкой библиотеки, которая существует и ныне.

В 1913—1914 годах внук Пушкина был попечителем пяти земских училищ — Рождественской, Вохринской, Михалевской и Салтыковской волостей Бронницкого уезда. Небезынтересно отметить, что в пяти училищах в ту пору насчитывалось 357 учащихся, которых обучали... восемь учителей. Даже в Никулинском училище, где было 100 учащихся, работали всего два педагога.

Земская управа во главе с А. А. Пушкиным принимала энергичные по тому времени меры для срочной подго-

товки учительских кадров. В одном из докладов Бронницкой уездной земской управы по вопросам народного образования отмечалось, что с 1 по 30 июня 1914 года в Бронницах были организованы педагогические курсы, на которые пригласили 180 человек. «Заботу о питании (хозяйственным способом) принял на себя председатель управы А. А. Пушкин».

В 1905 году черносотенцы разгромили Малышевскую школу Бронницкого уезда, а учителей уволили, установив за ними надзор полиции. Александр Александрович позаботился о том, чтобы все они были восстановлены на работе.

При Бронницкой земской управе А. А. Пушкин организовал «каассу взаимного кредита», где крестьяне могли брать напрокат различные сельскохозяйственные машины, а также семена. Александр Александрович выписывал из-за границы редкие в те годы породы кур (плимутроки) и раздавал их яйца крестьянам — с целью разведения этой ценной домашней птицы.

«Помяну совершенно точно, — говорится в одном из писем А. К. Савицкого, племянника А. П. Зейлиха, к автору этих строк, — что, когда крестьяне косили на земле А. А. Пушкина исполу, он никогда не проверял свою долю и говорил, что верит им на слово».

Будучи человеком большой, чистой души, А. А. Пушкин все свои силы отдавал людям, хотел, чтобы им жилось лучше. Он оставался всегда жизнерадостным, милым, обаятельным человеком. Особенно когда его окружали дети. Александр Константинович Савицкий пишет: «Каких только игр не придумывал дядя Саша! Фантазия у него была неиссякаемая. Хорошо запомнился мне один эпизод. Мне было тогда 10 лет. Я и мой младший брат решили построить настоящую лодку. Александр Александрович взялся нам помогать, и когда все было готово, с гордостью взбрали мы на дело рук своих, сами того не

сознавая, что это, собственно говоря, дело рук дяди Саши».

Александр Константинович и теперь, хотя с той поры прошло более 60 лет, с благодарностью вспоминает, как в один из приездов в Москву А. А. Пушкин помог ему «одолеть спряжение французских глаголов, причем сделал он это очень умело и повернул все так, будто и трудности здесь никакой не было».

Когда в апреле 1914 года погиб в авиационной катастрофе отец А. К. Савицкого, А. А. Пушкин принял участие в судьбе его детей. «Только благодаря его хлопотам,— пишет Александр Константинович,— меня и брата приняли в седьмую московскую гимназию и пансион на казенную стипендию».

«Человек он был воспитанный,— писала мне В. Д. Терещенко,— я никогда не слыхала, чтобы Александр Александрович грубо разговаривал со служащими. Поэтому его уважали все».

Так же относились к внуку Пушкина и крестьяне. Им было за что уважать Александра Александровича. Жительница Бронниц Зинаида Васильевна Досекина, в прошлом агроном, а теперь пенсионерка, помнит интереснейший случай, свидетелем которого был ее покойный муж А. В. Шалин — уездный агроном при А. А. Пушкине.

На одном из заседаний земской управы, посвященном вопросу кооперативного движения (этому новому в деревне делу внук поэта придавал особое значение), с докладом выступил приглашенный А. А. Пушкиным крестьянин Сергей Тимофеевич Малинин.

Александр Александрович внимательно слушал рассуждения крестьянина, изредка записывая что-то в лежащий перед ним блокнот.

Во время доклада С. Т. Малинина член земской управы граф Ливен сидел подчеркнуто развязно. Когда А. А. Пушкин спросил у графа, есть ли у него возраже-

ния против доводов Малнина, тот гневно воскликнул: «Считаю ниже своего достоинства возражать мужику». И Александр Александрович, человек интеллигентный, всегда корректный, резко осуждающе отнесся к этой выходке Ливена.

Уделяя много внимания простым людям, защищая их от произвола богатых, Александр Александрович Пушкин, казалось, вовсе не думал о себе, о собственном быте, хотя здоровье его с каждым годом ухудшалось: у него была чахотка. «Пушкины все были нехозяйственны,— писала Е. Н. Бибикова,— в Ивановском земля была плохая и сдавалась крестьянам в аренду; у них были две коровы и куры, и арендной платы часто не хватало на уплату банку и налогов...»

Вот любопытный факт, относящийся к последним годам жизни А. А. Пушкина и зафиксированный в печати.

29 января 1912 года в «Голосе Москвы» было опубликовано в связи с 75-летием со дня гибели А. С. Пушкина интервью с внуком поэта:

« — Имеются ли лично у вас рукописи деда?

— Была небольшая рукопись с различными заметками деда, с записанными им анекдотами. Я открыл ее случайно. Осматривая как-то портфели, в которых находились... рукописи деда, в одном из отделений я нашел конверт с небольшой тетрадкой. Вероятно, те, кто вынимал рукописи из портфеля, недоглядели, что остался еще один конверт. Я берег записи деда, как драгоценность, и всегда имел эту тетрадку при себе. Увы! Во время поездки по железной дороге у меня вырезали карман, в котором находились различные бумаги и в том числе дедовская рукопись. Много я волновался по этому поводу, но рукопись так и сгнула. Какова ее судьба? Может быть, она попала в руки какого-нибудь старьевщика и стала достоянием коллекционера. Может быть, ее порвали, как ненужную вещь...»

Умер А. А. Пушкин 3 (16) марта 1916 года. Погребен в Бронницах.

Особая заслуга Александра Александровича в том, что он передал в 1906 году в Пушкинский дом библиотеку А. С. Пушкина.

Как уже указывалось, в 1860-х годах старший сын Пушкина перевез книги отца в село Ивановское Бронницкого уезда (ныне входит в Ступинский район Московской области). После смерти в 1877 году П. П. Ланского Ивановское было продано, и библиотеку А. С. Пушкина вывезли в Лопасню. Однако в 1890 году, когда, находясь уже в отставке, А. А. Пушкин (внук) вновь купил село Ивановское и поселился в нем, пушкинская библиотека возвратилась в эту усадьбу.

Первый шаг к обследованию и изучению библиотеки поэта сделал академик Леонид Николаевич Майков, вице-президент Академии наук, готовивший в 1890-х годах материалы к академическому изданию сочинений Пушкина. Ознакомившись по предложению внука поэта с замечаниями А. С. Пушкина на полях книги К. Н. Батюшкова «Опыты в стихах и прозе», изданной в 1817 году, он сумел правильно оценить значение пушкинских пометок и ценность библиотеки в целом. И в 1899 году, вскоре после юбилейных пушкинских торжеств, Майков вступил в переговоры с А. А. Пушкиным, желая ознакомиться со всей библиотекой. В апреле 1900 года, когда разрешение на это было получено, Л. Н. Майков умер.

Начатое Леонидом Николаевичем дело продолжил пушкинист Б. Л. Модзалевский. В сентябре 1900 года он приехал в Ивановское, где, по его собственным словам, «встретил со стороны А. А. Пушкина самый радушный прием».

Библиотека оказалась в состоянии далеко не удовлетворительном: из-за неоднократных перевозок книги помялись, растрепались, многие из них были попорчены мы-

шамп и сыростью, наконец, в библиотеку попали и явно случайные книги, то есть изданные после смерти Пушкина и, следовательно, ему не принадлежавшие. Часть же книг вообще пропала: более чем шестидесятилетнее «странствование» библиотеки с места на место не могло не сказаться отрицательно на ее сохранности.

Стараниями Б. Л. Модзалевского книги пушкинской библиотеки были уложены в 35 ящичков, которые на подводах доставили до Бронниц, а затем по железной дороге в Петербург.

В Славянском отделении Библиотеки Академии наук, куда книги Пушкина временно поместили, производились научное описание их и систематизация. Пять с лишним лет спустя, 21 апреля 1906 года, по ходатайству внука поэта А. А. Пушкина библиотека была приобретена в казну — для Пушкинского дома, где находится и сейчас.

Библиотека А. С. Пушкина в настоящее время насчитывает 1525 названий (свыше 3500 томов), и почти все они — 1522 названия — поступили от Александра Александровича Пушкина.

„ЖИВАЯ ПУШКИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ“

*Анна Александровна
Пушкина*



в внуков Пушкина, живших в нашей стране, последней скончалась в Москве Анна Александровна Пушкина. Это было 5 июня 1949 года, накануне 150-летия со дня рождения поэта.

«Тетя Анна, — вспоминала правнучка Пушкина Наталья Сергеевна Шепелева, — была любимой дочерью Александра Александровича. И вообще ее любили все, кому приходилось встречаться с нею. Анна Александровна интересно рассказывала в кругу родственников о Пушкине и Наталье Николаевне. В ее памяти хранилось множество семейных преданий о них. К сожалению, никто из пушкинистов интереснейшие ее рассказы не записал, и многое из того, что было известно тете Анне, утрачено навсегда. Конечно, в моей памяти, как и в памяти некоторых других родственников Анны Александровны, сохранились какие-то семейные

воспоминания о Пушкине, которыми его внучка делилась с нами. А много она знала потому, что у своего отца, любимца Пушкина и Натальи Николаевны, пользовалась особым доверием. Собственной семьи у тети не было, и всю свою нежную, благородную душу она отдала близким.

Александр Александрович говаривал: «Больше всего уважаю тех, кто живет ради счастья других». Эти слова дедушки я в первую очередь адресую Анне Александровне. Вот яркий пример. В 1935 году совсем молодой, на тридцать третьем году, скончалась моя сестра Марина Сергеевна. Остались маленькие дети — Сережа и Боря. Именно Анна Александровна вырастила и воспитала их, помогла им получить образование».

В апреле 1972 года Н. С. Шепелева, дополняя свои воспоминания о А. А. Пушкиной, писала:

«Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что в последнее десятилетие и даже больше в ее жизни я была самым близким к ней человеком. Мне было 14 лет, когда Анна Александровна вошла в мою семью и стала жить вместе с нами бок о бок в одной квартире и одними с нами интересами. Вся моя отроческая и сознательная жизнь прошла у нее на глазах... моя семья стала давно и ее семьею. А в последние годы мы стали друг другу особенно близки.

Мы часто с ней бывали вдвоем и в трудных обстоятельствах войны, и в разных других переживаниях. Отсюда и частые обмены мыслями между нами, и многие разговоры. Ее суждения и воспоминания всегда были точны, правдивы, лишены всяких прибавлений».

Сергей Борисович Пушкин, праправнук поэта и воспитанник А. А. Пушкиной (ее внучатый племянник), вспоминает:

«Анну Александровну мы с братом Борей звали бабушкой... Человек в высшей степени умный, мудрый и деликатный, она осуществляла моральный контроль над

нами как-то ненавязчиво, неназойливо. Но этот контроль был очень действенным. Видимо, потому, что в Анне Александровне гармонично сочетались большая ее доброта с принципиальностью, верностью своим убеждениям.

Для бабушки была характерна какая-то непосредственная близость к Пушкину. Это проявлялось буквально во всем. Анна Александровна называла Пушкина по-родственному просто дедом, и это в ее устах звучало естественно. Бабушка и внешне была поразительно похожа на Пушкина.

От отца, Александра Александровича, она много знала об Александре Сергеевиче Пушкине. Но рассказывала о нем только очень близким людям. Из братьев и сестер своих бабушка особенно любила Григория Александровича. Возможно, из-за сходства их характеров.

Анна Александровна была человеком исключительно образованным, хотя регулярного образования и не получила. В детстве и юности она училась у хороших домашних учителей. А затем всю жизнь занималась самообразованием. У бабушки были редкие способности, особенно к литературе и языкам. Она в совершенстве владела французским, говорила по-английски и по-немецки, знала итальянский. Родственники и друзья шутили: «Анна Александровна по-английски говорит лучше, чем англичане». Она живо интересовалась также историей, искусством и архитектурой...»

Живущая в Полтаве праправнучка Пушкина Наталья Сергеевна Савельева вспоминает, что, когда внучка Пушкина, женщина большого самообладания, оказывалась в сложных жизненных ситуациях, она нередко терялась, становилась крайне беспомощной. Сказывалась, видимо, наследственная черта Пушкиных. Ведь подобное случилось порой и с Александром Сергеевичем Пушкиным, особенно когда он попадал в незнакомое общество или находился в кругу людей, чуждых ему по духу.

Интересным дополнением к рассказам Н. С. Шепелевой, Н. С. Савельевой и С. Б. Пушкина являются заметки и небольшие статьи о А. А. Пушкиной, опубликованные в разное время в газетах и журналах.

Например, в 1923 году в журнале «Огонек» сообщалось: «Очень похожа на поэта Анна Александровна. Несмотря на годы, лицо молоджавое, выражение каждую минуту меняется, и особенно по-пушкински живут глаза».

А в 1949 году в статье «Потомки Пушкина» И. Грандковская писала: «Овал лица, разрез глаз, нос и эти особенные «пушкинские» руки — узкие, маленькие, с длинными, тонкими пальцами...» — всеми этими чертами Анна Александровна, по словам автора статьи, напоминала своего незабвенного деда, гордость и славу русской поэзии.

Любопытный эпизод, связанный с портретной характеристикой А. А. Пушкиной, привела в статье «Вокруг Пушкина» Т. Г. Цявловская: «Когда художник П. П. Кончаловский приступал к своей картине «Пушкин», он советовался со мной, где бы найти какие-нибудь личные вещи Пушкина (одеяло, халат и пр.). Я сказала, что, может быть, найдется что-нибудь у его внучки Анны Александровны. Кончаловский отправился к ней. Когда она открыла ему дверь, он ахнул и стал обнимать эту старую женщину: так велико было сходство с Пушкиным. Кончаловский делал с нее наброски для освоения лица Пушкина»¹.

¹ Картина П. П. Кончаловского «Пушкин» написана в 1936 году. Встреча же художника с А. А. Пушкиной произошла, по словам Н. С. Шепелевой, в квартире ее сестры (правнучки Пушкина) Марии Сергеевны Мезенцовой не позже зимы 1934/35 года, так как в марте 1935 года М. С. Мезенцова скончалась.

«Маленькая тетя Анна, — вспоминала М. С. Мезенцова о встрече П. П. Кончаловского с внучкой поэта, — утонула в объятиях большого Петра Петровича».

А С. П. Вельяминова подчеркивала, что Анна Александровна «была похожа на Александра Сергеевича не только лицом», что глаза у нее «даже в старости были с голубинкой — значит, в молодости голубые, как у Александра Сергеевича,— и с легкой косинкой Натальи Николаевны».

Софья Павловна считала, что Анна Александровна была человеком очень сдержанным, но в ее характере легко угадывался африканский характер деда.

До самой смерти внучка поэта хранила священную для нее реликвию — печатку Пушкина, которой он, по словам Анны Александровны, «пользовался при писании писем и корреспонденций». Ее подарила поэту Мария Николаевна Волконская незадолго до отъезда в Сибирь, к мужу — декабристу Сергею Григорьевичу Волконскому.

Теперь эта драгоценнейшая пушкинская печатка из дымчатого топаза, на которой выгравированы латинским шрифтом инициалы «А. Р.» (Александр Пушкин), является собственностью праправнука поэта Сергея Борисовича Пушкина.

У Анны Александровны Пушкиной находились и многочисленные личные вещи ее бабушки Н. Н. Пушкиной.

Внучка поэта не раз держала в руках и листала альбом Натальи Николаевны. Ей было известно, со слов Марии Александровны Гартунг, кто изображен на его страницах. Благодаря Анне Александровне пушкинисты узнали историю этого интересного альбома.

А. А. Пушкиной принадлежал акварельный портрет Натальи Николаевны Пушкиной (работы Т. Райта). Теперь он хранится у праправнука поэта Бориса Борисовича Пушкина, а у его брата Сергея Борисовича находится блестяще выполненная на старинной бумаге копия этого портрета.

...В конце мая 1949 года на московском заводе имени Владимира Ильича по инициативе заводской газеты «За боевые темпы» был организован литературный вечер, посвященный 150-летию Пушкина. На вечер приехали потомки поэта. Выступивший перед рабочими Георгий Александрович Галин, тогда еще студент второго курса исторического факультета МГУ, рассказал о творческом пути своего прапрадеда А. С. Пушкина.

Борис Борисович Пушкин, второкурсник автомеханического института, говорил о том, как живут и трудятся потомки великого поэта, как они воевали на фронтах минувшей войны...

Участники вечера хотели видеть среди своих почетных гостей и внучку Пушкина — Анну Александровну. Но та чувствовала себя уже очень плохо и в ответ на приглашение рабочих смогла только прислать им теплое, душевное письмо, которое и было оглашено на вечере. Анна Александровна писала: «Какое счастье знать, что наступило то время, когда рабочие читают великого Пушкина, когда он стал родным и близким каждой рабочей семье».

Статья о пушкинском вечере, на котором прозвучало письмо престарелой внучки великого мастера литературы, была опубликована в «Вечерней Москве» 31 мая, а через неделю Анны Александровны не стало.

Для всех, кто общался с А. А. Пушкиной, она была прежде всего «живой пушкинской энциклопедией». Так и сейчас называют ее Н. С. Шепелева и другие потомки Пушкина.

— Помню, в школьные годы я выучил наизусть главу «Евгения Онегина», — рассказывал С. Б. Пушкин. — Когда стал декламировать ее бабушке, оказалось, что она тоже знает эту главу назубок. И не только эту. Многие произведения Пушкина она читала по памяти, но делала это неохотно: стеснялась.

...В годы первой мировой войны Анна Александровна помогала ухаживать за ранеными. В советское время она работала в государственных учреждениях. В 1923 году ей, как и ее брату Григорию Александровичу Пушкину, был выделен академический паек. Внучке поэта назначили персональную пушкинскую пенсию, предоставили хорошую квартиру. Все это — свидетельство большой заботы Советской власти о потомках Пушкина.

Анну Александровну Пушкину, по ее собственному признанию, всегда стесняло то, что она родная внучка великого поэта, но всю свою долгую жизнь она гордилась гениальным дедом. Не случайно А. А. Пушкина говорила корреспонденту «Петербургской газеты» еще в 1912 году: «...если Пушкин дорог сердцу каждого русского человека, то нам, его родственникам, он дорог вдвойне, втройне».

КОМАНДИР КРАСНОЙ АРМИИ

*Григорий Александрович
Пушкин*



Как и его знаменитый дед, Григорий Пушкин учился в императорском Александровском (бывшем Царскосельском) лицее. В студенческие годы он был прекрасным гимнастом-легкоатлетом.

В 1889 году внук поэта окончил полный курс лицея. Однако он предпочел гражданской службе военную карьеру и многие годы отдал русской армии.

Успешно выдержав экзамен по первому разряду при Павловском военном училище, Григорий Александрович в августе 1891 года получает первый офицерский чин. В 1909 году он в звании капитана служит в лейб-гвардии 2-м стрелковом батальоне. 6 декабря 1910 года Григорий Александрович произведен в полковники. А вскоре после начала первой мировой войны, 30 сентября 1914 года, его назначают командиром 91-го пехотного Двинского полка,

который участвовал во многих сражениях на русско-германском фронте.

За боевые заслуги в кампании против австро-германцев в 1914—1916 годах Г. А. Пушкин получил несколько наград — мечи к ордену св. Анны 2-й степени, ордена св. Владимира 3-й степени с мечами и 4-й степени с мечами и бантом.

В боевой аттестации полковника Пушкина за 1915 год, подписанной начальником штаба 23-й пехотной дивизии, говорилось: «Полковник Пушкин лично храбр и мужествен. В бою спокоен, хладнокровен и распорядителен. Военное дело знает и умеет применять свои познания на деле. Заботлив о подчиненных и требователен, но подчас недостаточно тверд и строг, что является следствием любви своих подчиненных. Физически бодр и здоров. Штаб-офицер отличный и полезный командир в бою».

После Октябрьской революции 1917 года Григорий Александрович Пушкин без колебаний переходит на сторону восставшего трудового народа. Явившись в солдатский комитет, он попросил использовать его военные знания в интересах революции. И его, опытного кадрового военного, командировали на Южный фронт. Непродолжительное время Г. А. Пушкин всевал под командованием К. Е. Ворошилова.

Комиссаром в полку Г. А. Пушкина в годы гражданской войны был Леонтий Игнатьевич Дракин, в будущем партийный работник. В 1940 году на похоронах Григория Александровича бывший комиссар Дракин сказал о своем командире:

— Это был человек чистой совести и исключительной доброты...

Г. А. Пушкин находился в регулярных частях Красной Армии до 1921 года, пока в связи с последствиями тяжелой контузии он не был демобилизован. Пробыв на

фронтах почти семь лет, Г. А. Пушкин получил несколько ранений (особенно тяжелое — в голову — в 1915 году), и здоровье его резко ухудшилось. Но он продолжал трудиться и в период мирной жизни. До 1927 года Григорий Александрович работал бухгалтером сельпо в Лопасне, где его жена Юлия Николаевна (урожденная Бартенева, в первом замужестве Катыбаева) сначала была учительницей в школе первой ступени, а затем преподавала немецкий язык в школе-семилетке.

В эти годы Г. А. Пушкин часто бывал в московских театрах, особенно когда там шли спектакли по пьесам Пушкина или о нем.

— С тысяча девятьсот двадцать седьмого года, — рассказывал мне сын Г. А. Пушкина Григорий Григорьевич, — отец получал персональную пенсию. В тридцать втором году мы переехали в Москву. Последние годы Григорий Александрович работал научным сотрудником Рукописного (пушкинского) отдела Государственной библиотеки СССР имени Ленина. У отца был, — продолжал Г. Г. Пушкин, — чудесный почерк. И творчество своего деда, его жизненный путь он знал хорошо. Это пригодилось ему, когда он сотрудничал в отделе, где хранились рукописи Пушкина и изучалось его поэтическое наследие...

Отец был трудолюбив, скромен, немногословен. Много читал. Когда мы жили в Лопасне, отец очень любил прогулки по аллеям парка. Сидит, бывало, на пеньке и возится со своими «пушкинскими» мундштуками — он делал их из жасмина и орехового дерева. Сам и прожигал их, сам и шлифовал — для этого и стеклышки специальные всегда с собой носил. И были те коротенькие мундштуки отца необыкновенно красивы...

В середине 1930-х годов Союз советских писателей ходатайствовал о предоставлении Григорию Александровичу Пушкину благоустроенной квартиры в Москве.

В архиве Пушкинского дома находится официальное (к сожалению, без даты) письмо А. А. Фадеева, бывшего в те годы заместителем председателя Оргкомитета Союза писателей СССР. В письме, адресованном в Президиум Московского Совета, говорится, что Союз писателей «просит Моссовет предоставить внукам Пушкина необходимую жилищную площадь в Москве». Просьба писательской организации была выполнена: уже в первой половине апреля 1935 года Г. А. Пушкин получил новую квартиру из пяти комнат на Рождественке. В это же время ему выдали единовременное пособие в сумме 500 рублей, а пенсию увеличили до 300 рублей в месяц.

Говоря о Григории Александровиче Пушкине, нельзя обойти молчанием его заслуги перед отечественным пушкиноведением. Летом 1917 года он и его младший брат (сын А. А. Пушкина от второго брака) Николай Александрович Пушкин обнаружили в Лопасне, на чердаке дома, рукопись пушкинской «Истории Петра I» (22 тетради большого формата), которая составляет теперь почти целый том в собрании сочинений А. С. Пушкина.

Были у Григория Александровича и другие автографы Пушкина. Так, среди бумаг, поступивших в 1918 году от внука поэта к пушкинисту П. Е. Щеголеву, оказалось 17 листов, написанных рукой Пушкина. Семь автографов поэта Г. А. Пушкин в 1933 году передал вместе с другими семейными бумагами Центральному литературному музею художественной литературы, критики и публицистики.

Когда в марте 1919 года скончалась дочь Пушкина Мария Александровна Гартунг, к Г. А. Пушкину перешел от нее рукописный дневник поэта, переданный в том же году Юлией Николаевной Пушкиной (Г. А. Пушкин в это время находился на фронтах гражданской войны) в Румянцевский музей. Сделано это было более чем своевременно: месяц спустя дом сгорел.

В 1930-х годах Григорий Александрович обнаружил среди семейных бумаг около ста писем к Пушкину (из болдинского архива поэта), которые и были переданы им в Государственный литературный музей. Теперь все автографы Пушкина и письма к нему находятся в Пушкинском доме.

В 1937 году внук великого поэта принимал самое деятельное участие в устройстве Пушкинской выставки, реорганизованной год спустя в Государственный музей А. С. Пушкина.

Григорий Александрович Пушкин даже в преклонном возрасте часто приезжал в Лопасню: там прошли его детство и многие годы зрелой жизни, он дружил с местными жителями.

У А. И. Коняевой хранится пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин» (М., 1936) с дарственной надписью ее старшему сыну: «Пане Копцову от внука поэта Г. Пушкина. Москва 19¹²VI37», а также юбилейные пушкинские медали 1899 и 1937 годов. Обе медали Г. А. Пушкин подарил Антонине Ивановне в 1937 году.

В том же году, в день 100-летней годовщины гибели Пушкина, 68-летний Григорий Александрович выступил с взволновавшей всех речью на могиле поэта в Святогорском монастыре и в только что отстроенном доме-музее А. С. Пушкина в Михайловском.

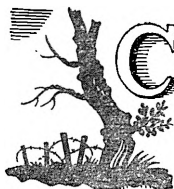
«Направляясь в Михайловское, где жил и творил мой прославленный дед, — сказал он, — я готов был ждать теплую встречу и большие торжества, но то, что я увидел на празднике в Михайловском, превзошло все ожидания. Замечательный праздник! Никогда до самого конца моих дней я не смогу вспоминать о нем без волнения».

Рассказывая о Г. А. Пушкине, Антонина Ивановна Коняева подчеркивала, что он был очень добрым, мягким, впечатлительным человеком.

— Первого сентября тысяча девятьсот сорокового года Григорий Александрович скончался,— вспоминала она.— Я была у него в Москве буквально за день до его смерти. Он курил принесенные мною папирсы «Казбек». Разговаривали, шутили, смеялись... А через несколько дней мы похоронили Григория Александровича в Лопасне — на семейном кладбище Пушкиных...

Жена Г. А. Пушкина, Юлия Николаевна, пережила мужа на 26 лет — она скончалась на девяностом году жизни, в январе 1967 года. До последних дней вдова внука Пушкина хорошо помнила, как летом 1919 года она, с трудом забравшись на крышу товарного вагона, приехала из Лопасни в Москву, вошла в кабинет хранителя отдела рукописей Румянцевского музея и протянула ему завернутый в халат сверток: «Я привезла дневник Александра Сергеевича Пушкина...»

СТРАНИЧКИ ИЗ ЧЕТЫРЕХ БИОГРАФИЙ



Судьбы остальных детей А. А. Пушкина от брака с С. А. Ланской сложились менее примечательно.

Двое из них, Софья и Петр, умерли младенцами, не достигнув и годовалого возраста. Софья погребена в Лопасне, а Петр, как недавно выяснилось, в городе Новогрудке (теперь Гродненской области): там стоял в ту пору полк А. А. Пушкина. На надгробной плите сохранилась довольно четкая надпись, позволяющая более точно датировать время его рождения и смерти.

Ольга Александровна Пушкина родилась 28 ноября 1864 года. В августе 1881 года она тайно, без согласия отца, вышла замуж за Николая Николаевича Павлова, прапорщика 13-го драгунского полка, в будущем секретаря русского консульства в Софии, а позже вице-консула во Франкфурте и в Неаполе.

Н. Н. Павлов был внебрачным сыном профессора Московского университета Н. Ф. Павлова (1805—1864), известного беллетриста и поэта, автора «Трех повестей» («Именины», «Аукцион», «Ятаган»), изданных в 1835 году и получивших одобрительный отзыв Пушкина¹.

В начале 1890-х годов, как говорится в одном архивном документе, «предосудительный образ жизни» Н. Н. Павлова (он был морфинистом) «послужил основанием к увольнению его от службы» в Министерстве иностранных дел. По той же причине супруги разошлись, а их единственный сын Александр, родившийся в 1882 году, был официально отобран от отца и отдан на попечение деда А. А. Пушкина. В июле 1894 года мальчика привезли из Парижа в Москву.

По сведениям Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева, Ольга Александровна Павлова в 1904 году была начальницей приюта неизлечимых больных в Москве, в 1909 году — смотрительницей Стрекаловской больницы в Москве. В предреволюционные годы она жила в Петрограде. Там не менее пяти лет заведовала домом образцовых пянь. Затем Ольга Александровна переехала в Полтаву, где была очень дружна с семьей своей сестры — Марии Александровны Быковой. Позже впучка Пушкина жила за границей. Скопчалась она 16 апреля 1933 года, погребена в окрестностях Ниццы.

Надежда Александровна Пушкина родилась 10 ноября 1871 года. Ее племянница Н. С. Шепелева вспоминает: «Надежда Александровна в 1904 году была сестрой милосердия на русско-японском фронте. Ею же она осталась до конца своей жизни и впоследствии была настоятельни-

¹ А. С. Пушкин писал: «„Три повести“ г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к которому не приучили нас наши записные романисты...»

цей Иверской общины Красного Креста. Эта община была детской больницей, но в 1914 году в ней находились раненые. После тяжелой операции Надежда Александровна почти без отдыха продолжала работать и в 1915 году скончалась у своих родственников Ланских в Арапове¹... Это был человек, беззаветно преданный своему долгу».

Художник В. А. Серов, работая над картинами и рисунками на пушкинские темы, использовал черты лица Н. А. Пушкиной в изображении внешнего облика поэта. Валентин Александрович собирался писать портрет и с самой внучки Пушкина, но замысел свой не осуществил: в 1911 году он скончался.

Вера Александровна Пушкина родилась 19 декабря 1872 года. Училась в одной из петербургских гимназий. 5 сентября 1901 года она вышла замуж за полковника гвардейской конно-артиллерийской бригады (позднее генерал-майор) Сергея Петровича Мезенцова.

Как видно из письма В. А. Пушкиной (Мезенцовой) к дяде Г. А. Пушкину от 24 августа 1901 года, Мезенцов был адъютантом у великого князя Михаила Николаевича, но в связи с женитьбой «отчислен от адъютантства» и командовал «гвардейской конной батареей».

Семейная жизнь Мезенцовых длилась всего семь лет. В 1909 году Вера Александровна умерла от скарлатины. Похоронили В. А. Мезенцову в селе Рыхлово Смоленской губернии, в фамильном склепе Мезенцовых.

В 1943 году гитлеровцы, отступая, взорвали церковь, и склеп Мезенцовых завалило. После войны останки

¹ Арапово, как и соседняя Воскресенская Лашма, — центральная усадьба имения И. А. Арапова, мужа Александры Петровны Ланской (Араповой), входило тогда в Наровчатский уезд Пензенской губернии. В советское время эти селения стали частью города Ковылкино Мордовской АССР. В Воскресенской Лашме бывали старшие дети Пушкина Мария и Александр, а также внучки поэта Анна и Надежда.

взучки Пушкина и родителей ее мужа были извлечены из полуразрушенного фамильного склепа и перезахоронены в братской могиле в поселке Семлево Вяземского района. Местные школьники содержат могилу в образцовом порядке.

Сергей Александрович Пушкин родился 9 июня (июля?) 1874 года. В книге Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины. Родословная роспись» на стр. 62 ошибочно сказано, что С. А. Пушкин — сын А. А. Пушкина от второго брака и что родился он 9 июня 1878 года. В надписи на могиле Сергея Александровича в Лопасне указана другая дата его рождения, а именно: 9 июля 1874 года. Таким образом, он был сыном А. А. Пушкина от первого брака — с С. А. Ланской. Это подтверждается и тем, что С. А. Ланская умерла в 1875 году, а вторым браком — с М. А. Павловой — А. А. Пушкин сочетался только в 1883 году, и, следовательно, в 1878 году, в период междубрачия А. А. Пушкина, Сергей Александрович Пушкин родиться не мог. Указанное выше время его рождения — 9 июля 1874 года — значит и в послужном списке его отца А. А. Пушкина. В послужном списке самого С. А. Пушкина записано, что он родился 9 июня 1874 года.

В августе 1893 года, после окончания Николаевского кадетского корпуса, С. А. Пушкин служил юнкером. А осенью того же года был переведен в Николаевское кавалерийское училище, откуда три года спустя выпущен корнетом. Служил Сергей Александрович в 22-м драгунском Астраханском полку, затем в 3-м драгунском Сумском. Лицом, особенно в профиль, он был очень похож на своего деда А. С. Пушкина. 21 августа 1898 года в возрасте двадцати четырех лет С. А. Пушкин застрелился. Погребен в Лопасне.

И НА ЧУЖБИНЕ ОСТАВАЛСЯ РУССКИМ...

*Николай Александрович
Пушкин*



Николай Александрович Пушкин (сын А. А. Пушкина и М. А. Павловой) родился 3 апреля 1885 года. Окончил юридический факультет Московского императорского лицея.

В сентябре 1907 года на правах вольноопределяющегося он был зачислен рядовым в 3-й драгунский Сумский полк, вскоре переименованный в 1-й гусарский Сумский. В полку Н. А. Пушкин находился на собственном содержании. Через год, выдержав экзамен на чин прапорщика запаса армейской кавалерии, он был уволен в запас.

В 1910 году Н. А. Пушкин был земским пачальником в Веневском уезде Тульской губернии, позже чиновником особых поручений при тульском губернаторе.

В начале первой мировой войны внук поэта — прапорщик 1-го гусарского Сумского полка — находился на

фронте. В 1916—1917 годах служил в 3-м запасном кавалерийском полку, который дислоцировался в городе Кирсанове Тамбовской губернии.

С 1923 года Н. А. Пушкин жил в столице Бельгии Брюсселе. Его жена Надежда Алексеевна (урожденная Петунникова, в браке с Николаем Александровичем с 1906 года) по матери была бельгийка. Долгие годы внук Пушкина был служащим в Брюссельском банке. А все свободное время он отдавал популяризации творчества Пушкина, рисованию и изучению русской истории.

Как видно из письма Николая Александровича к А. Ф. Опегину от 10 ноября 1924 года, он переводил повести Пушкина на французский язык для «Revue Belge». «Стремясь сохранить для детей и дальнейшего потомства имя и традиции, которыми они вправе навеки гордиться», внук поэта был «занят восстановлением своего семейного архива».

Перу Н. А. Пушкина принадлежат несколько исторических исследований («Куликовская битва 1380 года», «Загадочное лицо русской истории», «Был ли Лже-Дмитрий действительно Лже?» и др.). Некоторые из них опубликованы в бельгийских и французских периодических изданиях. Две свои печатные статьи на французском языке — о Рюрикe и о русской литературе средних веков — Николай Александрович прислал Н. С. Шепелевой. В 1930-х годах он перевел на французский язык биографию А. С. Пушкина, составленную М. Л. Гофманом.

У брюссельских потомков поэта и теперь хранятся два портрета Н. Н. Пушкиной, написанные Николаем Александровичем.

В 1958 году в гостях у Н. А. Пушкина побывал В. П. Катаев, находившийся в творческой командировке в Бельгии. А семь лет спустя, 5 июля 1965 года, уже после смерти Николая Александровича, семью его сына

Александра Николаевича Пушкина (1909—1968) навещал М. Л. Поляновский.

Оба писателя — и Катаев, и Поляновский — отмечают исключительное радушие и гостеприимство бельгийских потомков Пушкина, их благоговейное отношение к своему гениальному предку, ко всему, что связано с Пушкиным.

— Николай Александрович Пушкин, — рассказывал мне весной 1971 года в Москве Макс Леонидович Поляновский, — всю жизнь питал большой интерес к истории и культуре России. Это оставило заметный след на всем семейном укладе бельгийских Пушкиных. В семье брюссельских потомков поэта основной язык — русский...

Сохранился текст интересного доклада Н. А. Пушкина, написанного после посещения им (он был членом уездного училищного совета) Урусовской и Талызинской начальных школ весной 1913 года во время экзаменов в адресованного Веневскому уездному земскому собранию. В докладе содержится любопытная характеристика обучения детей в дореволюционной сельской школе. Приведу небольшой отрывок из доклада: «Здания, в которых помещаются школы в настоящее время, — холодные, темные, ветхие и совершенно не соответствуют своему назначению. Нельзя не обратить внимания на почти полное отсутствие наглядных учебных пособий, даже самых необходимых, что не могло не отразиться на общем развитии учащихся... Так, например, на мой вопрос, с кем произошла битва на Куликовом поле, я ни от кого не мог получить верного ответа. Такое явление, на мой взгляд, является совершенно ненормальным, так как школа, кроме обучения грамотности, несомненно, должна давать детям хотя бы некоторое общее развитие и воспитание в национальном и патриотическом направлении...»

Эта выдержка из служебного доклада Н. А. Пушкина имеет, кроме чисто познавательной ценности, значение документа, свидетельствующего о том, что влук поэта —

вслед за своим прославленным дедом — уже в молодости (весной 1913 года ему исполнилось 28 лет) проявлял особый интерес к отечественной истории.

Хотя вторую половину жизни Николай Александрович Пушкин провел за границей, Россию он никогда не забывал, она всегда была в его сердце, в его исторических трудах, в его письмах в Советский Союз — родственникам, пушкинистам, писателям...

Своей племяннице Наталье Сергеевне Шепелевой Н. А. Пушкин писал хорошие, теплые письма с 1955 года вплоть до его смерти в 1964 году. А престарелой жительнице села Марыгино Веневского района Тульской области Аграфене Иосифовне Барановой, хорошо знавшей семью Пушкиных в годы их жизни в Малом Останкине, жена Н. А. Пушкина Надежда Алексеевна даже в 1960-х годах присылала из Бельгии письма и фотографии, сообщала семейные новости, писала о том, как много значит Россия для них, Пушкиных, волею судьбы оказавшихся на чужбине...

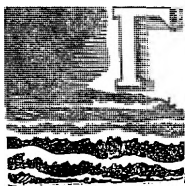
Вот отрывок из письма Н. А. Пушкиной от 15 января 1963 года: «Что в Останкине? Существует ли еще наш дом или развалился? Я очень грущу без деревни, которую так любила. Здесь мы живем скромно, у нас много друзей, но я тоскую по своей дорогой Родине... Николай Александрович шлет тебе свой привет»¹.

Это был один из последних приветов Николая Александровича Пушкина своей великой Родине, давшей миру «солнце русской поэзии».

¹ Цитируется по копии, присланной М. Г. Бороздинским.

БЫЛ ЛИ ДНЕВНИК ПУШКИНА У ЕГО ВНУЧКИ?

*Елена Александровна
Розенмайер,
урожденная Пушкина*



Генералу А. А. Пушкину, сыну поэта, шел пятьдесят седьмой год, когда родилась младшая дочь его — Елена. Это было 16 августа 1889 года.

По рассказу внучки поэта А. А. Пушкиной (в передаче ее племянницы Н. С. Шепелевой), в детстве Лена была отчаянно смелой. В шесть лет она ездила верхом на лошади, как мальчишка. Н. С. Шепелева помнит ее девушкой — стройной, изящной, по-спортивному легкой... «Сестра и я, — писала мне Наталья Сергеевна, — относились к тете Лене по родственному хорошо. Любили бывать у нее в комнате, и она умела интересно с нами разговаривать... Она была хорошо образованна и особенно интересовалась иностранными языками: кроме европейских, она еще знала персидский и турецкий».

В 1918 году Елена Александровна и ее мать Мария Александровна Пушкина (урожденная Павлова) уехали в Турцию. Непродолжительное время внучка поэта была драгоманом (официальным переводчиком) советского посольства в Стамбуле (Константинополе). В ноябре 1921 года она вышла замуж за ротмистра Николая Алексеевича Розенмайера. Весной 1923 года супруги покинули Турцию. В последние годы Елена Александровна жила во Франции.

С именем Е. А. Пушкиной-Розенмайер связана одна из загадок пушкиноведепия, ключ к которой не найден по сей день. Речь идет о неизвестном дневнике А. С. Пушкина, которым Елена Александровна, по ее собственным словам, обладала в 1920-е годы. Этому дневнику пушкинисты присвоили № 1, так как на внутренней стороне передней крышки переплета известного нам дневника поэта рукою Л. В. Дубельта, разбиравшего вместе с В. А. Жуковским бумаги А. С. Пушкина после его смерти, сделана пометка: «№ 2».

Некоторые пушкинисты считают, что дневник А. С. Пушкина № 1 действительно существует и в настоящее время находится за рубежом у кого-либо из потомков поэта. Об этом, в частности, писал в 1962 году И. Л. Фейнберг в очерке «Неизвестный дневник Пушкина?»¹.

Другие ученые версию Фейнберга и его единомышленников не принимают. Так, доктор филологических наук Н. В. Измайлов писал: «Самое существование некоторых зарубежных рукописей представляется проблематическим, — к числу их относится «Дневник Пушкина № 1», находившийся будто бы в начале 20-х годов в Константинополе (Стамбуле), в руках внучки поэта

¹ «Огонек», 1962, № 7, с. 16—17.

Е. А. Пушкиной-Розенмайер»¹. Примерно так же относится к дневнику № 1 и Т. Г. Цявловская.

Умерший в 1964 году в Брюсселе Николай Александрович Пушкин, брат Е. А. Розенмайер, считал, что она всю историю с дневником выдумала, чтобы повысить собственный престиж. Он даже писал своей племяннице Наталье Сергеевне Шепелевой, что, оскорбленный этой мистификацией сестры, «отвернулся от нее».

— Да и я уверена, — говорила мне Н. С. Шепелева, — что никакого дневника моего прадеда у тети Лены не было и не могло быть. Все бумаги Пушкина хранились у дедушки, Александра Александровича, который берет известный всем дневник своего отца как зеницу ока. Правда, тетя, Анна Александровна Пушкина, читала весь дневник Пушкина еще при жизни Александра Александровича. Она даже выписки из него делала. Видела дневник и я — в детстве. И кое-что читала из него. Но никому и никогда дедушка не говорил, что есть еще дневник Александра Сергеевича, который он вел якобы в тысяча восемьсот тридцатые годы. Я на девяносто процентов уверена, что другого дневника Пушкина нет и, вероятно, не было. Ну, а десять процентов, — улыбнулась правнучка поэта, — оставляю на падежду, что он все-таки существует. Ведь надеяться всегда приятно...

Итак, был ли неизвестный дневник Пушкина у его внучки или он «выдуман» ею? Вопрос невероятно сложен, неясен и во многом противоречив. Он не раз приводил пушкинистов в тупик. И вряд ли можно сейчас сколько-нибудь удовлетворительно решить его. По крайней мере

¹ Измайлов Н. В. Источниковедение. — В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., «Наука», 1966, с. 614. И позднее Н. В. Измайлов считал, что вопрос о неизвестном дневнике Пушкина, «пока не явятся новые и несомненные факты... должен решаться отрицательно (Николай Измайлов. О рукописях А. С. Пушкина. — В кн.: Белые ночи, Легионат, 1974, с. 81).

до тех пор, пока не будут собраны бесспорные документальные данные, подтверждающие гипотезу о существовании неизвестного дневника поэта или опровергающие ее. И все-таки хочется высказать некоторые соображения по этому вопросу.

Прежде всего, есть ли реальные основания верить в то, что эта пушкинская рукопись в свое время была у старшего сына Пушкина, а затем перешла к его младшей дочери Елене? Да, есть. Обратимся к фактам.

12 января 1912 года газета «Утро России» сообщала: «Вчера впуск покойного поэта А. С. Пушкина, состоящий гласным губернского земского собрания, бронницкий предводитель дворянства А. А. Пушкин заявил сотруднику нашей газеты, что у его отца, почетного опекуна А. А. Пушкина, имеется нигде еще не опубликованный дневник поэта» (разрядка здесь и в дальнейшем моя. — *В. Р.*).

Если бы внук Пушкина имел в виду дневник № 2, который печатался, пусть со значительными купюрами, в 1880 (дважды), 1890, 1903 годах и позднее, он, надо полагать, не стал бы называть его «нигде еще не опубликованным». Не зная же о том, что дневник (№ 2) многократно печатался, а в 1911 году (подробнее об этом рассказывалось в главе о А. А. Пушкине, сыне поэта) он был издан С. А. Венгеровым почти полностью в V томе сочинений поэта, А. А. Пушкин (внук) не мог: в 1912 году ему было уже 48 лет, и он, как и другие потомки Пушкина, живо интересовался появлявшимися в печати произведениями поэта и литературой о нем. Вполне вероятно, что в беседе с корреспондентом газеты «Утро России» А. А. Пушкин говорил о других — к сожалению, и теперь неизвестных — дневниковых записях Пушкина.

Возможно, прав был Н. К. Козмин, считавший, что «после смерти А. А. Пушкина (старшего)... далеко не все хранившиеся у него документы, бумаги и книги поэта

попали в поле зрения его наследников» и что «среди прочих ускользнувших от внимания наследников предметов мог быть и неизвестный том дневника, о котором сообщил А. А. Пушкин (младший)»¹.

В пользу предположения Козмина тот факт, что только в 1917 году, то есть через 80 лет после гибели Пушкина, внуки поэта Григорий Александрович и Николай Александрович Пушкины случайно обнаружили на чердаке дома в Лопасне 22 (!) тетради с рукописными материалами Пушкина по истории Петра I. К слову сказать, эти тетради не попали в поле зрения и старшего сына поэта — главного семейного хранителя пушкинского наследия.

Точно так же не лишено оснований предположение, что потаенный дневник Пушкина мог «ускользнуть» и от внимания жандармов при «посмертном обыске» у поэта. Его мог спрятать кто-нибудь из ближайших друзей Пушкина. Скажем, В. А. Жуковский (пытался же он вынести из квартиры Пушкина письма поэта к жене!) или кто-то другой, знавший о «крамольном» содержании дневника. Наконец, Пушкин, находясь в 1830-е годы под неусыпным наблюдением III отделения, вообще мог хранить дневник вне собственного кабинета.

В таком случае в опись бумаг поэта, составленную при разборе их в феврале 1837 года Дубельтом и Жуковским, дневник, естественно, и не попал. А ведь именно на этот «жандармский» реестр рукописного наследия А. С. Пушкина ссылаются некоторые пушкипеды, когда стремятся доказать, что пушкинского дневника № 1 вообще не существовало. Например, М. А. Цявловский в статье «„Посмертный обыск“ у Пушкина» писал: «Как видим, ни в описях протоколов, ни в описи, представлен-

¹ Козмин Н. О неизвестном дневнике Пушкина и его переписке с женой. — «Книжные новости», 1937, № 2, с. 35.

ной Николаю, пет и намек на то, что дневник был в двух тетрадах. Напротив, сравнение № 31 описи протокола № 3 с описью протокола № 9 приводит, нам кажется, к несомненному выводу, что в день смерти поэта в его кабинете была лишь одна тетрадь дневника...»¹

Но если даже признать доказанным, что в день «по-смертного обыска» в кабинете Пушкина (заметьте: не в квартире, а в кабинете!) не оказалось второй тетради дневника, из этого еще не следует, что его не было вовсе.

Так или иначе, возможность существования пушкинского дневника (№ 1) отнюдь не исключена, хотя это пока и не доказано (как, впрочем, не доказано и то, что его не было).

В июле 1914 года в имении Малое Осташкино Кашперского уезда скончался сын поэта А. А. Пушкин. Фамильные реликвии, которые в то время продолжали оставаться в семье Александра Александровича (основную часть рукописей отца, как говорилось выше, он передал в Румянцевский музей значительно раньше), перешли к его вдове М. А. Пушкиной-Павловой и к дочери Елене Александровне, жившей вместе с родителями.

Известно, например, что золотую саблю А. А. Пушкина, пожалованную ему за личную храбрость, проявленную в боях за освобождение братской Болгарии в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов, его вдова и дочь увезли в Турцию. Увезли они и другие ценные вещи, среди которых мог оказаться (если он существовал!) и дневник № 1. После смерти М. А. Пушкиной-Павловой в 1919 году дневник мог стать собственностью Елены Александровны.

В 1922 году Е. А. Пушкина-Розенмайер писала торгпреду нашей страны в Париже М. И. Скобелеву, а в пер-

¹ Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 295.

вые месяцы 1923 года известному коллекционеру рукописей Пушкина и других его материалов А. Ф. Онегину (Отто) и советскому пушкинисту М. Л. Гофману о том, что у нее имеются гербовая печать Пушкина, акварельный портрет Н. Н. Пушкиной — работы художника А. П. Брюллова¹, веер, подаренный Пушкиным жене...

Из писем Елены Александровны, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, видно, что она предлагала приобрести у нее эти вещи для Пушкинского дома Академии наук СССР. В письме к А. Ф. Онегину от 19 апреля 1923 года Е. А. Розенмайер подчеркивала, что передать России фамильные ценности безвозмездно она не может, так как они с мужем «остались совершенно без средств».

Елена Александровна писала также, что у нее хранятся неизданный дневник и другие рукописи деда, которые согласно воле ее отца, А. А. Пушкина, «не могут быть напечатаны до истечения ста лет со дня смерти Александра Сергеевича, т. е. до 1937 года». В одном из писем к Гофману она объясняла этот запрет на дневниковые записи Пушкина тем, что «близкие потомки лиц, упоминаемых в них, еще живы...».

Весной 1923 года М. Л. Гофман ездил к Е. А. Розенмайер в Стамбул, надеясь купить у нее пушкинские вещи. Но грубая бестактность Гофмана по отношению к Онегину, по поручению которого он приехал в тогдашнюю столицу Турции (с октября 1923 года столицей Турции стал город Анкара), скомпрометировала его в глазах

¹ М. Д. Беляев в книге «Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников» (Л., 1930, с. 52) утверждал «на основании фотографии Онегинского музея», что у Е. А. Розенмайер был не брюлловский портрет Н. Н. Пушкиной, а одно из авторских повторений известного портрета ее, выполненного В. И. Гау в 1842—1843 годах.

Елены Александровны. В уже упоминавшемся письме от 19 апреля 1923 года она жаловалась Онегину: «В Вашей книге «Неизданный Пушкин» г. Гофман сделал надпись: «Внучке Пушкина с глубоким уважением...» и вместе с тем взял на себя смелость сознаться, что письмо, которое он должен был мне отправить по Вашему поручению, перед своим отъездом из Парижа, он, г. Гофман, не отправил, сказав мне, что Вы одной ногой стоите в гробу и что с Вами считаться не приходится».

Вероятно, именно этот неблагопристойный поступок пушкиниста заставил внучку поэта отнестись «к предложению г. Гофмана о продаже рукописей в собственность за 10 тысяч франков или о передаче на хранение» так же, как до этого она относилась «к многочисленным предложениям иностранцев», — Елена Александровна отказалась вести с ним какие бы то ни было переговоры.

В том же письме Е. А. Розенмайер сообщала, что имеющиеся у нее реликвии «хранятся в надежном месте, сфотографированы (кроме вещей) и застрахованы от случайностей», а также о том, что она выслала Онегину — через Гофмана — уменьшенную фотографию акварельного портрета Н. Н. Пушкиной.

Внучка Пушкина просила Онегина одолжить ей 20 тысяч франков («этим Вы избавите меня... от необходимости голодать или передать русские ценности иностранному музею»).

С этой же просьбой Елена Александровна обращалась к Онегину, по всей вероятности, и раньше, так как он еще во второй половине марта собирался перевести ей 10 тысяч франков. Но, получив 28 марта от Е. А. Розенмайер телеграмму (хранится вместе с ее письмами в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР), состоящую из двух слов «Envoyez ras»¹, Онегин отказался от этого намерения.

¹ «Не присылайте» (франц.).

Телеграмма была вызвана, очевидно, тем, что Елена Александровна собиралась в скором времени побывать в Париже, чтобы лично передать Александру Федоровичу Онегину портрет Натальи Николаевны, печать Пушкина и другие фамильные ценности, которые она не доверила Гофману.

Однако неблагоприятные семейные обстоятельства помешали планам Е. А. Розенмайер: Елена Александровна и ее муж навсегда покинули Турцию.

За несколько месяцев до этого внучка поэта писала Гофману, что собирается переехать к своим родственникам в Южную Африку, в их имение близ города Мипзенбурга, сообщила ему свой будущий адрес. В апрельском письме к А. Ф. Онегину она сетовала на то, что из-за отсутствия средств Николай Алексеевич и она «не имели возможности выехать до сих пор» в южноафриканское имение английских родственников, где мужу предложили хорошо оплачиваемую службу.

По сей день точно не установлено, куда уехали из Стамбула Розенмайеры¹. Зато хорошо известно, что сделать это их заставила острая нужда, от которой супругам не удалось избавиться и в дальнейшем.

Весной же 1923 года, в связи с рождением 17 февраля дочери Светланы, положение семьи было особенно трудным. После отъезда внучки Пушкина из Турции ее переговоры с Онегиным прекратились, переписка между ними оборвалась, а вскоре, в 1925 году, Онегин умер.

Сообщение Гофмана о том, что у внучки Пушкина находится «самое большое в мире» собрание пушкинских рукописей, что имеющиеся у нее реликвии «ценнее Онегинского музея + весь Пушкинский дом», естественно,

¹ В письме к автору книги от 22 апреля 1973 года Н. С. Шепелева, ссылаясь на авторитетные английские источники, утверждает, что Е. А. Розенмайер в Южной Африке не жила.

заинтересовало советских пушкинистов. И вплоть до 1930 года по инициативе Пушкинского дома велись поиски Е. А. Розенмайер с целью приобретения у нее вещей и рукописей, в свое время предложенных ею Онегину.

Дело это приобрело государственное значение. Совет Народных Комиссаров СССР, изучив подписанную директором Пушкинского дома академиком С. Ф. Платоновым записку о необходимости начать розыски пушкинских рукописей за рубежом, поручил дипломатическим представителям нашей страны за границей сделать все необходимое для розыска потомков поэта (прежде всего, конечно, Е. А. Розенмайер) и вообще лиц, которым могут принадлежать неопубликованные произведения и письма Пушкина.

Поскольку «неуловимую» Елену Александровну пойти тогда так и не удалось, в сентябре 1930 года «Дело о розыске и покупке рукописей Пушкина за границей» было прекращено.

Таким образом, тайна пушкинского дневника, которая, казалось, начала приоткрываться, так и осталась неразгаданной.

Конечно, проще всего согласиться с теми, кто считает, что Елена Александровна «историю с дневником выдумала», что другого дневника Пушкина, кроме опубликованного (полностью) в 1923 году, вообще не было и не могло быть.

Однако сделать это «мешают» и другие факты.

«Она показала Гофману,— пишет И. Л. Фейнберг,— гербовую печать поэта и акварельный портрет Натальи Николаевны Пушкиной, по вслед за тем муж Елены Александровны сказал: „Что касается до неизданного дневника Пушкина, то тут недоразумение: Елена Александровна никогда не собиралась и не собирается никому передавать дневник своего деда“».

Это заявление Н. А. Розенмайера заслуживает внимания: во-первых, оно расширяет круг лиц, утверждавших, что дневник Пушкина № 1 существует; во-вторых, подтверждает сообщение самой Елены Александровны (в письмах к Скобелеву и Онегину) о том, что этот дневник в 1920-е годы был у нее.

В отрывках из дневника М. А. и Т. Г. Цявловских «Вокруг Пушкина»¹ также содержатся косвенные свидетельства того, что загадочный дневник Пушкина у его внучки, кажется, был. Одно из них — записанный в 1929 году рассказ академика Н. А. Котляревского о его беседе с Гофмалом, который ехал «из Парижа с письмом от А. Ф. Онегина к внучке поэта — Елене Александровне Пушкиной, чтобы получить от нее ряд рукописей поэта, в том числе огромных размеров дневник, который хранится у нее в сейфе Константинопольского банка».

А в записи от 27 января 1929 года, сообщающей о том, что, «разбирая личный архив Онегина, сотрудники Пушкинского дома во главе с Измайловым нашли пачку писем Елены Александровны Пушкиной к Онегину», подчеркивается: «Из этих писем выясняется, что у Е. А. Пушкиной, несомненно, имеются какие-то вещи, связанные с Пушкиным, и рукописи».

И. Л. Фейнберг считает, что известный дневник Пушкина (№ 2) является белой частью большого дневника поэта, который охватывал 1830-е годы, включая преддуэльную драму Пушкина. Если согласиться с этой гипотезой, следует и другая, вполне вероятная версия: потаенный дневник содержал немало смелых до дерзости высказываний Пушкина о царе и его окружении.

¹ См.: «Наука и жизнь», 1971, № 6, с. 66—76.

Общеизвестно, что не только из этических, но и из политических соображений сын поэта А. А. Пушкин многие десятилетия держал дневник (№ 2) под замком и показывал его лишь очень немногим лицам. Так же могли относиться к неизвестным нам дневниковым записям Пушкина и младшие потомки поэта, особенно те, кто после революции 1917 года оказался за границей.

Хорошо сказал об этом И. Л. Фейнберг. В 1974 году на вопрос интервьюера «А почему английские потомки Пушкина не опубликуют дневник, если он у них?» он ответил просто и достаточно убедительно: «Потому, что они единственные люди на свете, которые могут быть заинтересованы в неопубликации дневника: ведь если внучка Пушкина, дочь Натальи Александровны, вышла замуж за внука Николая I, великого князя Михаила Михайловича, то дети от этого брака — потомки столько же Пушкина, сколько и Николая I»¹. Возможно, именно по этой причине и Елена Александровна столь ревниво оберегала тайну пушкинского дневника, что позже было истолковано некоторыми учеными в ущерб ее репутации.

В воспоминаниях о Е. А. Розенмайер встречаются довольно не лестные отзывы о ней. Но даже Н. И. Тютчев, директор музея Ф. И. Тютчева в Муранове (под Москвой), родной внук поэта, в беседе с Т. Г. Цявловской назвавший Елену Александровну «неумной, бесцветной», признавал, что она, «конечно, не авантюристка».

О том, что внучка Пушкина не вводила в заблуждение ни Онегина, ни Гофмана, свидетельствует и тот факт, что часть фамильных вещей, о которых Е. А. Розенмайер писала Онегину и другим своим корреспондентам, она впоследствии продала парижскому балетмейстеру и коллекционеру Сергею Лифарю. Об этом он сообщал в книге «Моя

¹ См.: *Аннинский Л.* Звучащая проза Пушкина. — «Наука и жизнь», 1974, № 12, с. 142.

зарубежная Пушкиниана», изданной в Париже в 1966 году на русском языке. О том же писал из Парижа 1 января 1972 года праправнук Пушкина Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов: «Пушкинские реликвии, которые ей (Е. А. Розенмайер.— В. Р.) удалось вывезти, она распродала. В частности, С. Лифарь купил у нее печать Пушкина, его «пашпорт» для поездки в Бессарабию и другие личные вещи».

Я глубоко убежден, что надо продолжать поиски пушкинского дневника № 1. И прежде всего следовало бы найти личный архив Е. А. Розенмайер, который, возможно, находится у ее дочери С. Н. Розенмайер или у внука Александра Розенмайера (род. около 1940 года). Не исключено, что среди семейных бумаг Елены Александровны нашлись бы документы, которые могли бы пролить свет на судьбу затерявшейся (?) пушкинской рукописи.

Нужно бы тщательно опросить и людей, встречавшихся с Еленой Александровной за границей или состоявших в переписке с нею. В частности, не лишним было бы побеседовать по этому вопросу с родственниками и близкими И. А. Бунина, с которым Елена Александровна была знакома в последние годы жизни.

После смерти И. А. Бунина в его архиве была обнаружена интересная заметка писателя о Е. А. Розенмайер. В примечаниях к ней писатель и археолог Л. Ф. Зуров, живший в доме Буниных, сообщает, что «15 мая 1941 года Елена Александровна Розенмайер приехала в гости к Буниным и провела на вилле Жаннет целый день. Она была сильно истощена, после завтрака отдыхала в комнате Веры Николаевны», жены Бунина. Зуров пишет также, что внучка поэта скончалась в Ницце 14 августа 1942 года.

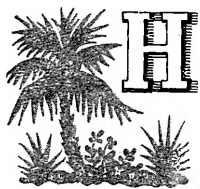
В записке Бунина (оттиск ее в 1962 году прислал в Пушкинский дом Л. Ф. Зуров) говорится: «...передо мной опять было существо, в котором текла кровь человека для

пас уже мифического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка, как все мы, бежавшие из России... добывала в Ницце пропитание тяжким трудом, которым и надорвала себя так, что перенесла две операции. Оплатить вторую операцию, которая свела ее в могилу, у нее уже не хватало средств,— их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут все, что мог, но это уже ее не спасло. Так на моих глазах погибла родная внучка Пушкина».

Нетрудно заметить, что автор говорит о Е. А. Розентау с состраданием. И это заслуживает внимания. Талантливый русский писатель, человек тонкой духовной структуры, Иван Алексеевич Бунин вряд ли стал бы приписывать у себя впучку Пушкина как близкого человека, будь она «неумной, бесцветной» женщиной с репутацией авантюристки...

Разумеется, нет уверенности в том, что дальнейшие поиски увенчаются успехом. И все же пусть сбудутся добрые слова Т. Г. Цявловской: «И. Л. Фейнберг и другие исследователи продолжают и сейчас поиски Дневника № 1. Как было бы приятно, если бы им удалось рассеять наши сомнения!»

И ЕЩЕ О ВНУКАХ



Наконец, несколько слов о внуках Пушкина — детях его младшей дочери Натальи Александровны.

Первым ребенком Н. А. Пушкиной и М. Л. Дубельта была дочь Наталья. Родилась она 23 августа 1854 года. Окончила в Петербурге Екатерининский институт. Затем уехала к матери в Висбаден. Там в 1880 году вышла замуж за немца, полковника в отставке фон Бесселя. Через шесть лет Наталья Михайловна, овдовев, переехала в Бонн, где и жила в собственном доме.

«Я ее хорошо помню, — писала Е. Н. Бибикина, — она была пресимпатичная, живая, веселая и очень родственная».

Умерла Н. М. Дубельт в октябре 1926 года.

Ее сын, Арнольд (Александр?) Бессель, был летчиком. Когда Гитлер пришел к власти, правнук Пушкина

вынужден был уйти из действующей армии. Во время второй мировой войны Бесселя, по воспоминаниям Е. Н. Бибиковой, «не посылали на Восточный фронт за его отчасти русское происхождение». Он хорошо владел русским языком, собирал портреты своего прадеда Пушкина и литературу о нем. Скончался в оккупированной немцами Франции.

Сын Н. А. Пушкиной и М. Л. Дубельта — Леонтий Михайлович — родился 5 октября 1855 года. Учился в Пажеском корпусе. По свидетельству Е. Н. Бибиковой, «Леопя имел необузданный нрав... и, недолго думая, всадил перочинный нож в бок товарищу», когда тот однажды залил чернилами его чертеж. Двенадцатилетний внук Пушкина, вообразив, что за этот проступок его расстреляют, «вернулся домой, вошел в пустой кабинет деда П. П. Ланского, взял револьвер и выстрелил себе в грудь».

Мальчика вылечили, но пулю извлечь не смогли, и он вследствие этого ранения всю жизнь страдал эпилепсией.

Из Пажеского корпуса Леонтий был уволен. П. П. Ланской устроил его в Морской корпус, который юноша и окончил с отличием. В 1880 году, как видно из письма А. А. Пушкина к Ф. П. Корнилову от 18 апреля того же года, Л. М. Дубельт служил на флоте мичманом. Позже, проучившись два года на минных курсах в Кронштадте, он из-за участвовавших припадков вышел в отставку, имея чин капитана второго ранга.

Леонтий Михайлович был женат на княжне Агриппине Оболенской. 24 сентября 1894 года, тридцати девяти лет, он умер во время приступа эпилепсии. Похоронен на Смоленском кладбище в Петербурге.

Младшая дочь Натальи Александровны Пушкиной и М. Л. Дубельта, Анна Михайловна Дубельт, родилась в 1861 году. Была замужем за Александром Павловичем Кондыревым. Овдовев в марте 1900 года, она осталась с

тремя малолетними детьми — двумя сыновьями восьми и двух лет и дочерью шести лет.

Острая нужда заставила внучку Пушкина неоднократно обращаться за помощью в Постоянную комиссию для пособий нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при императорской Академии наук. О своем бедственном положении Анна Михайловна сообщала и Николаю II в письме от 10 апреля 1900 года.

Единовременные пособия на воспитание и содержание детей назначались ей трижды: в мае 1899 года, по случаю 100-летия со дня рождения А. С. Пушкина, — 600 рублей, в апреле 1900 года — 120 рублей, в январе 1905 года — 50 рублей. В дальнейшем ходатайства внучки поэта о пособиях комиссия отклоняла «за недостатком средств».

Следует отметить, что еще в 1890 году А. М. Кондырева принесла в дар Пушкинскому музею Александровского (бывшего Царскосельского) лицея письмо Пушкина к Н. Н. Гончаровой, тогда еще невесте, от 27—29 октября 1830 года (по-русски), переданное ей матерью, графиней Н. А. Меренберг.

Скончалась Анна Михайловна Кондырева в 1925 году.

Старшая дочь Натальи Александровны Меренберг от второго брака, Софья Николаевна Меренберг (в замужестве графиня де Торби), родилась в Женеве 20 мая 1868 года. В 1891 году она становится женой великого князя Михаила Михайловича Романова. Разгневанный этим брачным союзом Александр III телеграфировал герцогу Люксембургскому и герцогу Нассаускому: «Этот брак, заключенный наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имевший места». Царское непризнание брака внучки Пушкина с внуком Николая I заставило супругов навсегда остаться в Англии. Там Софья Николаевна и скончалась 14 сентября 1927 года.

Долгие годы у графини де Торби находились перешедшие к ней от матери десять писем А. С. Пушкина. Когда София Николаевна умерла, С. П. Дягилев, живший за границей, купил эти письма у ее мужа — великого князя Михаила Михайловича. А после кончины Дягилева письма перешли в коллекцию к С. М. Лифарю, у которого пахоятся и теперь.

Сестра графини де Торби, Александра Николаевна Меренберг, родилась 14 июля 1869 года. Была замужем за аргентинцем Максимо де Элиа с 1911 года. Умерла в 1950 году.

Георг-Николай (Георгий Николаевич) Меренберг родился 13 февраля 1871 года. С 1895 года был женат на светлейшей княжне Ольге Александровне Юрьевской, дочери Александра II от мorganатического брака с Екатериной Михайловной Юрьевской (урожденной княжной Долгорукой), а с 1930 года — на Аделаиде Моран Брамбеер. Жил Меренберг в Висбадене и совсем не говорил по-русски. Умер он 31 мая 1948 года.



**Наталья Александровна Меренберг
с мужем, дочерьми и зятем.**

Пушкинский кабинет ИРЛИ Фотография 1895 г.



*Наталья Александровна
Воронцова-Вельяминова,
внучка А. С. Пушкина.
Фотография 1912 г.*

*Сельский пейзаж.
Рисунок Н. А. Воронцовой-
Вельяминовой.*



Пушкинский кабинет ИРЛИ



Мария Александровна Быкова, внучка А. С. Пушкина, с мужем Николаем Владимировичем Быковым, племянником Н. В. Гоголя.

Фотография 1881 г.



*Мария Александровна Быкова
(слева) с дочерьми
и внуками. Полтава.
Фотография 1920-х гг.*



*Александр Александрович
Пушкин, внук А. С. Пушкина.
Фотография 1887 г.*



*Григорий Александрович
Пушкин, сын А. С. Пушкина.
Фотография середины 1860-х гг.*



*Григорий Александрович
Пушкин.
Фотография конца 1890-х — начала
1900-х гг.*



*Григорий Александрович
Пушкин с женой Варварой
Алексеевной.
Фотография 1890-х гг.*

*Музей-заповедник
А. С. Пушкина
в Михайловском.
Вид с реки Сорочи.
Фотография 1970-х гг.*



Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Пруд в лопасненской усадьбе
Васильчиковых.
Фотография 1975 г.*



*Могила
Марии Александровны
Гартунг
на кладбище бывшего
Донского монастыря
в Москве.
Фотография 1970-х гг.*



*Памятник А. С. Пушкину в Москве.
Фотография 1973 г.*

*Григорий Александрович
Пушкин, внук А. С. Пушкина.
Фотография 1915 г.*



*Александр Александрович
Пушкин, внук А. С. Пушкина.
Фотография 1890-х гг.*

*Анна Александровна
Пушкина,
внучка А. С. Пушкина.
Фотография 1888 г.*



*Анна Александровна
Пушкина.
Фотография 1930-х гг.*



*Надежда Александровна
Пушкина,
внучка А. С. Пушкина.
Фотография конца 1890-х гг.*



*Ольга Александровна
Павлова,
внучка А. С. Пушкина.
Фотография конца 1880-х гг.*



*Вера Александровна
Мезенцова,
внучка А. С. Пушкина.
Фотография 1901 г.*



*Сергей Александрович
Пушкин,
внук А. С. Пушкина.
Фотография середины 1890-х гг.*

*Елена Александровна
Розенмайер,
внучка А. С. Пушкина.
Фотография 1910-х гг.*



*Николай Александрович
Пушкин,
внук А. С. Пушкина.
Фотография 1958 г.*



*София (стоит), Александра и Георг-Николай
Меренберги, внуки А. С. Пушкина.*

Фотография около 1880 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ



Потомки А. С. Пушкина в редакции газеты «Правда» накануне 100-летия со дня гибели А. С. Пушкина. В первом ряду (слева направо): праправнуки Миша Пушкин и Саша Пушкин (сзади), их мать правнучка Пушкина — Екатерина Александровна, внуки поэта Григорий Александрович Пушкин, Мария Александровна Пушкина (Быкова) и Анна Александровна Пушкина, праправнук Боря Геринг, правнучка Софья Павловна Кологривова (Вельяминова), праправнук Гарик Галин. Во втором ряду: праправнуки Сергей Евгеньевич Клименко, Олег Всеволодович Кологривов, Марина Евгеньевна Клименко и Татьяна Евгеньевна Клименко, правнук Григорий Григорьевич Пушкин, праправнучки Ирина Евгеньевна Гибшман и Ольга Евгеньевна Клименко, правнучки Татьяна Николаевна Галина, Наталья Сергеевна Шепелева и Софья Николаевна Данилевская, праправнуки Сережа Геринг и Александр Всеволодович Кологривов.

Фотография 1937 г.



Пушкинский кабинет ИРЛИ

Владимир Николаевич Быков, правнук А. С. Пушкина, участник первой мировой войны.

Фотография 1914 г.



*Феодосий Павлович
Воронцов-Вельяминов,
правнук А. С. Пушкина,
участник первой мировой войны.
Фотография 1900-х гг.*



*Григорий Григорьевич
Пушкин,
правнук А. С. Пушкина,
участник Великой Отечествен-
ной войны.*

Фотография 1930-х гг.



*Григорий Григорьевич Пушкин в хранилище рукописей ИРЛИ
(Пушкинского дома) АН СССР просматривает дневник прадеда.
Фотография 1973 г.*



*Александр Сергеевич
Данилевский,
праправнук А. С. Пушкина,
участник Великой Отечествен-
ной войны.*

Фотография 1960 г.



*Александр Сергеевич
Данилевский.*

Автопортрет 1942 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Александр Сергеевич Данилевский с матерью
Софией Николаевной и сыном Сергеем.*

Пушкинский кабинет ИРЭЛ Фотография 1952 г.



*Марина Сергеевна Чалик,
праправнучка А. С. Пушкина,
участница Великой Отечест-
венной войны.*

Фотография 1942 г.



*Александр Всеволодович
Кологривов,
праправнук А. С. Пушкина,
участник Великой Отечест-
венной войны.*

Фотография 1944 г.



*Александр Всеволодович Кологривов с женой Ниной Ефимовной,
сыном Андреем и дочерью Ольгой.
Фотография 1962 г.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ



Олег Всеволодович Колозривов, праправнук А. С. Пушкина, участник Великой Отечественной войны, выполняет дипломную работу.

Фотография конца 1940-х гг.

**Александр Иванович
Писнячевский,
праправнук А. С. Пушкина,
участник Великой Отечествен-
ной войны.
Фотография 1940-х гг.**



**Сергей Евгеньевич Клименко,
праправнук А. С. Пушкина,
участник Великой Отечествен-
ной войны.
Фотография 1941 г.**



Сергей Борисович и Борис Борисович Пушкины, праправнуки А. С. Пушкина, участники Великой Отечественной войны, среди других потомков поэта. Слева направо: А. В. Кологривов, В. Б. Пушкин, Г. Г. Пушкин, М. С. Пушкина, С. Б. Пушкин, А. А. Кологривов, О. В. Кологривов. Фотография 1966 г.



Георгий Владимирович Воронцов, прапраправнук А. С. Пушкина, участник Великой Отечественной войны.

Фотография 1960-х гг.

Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов, праправнук А. С. Пушкина, участник второй мировой войны, на крыльце дома-музея А. С. Пушкина в Михайловском.

фотография 1961 г.



Александр Уэркер, праправнук А. С. Пушкина, участник второй мировой войны.

фотография 1940-х гг.



*Софья Николаевна Данилевская, правнучка
А. С. Пушкина, с правнуком Сашей Данилевским.
Фотография 1967 г.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Володя и Алеша Савельевы, прапраправнуки А. С. Пушкина.
Фотография 1970 г.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Татьяна Николаевна Галина,
правнучка А. С. Пушкина.
Фотография 1959 г.*

*Татьяна Николаевна Галина
(справа) в детском саду
имени А. С. Пушкина
в г. Варне (Болгария).
Фотография 1972 г.*



Пушкинский кабинет ИРЛИ



**Георгий Александрович Галин, праправнук А. С. Пушкина.
Фотография 1968 г.**

Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Мария Сергеевна
Данилевская, праправнучка
А. С. Пушкина.
Фотография 1972 г.*

*Софья Павловна Вельяминова
(слева) с племянником
Г. М. Воронцовым-Вельямино-
вым (стоит), сыном
О. В. Кологривовым, невесткой
Н. Е. Кологривовой и внуком
Андреем.*

Фотография 1961 г.





*Наталья Сергеевна Шепелева,
правнучка А. С. Пушкина.
Фотография 1962 г.*



*Ирина Евгеньевна Гибшман,
праправнучка А. С. Пушкина.
Фотография 1968 г.*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

*Софья Павловна Вельяминова,
правнучка А. С. Пушкина.
Фотография начала 1960-х гг.*



*Софья Павловна Вельяминова
у могилы А. С. Пушкина.
Фотография 1959 г.*



Пушкинский кабинет ИРЛИ



*Ольга Евгеньевна Усова,
праправнучка
А. С. Пушкина.
Фотография 1973 г.*



*Татьяна Евгеньевна Гуцко,
праправнучка А. С. Пушкина.*

*Фотография 1960 г.
Пушкинский кабинет ИРЛИ*



Правнучка А. С. Пушкина Н. С. Шепелева (справа) и праправнучка поэта И. Е. Гибшман (слева) в президиуме заседания 24-й Пушкинской конференции в ИРЛИ (Пушкинском доме) АН СССР. Выступает доктор филологических наук Н. В. Измайлов. Июнь 1976 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ



Зарубежные потомки А. С. Пушкина и их супруги на свадьбе прапраправнучки поэта Елены Васильевны Солдатенковой. Слева направо: вверху — Николай Андреевич Бэр, Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов; в среднем ряду — Тамара Васильевна Дерюгина, Татьяна Владимировна Савицкая, Нина Георгиевна Гильшер, Николай Васильевич Солдатенков, Надежда Георгиевна Воронцова-Вельяминова, Елена Васильевна Солдатенкова, Андрей Владимирович Бразоль, Анастасия Владимировна Савицкая, Владимир Михайлович Воронцов-Вельяминов, Ольга Владимировна Воронцова-Вельяминова, Мария Александровна Дурново, Александр Александрович Пушкин, Елизавета Александровна Дурново; дети — Николай Николаевич Солдатенков, Гавриил Николаевич Бэр, Дамиан Николаевич Бэр, Татьяна Николаевна Солдатенкова, Марина Христиановна Бодело, Надежда Луи, Париж, 21 января 1975 г.



*Александр Григорьевич
Пушкин,
праправнук А. С. Пушкина.
Фотография 1970 г.*

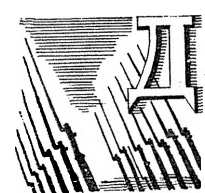
**ОНИ ЗАЩИЩАЛИ
ОТЕЧЕСТВО**





Пушкинский кабинет ИРЛИ

„РОССИИ ДВИНУЛИСЬ СЫНЫ...“



Двадцать второго июня 1941 года на мирную землю Страны Советов упали первые фашистские бомбы. Гитлеровцы рассчитывали на легкую, молниеносную победу. Но советский народ под руководством Коммунистической партии выстоял, преодолев неудачи первых военных месяцев и мобилизовав все свои силы для отпора врагу. Он не только защитил собственную страну, но и спас от фашизма все человечество.

В годы военных испытаний — на фронте и в тылу — новую силу и особый смысл обрели пламенные пушкинские строки:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных.
Сердца их мщеньем зажжены.

Поэзия А. С. Пушкина вдохновляла на ратные и трудовые подвиги защитников Родины, среди которых были и прямые потомки поэта.

Первым из потомков Пушкина — участников Великой Отечественной войны — хочется назвать правнука поэта Григория Григорьевича Пушкина. Познакомился я с ним в 1970 году.

...Дверь открыл невысокий стройный мужчина в легком домашнем костюме, в очках. В молодежавом, живом, энергичном лице его угадывались черты великого прадеда. Хотя правнуку Пушкина шел пятьдесят седьмой год, на вид ему было не больше пятидесяти.

О себе Г. Г. Пушкин рассказывал скупо.

— Родился я, — говорил Григорий Григорьевич, — в Лопасне шестого (девятнадцатого) декабря тысяча девятьсот тринадцатого года. Двенадцати лет поступил в семилетнюю школу, сразу в пятый класс. В этой же школе преподавала моя мать, Юлия Николаевна Пушкина. В двадцать девятом — тридцать втором годах я учился в сельскохозяйственном техникуме, где получил специальность зоотехника. А затем в связи с переездом родителей в Москву поступил на работу во Всесоюзный институт животноводства. Там был лаборантом микробиологической лаборатории, которой заведовал Д. Д. Прянишников — сын известного ученого.

В тридцать четвертом году я ушел досрочно в армию, по спецнабору. Участвовал в войне с белофиннами, в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии. В сороковом году по комсомольской путевке был направлен на работу в Московский уголовный розыск. Там и застала меня Великая Отечественная война.

В сентябре сорок первого года, — продолжал правнук поэта, — я добровольно ушел в специальный партизанский отряд, который действовал на Наро-Фоминском и Волколамском направлениях. Был разведчиком. Коман-

довал подразделением особого назначения. Под Волоколамском был ранен. Лежал в госпитале.

С сорок второго года воевал сначала на Западном фронте, а позднее на Втором Украинском. Участвовал в освобождении Калинин, в боях под Старой Руссой (в десантных войсках), сражался на Курской дуге, освобождал Сумы, Харьков, Николаев. Был контужен при форсировании Днепра. Воевал под Керчью...

Награжден орденами Отечественной войны второй степени и Красной Звезды, а также медалями.

В октябре сорок шестого года меня уволили в запас — вернулся в Москву. Последние четырнадцать лет, с пятьдесят пятого по шестьдесят девятый год, работал печатником в типографии газеты «Правда». Теперь — на пенсии...

Я с радостью рассматривал фамильные реликвии, которые показал мне Григорий Григорьевич. В гостиной у окна стоят огромные комнатные часы, подаренные отцу Г. Г. Пушкина, Григорию Александровичу Пушкину, товарищами по Александровскому (Царскосельскому) лицейю — в память об окончании им учебного заведения, в котором учился когда-то и его гениальный дед. На часах отчетливо видны дарственные надписи лицейстов-сокурсников Г. А. Пушкина.

У правнука поэта хранятся многочисленные книги известных советских писателей и литературоведов с их автографами, сувениры из Михайловского, Болдина и других пушкинских музеев нашей страны, где часто бывает Г. Г. Пушкин.

В одной из комнат мое внимание привлекли два фото-портрета А. С. Пушкина (с известных работ В. А. Тропинина и Т. Райта), а также цветная фотография Г. А. Пушкина.

Г. Г. Пушкин из всех здравствующих потомков поэта, живущих в СССР, является единственным пря-

мым продолжателем непрерывавшейся мужской линии рода А. С. Пушкина (А. С. Пушкин→А. А. Пушкин→Г. А.→Пушкин→Г. Г. Пушкин), дальнейшая судьба которой зависит теперь от сына Г. Г. Пушкина, Александра Пушкина.

В настоящее время за границей, в столице Бельгии Брюсселе, живет еще один Александр Пушкин (родился в 1942 году), который также является праправнуком поэта — по второй мужской линии рода Пушкина. Его дед, Николай Александрович Пушкин, и отец Г. Г. Пушкина, Григорий Александрович Пушкин, были родными — по отцу — братьями.

* * *

В последний день марта 1971 года я снова побывал у Г. Г. Пушкина. На этот раз меня встретила его жена Мария Ивановна — приветливая женщина лет пятидесяти. Она только что вернулась с работы.

— Проходите, пожалуйста, — любезно пригласила М. И. Пушкина, — Гриша скоро придет.

До возвращения мужа Мария Ивановна охотно делилась семейными новостями:

— За год у нас многое изменилось. Начать с Саши, сына. Его в мае прошлого года призвали в армию. Служит под Брестом, пишет нам часто. До армии, окончив курсы шоферов, он работал несколько месяцев водителем грузовой машины на автобазе. А вот у Юлии минувшим летом, двадцать пятого июля, родился второй сын — Костя... Юля работает в Министерстве энергетики и электрификации. Теперь она старший инженер. Ее первенцу, Олегу Пушкину (он носит фамилию своей матери), осенью десять лет исполнится.

Вскоре вернулся домой Григорий Григорьевич. Он быстрыми шагами вошел в комнату:

— Я заставил вас ждать, извините.

За ужином говорили о работе проходившего в те дни в Москве XXIV съезда партии. Потом, естественно, разговор перешел на пушкинскую генеалогию. М. И. Пушкина принесла из соседней комнаты пачку фотографий и несколько любопытных семейных вещей. Среди них был и массивный бронзовый чернильный прибор, когда-то принадлежавший дочери поэта Марии Александровне Гартунг.

Показали мне и старинную бумагу: «Я, нижеподписавшаяся, дала сию подписку в том, что я на вступление в брак с свиты его величества генерал-майором Александром Александровичем Пушкиным согласна. Июня 15 дня 1883 года. Дочь гвардий полковника Мария Александровна Павлова».

Заверено нотариусом. Печать. Регистрационный номер. Все как полагается. Документ не только семейный (генерал-майор А. А. Пушкин, о котором говорится в подписке, — родной дед Григория Григорьевича Пушкина), но и исторический: с такой подписки дворяне начинали брачную жизнь...

До глубокой ночи Г. Г. Пушкин неторопливо рассказывал и о своем дедушке А. А. Пушкине (о нем он знает только по воспоминаниям родственников), и об отце Г. А. Пушкине, и о себе, точнее — о своем участии почти во всех праздновавшихся в последние десятилетия юбилеях, связанных с памятью его прадеда. Особенно запомнился Григорию Григорьевичу 1937 год, когда широко отмечалось 100-летие трагической гибели поэта.

— В тридцать седьмом году председателем юбилейного Пушкинского комитета был Андрей Сергеевич Бубнов, — раздумчиво начал Г. Г. Пушкин. — Он попросил Климента Ефремовича Ворошилова, наркома обороны СССР, предоставить мне, в то время военнослужащему, отпуск. Ворошилов принял нас с отцом. Мне дали трехмесячный отпуск с правом ношения гражданской одежды.

Я участвовал во всех пушкинских торжествах. Был и в Ленинграде на открытии обелиска у Черной речки — на месте дуэли Пушкина с Дантесом. Отец и мать, Григорий Александрович и Юлия Николаевна Пушкины, как и многие другие потомки Александра Сергеевича, тоже ездили тогда и в Ленинград, и в Псков, и в Михайловское...

Очень торжественно, — продолжал правнук Пушкина, — проходил праздник в Пскове. Интересно инсценировали дуэль Онегина и Ленского участники художественной самодеятельности. Многие произведения Пушкина исполнялись прямо на улицах...

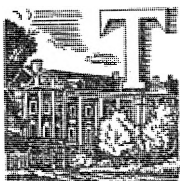
В последние годы, начиная с 1967-го, Григорий Григорьевич — непререкаемый участник Всесоюзных Пушкинских праздников поэзии.

— Хочу отметить, — говорил он, — что в Пскове участников праздника встречают особенно тепло и радушно. Никогда не забуду, как псковичи, собравшиеся в театре драмы имени Пушкина, стоя, громко аплодируя, слушали поэта Давида Кугультинова, напомнившего слова Пушкина о том, что слух о поэте «пройдет по всей Руси великой» и имя его вспомнит и «друг степей калмык». «Да, мы, калмыки, — говорил Кугультинов, — знаем изумительное творчество гениального поэта и сердечно благодарим русский народ за то, что из его среды вышел Александр Сергеевич Пушкин, слава которого не померкнет в тысячелетиях».

Затаив дыхание, жадно ловили каждое слово гостей и жители города Новоржева: там мы тоже выступали в один из Дней поэзии.

И где бы ни приходилось мне выступать — в школах или воинских частях, в литературных кружках или рабочих коллективах, — везде я чувствовал огромную, всенародную любовь к Пушкину...

БОЕЦ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ...



Трудно писать о любом потомке Пушкина, потому что рядом всегда видишь мысленно и главу семьи — великого русского поэта...

Но во сто крат труднее, ответственнее рассказывать о тех из них, кто не только славен кровным родством с Пушкиным, но и сам является личностью выдающейся, незаурядной, кто жизнью и трудами своими вписал блистательную страницу в историю отечественной и мировой науки.

Таким был Александр Сергеевич Данилевский — ученый с мировым именем, выдающийся советский биолог, декан биолого-почвенного факультета Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова, заведующий кафедрой энтомологии, профессор, доктор биологических наук. Он же праправнук А. С. Пушкина и родственник Н. В. Гоголя.

27 июня 1969 года, в возрасте 58 лет, Александр Сергеевич скоропостижно скончался. Жизнь высокоодаренного исследователя, педагога и организатора оборвалась в пору, когда его творческие силы достигли полного расцвета.

...А. С. Данилевский родился 19 февраля (4 марта) 1911 года на Полтавщине, в селе Олефировка Миргородского уезда. Его отец, Сергей Дмитриевич Данилевский, окончив Петровско-Разумовскую академию и получив звание агронома, занялся своим небольшим хозяйством и сумел сделать его образцовым, за что неоднократно получал медали на различных выставках.

Мать, Софья Николаевна Данилевская (урожденная Быкова), — правнучка Пушкина и внучатая племянница Гоголя. Более подробный рассказ о ней — в одной из следующих глав.

Раннее детство Саши Данилевского прошло в Олефировке. До семилетнего возраста он был болезненным, слабым ребенком. Родители жили в постоянной трезогe за его здоровье.

Мальчику не исполнилось еще и восьми лет, когда умер от испанки отец. Положение семьи стало чрезвычайно тяжелым: на руках Софьи Николаевны осталось пятеро малолетних детей¹.

Вскоре С. Н. Данилевская переехала в Полтаву, где ей удалось получить скромную квартиру. По утрам она работала в детских яслях, потом шла на спевки, а вечером выступала в концертах...

Домашними делами в основном занимались дети, которым было от четырех до двенадцати лет. К хозяйствен-

¹ Кроме сына Александра у С. Н. и С. Д. Данилевских было четыре дочери — Мария, Ирина, Наталья и Марина. Ирина Сергеевна Данилевская скончалась в 1970 году, остальные благополучно здравствуют и ныне. Подробнее о них речь впереди.

ным поручениям матери они относились не по-детски серьезно. И выросли все трудолюбивыми, честными. К матери они всегда проявляли особую душевную чуткость. И теперь, на склоне лет, С. Н. Данилевская говорит о своих детях с уважением и благодарностью.

Из-за отсутствия зимней одежды и обуви все дети Софьи Николаевны поступили в школу с опозданием. Первым — девяти лет — пошел учиться Саша. Секретарь Полтавского городского комитета партии, большой почитатель Пушкина, узнав о бедственном положении семьи потомков поэта, распорядился, чтобы мальчику выдали одежду и обувь.

Саша умел читать уже в пять лет, причем выучился совершенно самостоятельно. У него была превосходная память. В семье его в шутку называли ходячей энциклопедией.

Еще до поступления в школу Данилевский подружился с соседским мальчиком Женей Миляновским, который увлекался коллекционированием бабочек. Это занятие заинтересовало и Сашу. Вскоре у него появились расправки и сачки, с которыми он отправлялся в окрестности Полтавы и там собирал бабочек и других насекомых.

Уже в школьные годы увлечение Данилевского коллекционированием насекомых стало приобретать научный интерес. В 24-й трудовой школе с помощью учителя ребята организовали уголок живой природы.

Рано проявились у него и способности к рисованию. В школе этот предмет вела талантливая учительница Александра Ивановна Рощина, окончившая Академию художеств. Софья Николаевна Данилевская помнит ее картины, переданные уже после смерти художницы в один из полтавских музеев. В годы Великой Отечественной войны музей был взорван фашистами, и произведения А. И. Рощиной погибли вместе с многочисленными полотнами других мастеров кисти.

А. И. Рощина организовала в школе художественный кружок. Одним из первых в него записался Саша Данилевский. На детских выставках он, как лучший рисовальщик, не раз получал премии. А. И. Рощина убеждала мальчика поступить в художественную школу. Говорила об этом и его матери. Но он не изменил своему призванию...

Саше Данилевскому было около десяти лет, когда он стал посещать Полтавский городской музей, чтобы в свободное от уроков время углубленно заниматься там любимым делом — изучением насекомых. Пытливому школьнику и его товарищей сердечно встретил орнитолог Н. И. Гавриленко, заведовавший в музее отделом природы. Он стал первым научным руководителем будущего ученого, поручал Саше приводить в порядок различные коллекции, пополнять их, проверять правильность названий насекомых и т. д. Полтавский зоолог первый заметил в Данилевском незаурядные научные способности, о чем и сообщил Софье Николаевне, надеясь, что та позаботится о дальнейшем образовании сына.

Позднее, в студенческие годы, Данилевский изучал насекомых и на Полтавской опытной станции. Там он работал во время каникул. Станция по праву считалась тогда одним из крупных энтомологических центров России.

В двенадцать-тринадцать лет Саша и его школьные друзья Миша Протопопов и Женья Миляновский¹ любили дальние походы, с ночевками в лесу. Уходили за десятки километров от Полтавы. Например, в Диканьку. Мальчики собирали необходимое для путешествия снаряжение: две старые лампы-молнии и простыни-экраны для ловли ночных бабочек на свет, медовый раствор для ловли па

¹ Михаил Протопопов погиб на фронте в начале Великой Отечественной войны; Евгений Семенович Мпляновский, энтомолог и коллекционер, живет под Сухуми.

приманку. Еды почти не брали, разве что кусок хлеба. Об этих удивительных экскурсиях-походах по родному краю они сохранили самые лучшие воспоминания.

Окончив семилетку, Саша Данилевский собирался поступить в садово-огородную профшколу. Но случилось иначе. Вдова Александра Николаевича Быкова (брата С. Н. Данилевской), Тамара Михайловна Филатова (в первом браке Франческо), вышла замуж за известного советского историка и общественного деятеля Б. Д. Грекова, впоследствии, с 1935 года, академика. Борис Дмитриевич и Тамара Михайловна пригласили семнадцатилетнего Александра в Ленинград для завершения образования. В семье Грековых А. С. Данилевский жил до самой войны.

В Ленинграде Александр Данилевский поступил в выпускной класс средней школы, а после окончания его в 1930 году — в Институт прикладной зоологии и фитопатологии (ИЗИФ).

В 1933 году Александр Сергеевич, блестяще окончив вуз и получив звание агронома по защите растений, был принят на работу во Всесоюзный институт защиты растений.

К этому времени он уже зарекомендовал себя как сложившийся специалист в области фаунистики и систематики насекомых. Он успешно разрабатывал ряд вопросов пищевой специализации насекомых. В 1935 году была опубликована его первая научная работа, посвященная этой проблеме. Молодой ученый занимался также систематикой малоисследованных групп чешуекрылых.

В 1936 году А. С. Данилевский поступил в аспирантуру кафедры энтомологии Ленинградского университета, а с 1939 года был ассистентом на этой кафедре.

Немалое значение для Александра Сергеевича имела встреча со студенткой кафедры энтомологии Галиной Шельдешовой, незадолго до войны ставшей его женой.

В течение их совместной жизни Галина Григорьевна была верным другом и надежным помощником А. С. Данилевского, а порой и соавтором научных трудов. Она выполняла трудоемкую техническую работу по подготовке его рукописей к печати, была их первым редактором и критиком. Из совместных публикаций супругов большую известность получили работы по изучению вредителя садов — грушевой плодовой гнили, по экологии яблонной плодовой гнили, по некоторым разделам фотопериодизма. Значительно участие Г. Г. Шельдешовой в подготовке монографии А. С. Данилевского «Фотопериодизм и сезонное развитие насекомых» (1961). Это повседневное творческое содружество, которое обогащало обоих, Александр Сергеевич очень ценил.

В настоящее время кандидат биологических наук Галина Григорьевна Шельдешова работает научным сотрудником в одной из лабораторий Зоологического института АН СССР.

Единственный сын Галины Григорьевны и Александра Сергеевича — Сергей, родившийся 22 июня 1941 года, не пошел по стопам родителей. Его привлекла геология. Окончив геологический факультет ЛГУ, Сергей Александрович по распределению уехал в город Ухту (Комп АССР), где работает геологом в научно-исследовательском институте. В январе 1976 года он поступил в аспирантуру на заочное отделение.

...Дальние расстояния не нарушили близости отношений, существовавших между отцом и сыном. Большую радость приносили обоим их нечастые встречи. Широко эрудированный ученый, Александр Сергеевич легко ориентировался в современных проблемах естественных наук. Его мнение, советы и замечания всегда были Сергею не только интересны, но и полезны.

Вся научная и педагогическая деятельность Александра Сергеевича Данилевского была связана с Ленинградом.

ским университетом. Ее прервала на четыре года Великая Отечественная война.

В июле 1941 года Александр Сергеевич вступил в ряды народного ополчения. Его назначили старшиной роты в отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне Василеостровской дивизии народного ополчения. Батальон состоял в основном из студентов — физиков и астрономов, преподавателей и аспирантов разных факультетов университета. Были в батальоне и инженерно-технические работники военного завода.

18 июля артиллерийско-пулеметный батальон отправили из Ленинграда под Красное Село. В роту, где служил А. С. Данилевский, однажды пришла военврач Н. Н. Трауготт¹. В разговоре о санитарном режиме части Александр Сергеевич обнаружил широкие медико-биологические познания.

— Он знал такое, — вспоминала Наталья Николаевна, — о чем я, капитан медицинской службы, и понятия не имела. Когда узнала, что Александр Сергеевич энтомолог, сразу же перевела его в санинструкторы.

По рассказу профессора Н. Н. Трауготт, в редкие часы фронтового затишья в санитарной землянке батальона собиралось десятка два командиров подразделений, политработников, рядовых ополченцев. Пели песни, читали стихи. Охотно делал это и Данилевский: он задумчиво декламировал Пушкина и других поэтов, пел русские и украинские народные песни.

Из Красного Села батальон перевели под Гатчину. Ополченцы рыли окопы, ходили в разведку, помогали мирному населению строить бетонные дзоты.

¹ Ныне Наталья Николаевна Трауготт — профессор Ленинградского института эволюционной физиологии и биохимии имени И. М. Сеченова АН СССР.

Однажды ночью немцы перешли в наступление, и батальон отошел на территорию гайцевского санатория. 12 сентября разгорелся жаркий бой. Командир батальона и комиссар были убиты. Потери были огромны. Военврач Трауготт и санинструктор Данилевский выносили с поля боя раненых, а их количество, казалось, не уменьшалось...

На следующий день батальон отступил в район Пулкова. А потом был отозван в Ленинград.

В середине сентября 1941 года артиллерийско-пулеметный батальон расформировали. А. С. Данилевского, уже имевшего звание лейтенанта медицинской службы, направили военфельдшером в госпиталь, размещавшийся в здании исторического факультета университета. Вскоре Александр Сергеевич заболел дистрофией — несколько недель лежал в госпитале, но, едва встав на ноги, приступил к выполнению своих обязанностей. Ночами, при свете коптилки, напряженно работал над диссертацией, которую успешно защитил 5 апреля 1943 года.

В диссертации ученый обобщил результаты своих довоенных исследований по взаимосвязи насекомых с кормовыми растениями и по акклиматизации в СССР новых видов шелкопрядов.

Летом 1943 года судьба вновь свела на фронтовых дорогах А. С. Данилевского и Н. Н. Трауготт. В то время Наталья Николаевна служила в терапевтическом госпитале 67-й армии под Псковом. В войсковых частях были зарегистрированы случаи заболеваний дизентерией и тифом. Для выяснения причины туда был направлен А. С. Данилевский: он был уже помощником начальника медико-эпидемиологического отдела Ленинградского фронта.

Великую Отечественную войну Александр Сергеевич Данилевский, награжденный орденом Красной Звезды, закончил капитаном медицинской службы. В 1945 году, демобилизовавшись из армии, он возвратился в Ленин-

градский университет. Сначала занимал должность доцента кафедры энтомологии, а с 1955 года заведовал этой кафедрой.

В 1962 году А. С. Данилевский защитил докторскую диссертацию, в следующем году стал профессором. В 1966 году его избрали деканом биолого-почвенного факультета ЛГУ. Высокую должность руководителя факультета он занимал до самой кончины.

Многие годы Александр Сергеевич работал одновременно и в Зоологическом институте АН СССР. В течение десяти лет, с 1951 по 1960 год, он заведовал там отделением чешуекрылых. Творческую связь с этим научным учреждением профессор Данилевский поддерживал до конца жизни.

Известная ученым-биологам всего мира монография А. С. Данилевского «Фотопериодизм и сезонное развитие насекомых», ставшая и его докторской диссертацией, была удостоена первой университетской премии. Это фундаментальное исследование ученого получило мировое признание как выдающийся труд по экологии беспозвоночных животных. Книга переиздана в Англии и Японии.

Об исключительно высоком научном авторитете А. С. Данилевского в Советском Союзе и за границей свидетельствуют его высокие общественные посты. Он был членом президиума Всесоюзного энтомологического общества, членом научных советов Ленинградского университета, Зоологического института АН СССР, Всесоюзного института защиты растений, членом редакционной коллегии журнала «Энтомологическое обозрение» и международного журнала «Физиология насекомых», издающегося в Англии¹.

¹ Подробнее о научной и педагогической деятельности А. С. Данилевского см.: «Вестник Ленинградского университета», № 15. Биология. Вып. 3, 1969, с. 175—176; «Зоологический журнал»,

В 1954 году за плодотворную научно-исследовательскую деятельность А. С. Данилевский был награжден орденом «Знак Почета».

* * *

Научные сотрудники кафедры энтомологии Ленинградского университета сохранили благодарную память о любимом профессоре, вся жизнь которого была высоким образцом служения науке, Родине.

У Александра Сергеевича была замечательная черта характера, имевшая огромное воспитательное значение,— он чрезвычайно уважительно относился к мнениям других.

Свои научные идеи А. С. Данилевский охотно выносил на суд ученых, товарищей по кафедре, и на суд студентов, потому что заботился не только о сегодняшнем дне науки, но и о завтрашнем. Может быть, именно поэтому ученики А. С. Данилевского стремились не отставать от своего учителя, быть достойными его. Профессор требовал от них самостоятельных решений, мнение любого оценивал в зависимости от того, насколько оно обосновано, логично, убедительно.

В Александре Сергеевиче Данилевском, по словам сотрудников кафедры энтомологии, был тот сплав благородства и простоты, высокой честности и необыкновенной культуры, который делал его любимцем всех. Его лекции и доклады всегда отличались творческим духом, логической стройностью, глубоким содержанием. Их посещали не только студенты, но и учителя биологии, научные сотрудники биологических учреждений Ленинграда.

т. XLVIII. Вып. 11, 1969, с. 1753—1754; «Энтомологическое обозрение». Вып. 3. 1969, с. 698—702; Проблемы фотопериодизма и диапаузы насекомых. Л., Изд-во ЛГУ, 1972, с. 3—14.

К любому, кто попадал в орбиту его внимания, профессор относился с искренней заинтересованностью, если видел в нем хотя бы зернышко таланта, увлеченности наукой. Не жалея времени, помогал молодым специалистам, когда убеждался, что они работают с полной отдачей сил. И всякой удаче других радовался больше, чем собственным успехам. Кроме того, он обладал счастливой способностью зажигать людей своими идеями.

Постоянная неудовлетворенность собой заставляла А. С. Данилевского относиться с исключительной придирчивостью к каждой фразе, к каждому слову собственных статей и книг. Когда уже, казалось, нечего было исправлять и редактировать, он снова и снова возвращался к рукописи, всесторонне улучшая ее. Так же строго, взыскательно относился ученый к иллюстрациям для своих книг и статей, которые делал в основном сам.

Своей задачей А. С. Данилевский считал поиски и воспитание талантливой молодежи. Он не раз говорил коллегам: «Таланты надо отбирать со школьной скамьи». В 1962—1963 годах он много сделал для того, чтобы организовать в Ленинграде школьные биологические олимпиады и другие творческие мероприятия. А в 1964 году по его инициативе был открыт биологический класс в специализированной школе-интернате при Ленинградском университете. Когда биологи интерната проходили практику под Толмачевым, Александр Сергеевич жил вместе с ребятами в палатках, учил и воспитывал их. Невзирая на большую занятость научной и педагогической работой, в те же годы А. С. Данилевский принял участие в создании нового учебника «Общая биология» для десятого класса. Он написал раздел «Организм и среда». С 1966 года по этому учебнику учатся десятиклассники всех школ Советского Союза.

⁹⁴ А. С. Данилевский отличался, как свидетельствует вся его научная и педагогическая биография, потрясающим

трудолюбием. Он признавал только смену одного вида человеческой деятельности другим. Поэтому даже во время отпуска либо отправлялся в научную экспедицию, либо работал за письменным столом... Но в редкие часы отдыха Александр Сергеевич, всегда остроумный, жизнерадостный, становился душой общества.

Со студентами он держался как равный с равными. Дверь его квартиры гостеприимно распахивалась перед молодежью. Он всегда искренне радовался, когда в день его рождения у него дома собиралась вся кафедра. Бывшие студенты и сотрудники А. С. Данилевского и теперь каждый год в этот день приходят в его дом, чтобы почтить память Александра Сергеевича...

Атмосферу дружбы, сплоченности, творческого сотрудничества в коллективе, созданную А. С. Данилевским и сохраняющуюся по сей день, на кафедре называют «инерцией порядочности». Так думают те, кто продолжает научный и гражданский подвиг большого ученого. Сотрудники кафедры вспоминают, что дисциплину в коллективе А. С. Данилевский никогда не поддерживал окриком. Чувства страха перед профессором никто не испытывал — было уважение к нему. Обидеть же человека словом он просто не умел.

...А как он любил цветы! Он, например, собрал в лаборатории энтомологии коллекцию гладиолусов, насчитывающую несколько десятков сортов. А двор возле своего дома превратил в цветущий сад, посадив в нем цветы и растения редких пород, которые привозил из разных мест, даже с Дальнего Востока.

Образцовым двором-садом приходили любоваться не только люди из соседних домов тихой Дубуновской улицы, но и многие другие ленинградцы.

В ноябре 1965 года Исполком Ленсовета наградил А. С. Данилевского нагрудным знаком «За заботу о красоте города»...

Особое место в жизни А. С. Данилевского занимали дети. По воспоминаниям близко знавших его людей, к нему приходили ребяташки со всего двора, и для каждого находил он доброе слово. В любую минуту и в любой ситуации Александр Сергеевич был педагогом.

Александр Сергеевич Данилевский очень хорошо знал творчество Пушкина, многие произведения его читал наизусть.

По мысли праправнучки Пушкина Ирины Евгеньевны Гибшман (урожденной Клименко), «А. С. Данилевский никогда не кичился своим происхождением от Пушкина, но был одним из самых достойных его потомков».

ОТ ПОЛТАВЫ ДО БАЛТИКИ



Всю войну, с первого ее дня и до последнего, в одном строю с теми, кто мужественно, упорно ковал нелегкую победу над гитлеровским фашизмом, была и Марина Сергеевна Чалик (урожденная Данилевская) — праправнучка Пушкина.

...Ее детство прошло в Полтаве. Там же в начале 1930-х годов она работала санитаркой в Доме ребенка. Потом стала медицинской сестрой и одновременно училась в Полтавском медицинском институте.

Когда Марина Сергеевна была на третьем курсе, институт расформировали. Большинство студентов отправили для продолжения учебы в Винницу, а Данилевская уехала в Киев, где жила в те годы ее тетьа Мария Николаевна Быкова, педагог-воспитатель детского сада.

В столице Украины Марина Сергеевна и завершила медицинское образование — в 1939 году ей выдали дип-

лом врача-терапевта. В июне 1940-го она вышла замуж за Ивана Андреевича Чалика, тоже врача, вскоре получившего длительную командировку на Дальний Восток.

А через год застигнутые войной в разных концах страны супруги не успели даже обменяться полевыми адресами. И случилось так, что они не видели друг друга почти шесть лет.

Уже в самом начале войны Марина Сергеевна стала военным врачом.

В 1941 году она работала в госпитале, сформированном в Полтаве и переведенном затем в Исаково. Позднее заведовала отделением одного из эвакуогоспиталей на Калининском фронте.

С частями 1-го Прибалтийского фронта Марина Сергеевна дошла до Кенигсберга. Когда город был взят советскими войсками, эвакуогоспиталь, в котором служила М. С. Данилевская (фамилию мужа она приняла после войны), по приказу командования направили на Дальний Восток. Под Владивостоком Марина Сергеевна и ее коллеги развернули госпиталь, вскоре принявший раненых солдат и офицеров — участников боевых действий нашей армии против милитаристской Японии.

Глубокой осенью 1945 года госпиталь был закрыт, по дню капитана медицинской службы М. С. Данилевской военные дороги еще не кончились. Вместе с большой группой советских врачей Марину Сергеевну направили в Северную Корею, незадолго до того освобожденную от японских оккупантов, для ликвидации эпидемии холеры. В этой стране она провела полгода.

За мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны, М. С. Данилевская награждена орденом Красной Звезды и медалями «За победу над Германией» и «За победу над Японией».

Женщина живая, энергичная, решительная, Марина Сергеевна в годы суровых военных испытаний не щадила


ни сил своих, ни здоровья для спасения человеческих жизней, для того, чтобы раненые быстрее выздоравливали и возвращались в строй.

Вернувшись после демобилизации в родную Полтаву, М. С. Чалик еще более четверти века трудилась в медицинских учреждениях города. В послевоенные годы, окончив с отличием курсы переподготовки врачей, она получила специальность хирурга-окулиста и работала в Полтавской областной больнице. Ее муж И. А. Чалик был врачом железнодорожной больницы. По стопам родителей пошла дочь Татьяна — она тоже стала врачом.

И коллеги, и пациенты по праву считали доктора М. С. Чалик высококвалифицированным специалистом по глазным заболеваниям. В последние годы перед уходом на заслуженный отдых праправнучка Пушкина работала в районной (сельской) больнице Полтавы.

Марину Сергеевну Чалик, с честью выдержавшую испытание войной и трудом, уважает каждый, кого судьба хоть раз свела с этим самоотверженным человеком.

БРАТЯ КОЛОГРИВОВЫ



Детские годы братьев Кологривовых, праправнуков Пушкина, прошли в Бобруйске. Переехав в 1930-х годах вместе с матерью Софьей Павловной Вельяминовой в Москву, Александр и Олег не забыли дорогой их сердцу белорусский город, сохранили о нем добрую память. Они переписывались с живущими там друзьями, изредка, когда позволяли обстоятельства, приезжали на гостеприимные берега Березины.

Через много лет Александр Всеволодович Кологривов писал бобруйскому учителю и краеведу Т. Б. Ллюкумовичу:

«Я очень люблю Бобруйск — мой родной город. По его тогда еще не мощенным улицам я бегал босиком. Купался до одурения в Березине. Играл с ребятами в «красных» и «белых» в древней крепости, где почти все строения

представляли в то время руины: они были сожжены белополяками».

По-разному сложилась жизнь братьев Кологривовых, их творческая судьба.

Александр в середине 1930-х годов окончил коневодческий техникум в Воронеже. Олег учился в то время в Московском архитектурном техникуме. Затем оба брата поступили в столичные вузы: старший — на литературный факультет городского педагогического института, младший — в Институт прикладного и декоративного искусства. Александр успел закончить институт до Великой Отечественной войны, а Олег в 1941 году был лишь на третьем курсе. Он завершил свое образование уже в послевоенные годы.

Война разлучила братьев почти на четыре года. Фронтовые дороги вели их в одном направлении — от Москвы до Берлина.

Александр Всеволодович, окончив Муромское училище связи и получив звание сержанта, был направлен в 28-ю стрелковую бригаду Центрального фронта. Он участвовал в сражениях под Москвой, когда немцы стояли в восемнадцати километрах от столицы и обстреливали ее. Часть, в которой служил А. В. Кологривов, стойко держала оборону в районе Красной Поляны.

Потом военное лихолетье бросило старшего Кологривова на Смоленщину. В феврале 1942 года под Вязьмой он был ранен в ногу осколком мины. Четыре месяца пролежал в госпитале. Снова вернулся в строй, освобождал от оккупантов родную Белоруссию. Летом сорок третьего после тяжелого ранения он еще раз лежал в госпитале.

В апреле 1945 года Александру Всеволодовичу, в то время командиру взвода связи одной из стрелковых дивизий 2-го Белорусского фронта, довелось форсировать Одер. Под почти непрерывным обстрелом с неприятельской стороны младший лейтенант Кологривов перевозил

в лодке кабель: нужно было как можно быстрее установить связь между наступавшими частями и подразделениями.

Кругом оглушительно рвались снаряды и мины, тонко, пазойливо свистели пули. Крупный осколок снаряда лег у самых ног Александра Всеволодовича. Когда лодка благополучно достигла противоположного берега, он положил вражеский осколок в карман. Эта реликвия войны и сейчас находится в семье Кологривовых.

С января по август 1946 года А. В. Кологривов служил начальником связи 128-го мотоциклетного батальона 27-й гвардейской мотострелковой дивизии. Это была его последняя военная должность.

...Олег Кологривов летом 1941 года в составе специального студенческого отряда тушил пожары на крышах московских домов, на которые фашистские самолеты сбрасывали зажигательные бомбы. Затем добровольцем ушел на фронт. Служил в пехоте. Был пулеметчиком. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

В одном из сражений на Волховском фронте, на Сиявинских болотах, Олег Всеволодович получил тяжелое ранение — были прострелены легкие. Захлебываясь кровью, преодолевая мучительную боль, он с трудом добрался до санпункта...

Весной 1944 года О. В. Кологривов воевал на Псковщине, в окрестностях Михайловского — усадьбы его великого прапрадеда. Недалеко от Пушкинских Гор он снова был ранен.

Позднее праправнук поэта освобождал Прибалтику, сражался с гитлеровцами в Восточной Пруссии, а затем и на территории Германии. Уже после войны, в октябре 1945 года, Олег неожиданно встретил в районе Берлина старшего брата Александра. Они даже сфотографировались вдвоем на фоне какой-то мрачной стены. Этот снимок и теперь хранится у Олега Всеволодовича. С фото-

графии смотрят молодые, веселые лица, озаренные счастьем Победы.

Хорошо, храбро воевали братья Кологривовы. Свидетельство тому — ордена Красной Звезды и многочисленные медали, которыми наградила их Родина.

Закончив свой боевой путь, Александр и Олег Кологривовы вернулись к мирной жизни.

После войны А. В. Кологривов работал на Всесоюзном радио. Все, кто помнит его, говорят о нем как о чутком человеке, душевно расположенном к людям. В Александре Всеволодовиче, по словам близко знавшего его писателя Якова Александровича Хелемского, было «много сил и веселой энергии».

Человек высокой культуры, А. В. Кологривов общался со многими деятелями литературы и искусства. В августе 1968 года по заданию Всесоюзного радио Александр Всеволодович сопровождал в Ленинград детей Ф. И. Шаляпина — живущую в Москве Ирину Федоровну и приехавших из-за рубежа Лидию Федоровну и Бориса Федоровича.

Вместе с ними ездила в Ленинград и Надежда Алексеевна Пешкова, вдова сына А. М. Горького — Максима. Все Шаляпины поддерживают самые дружеские отношения с родственниками Горького, живущими в Москве.

А. В. Кологривов должен был подготовить радиопередачу, посвященную детям знаменитого русского певца. Но полностью задание не выполнил. Он успел лишь взять интервью у художника Бориса Федоровича Шаляпина (магнитофонная запись хранится в семье). 24 августа в Ленинграде он скоропостижно скончался от сердечного приступа.

У гроба праправнука Пушкина стояли его родные и близкие, друзья, товарищи по работе, дочери и сын Шаляпина, родственники Горького... Похоронили его в Москве, на Ваганьковском кладбище.

Для детей Александр Всеволодович Кологривов навсегда остался высшим образцом человека и гражданина, с которого хочется «делать жизнь». Сейчас Андрей Александрович Кологривов — научный сотрудник Физического института имени П. Н. Лебедева АН СССР, автор ряда печатных работ. Его сестра Оля заканчивает среднюю школу.

...Олег Всеволодович Кологривов, окончив после войны Институт прикладного и декоративного искусства, некоторое время работал художником на ВДНХ СССР. Потом перешел в Художественно-конструкторское бюро по технической эстетике. Его знания и профессиональный опыт, художественный вкус уже много лет способствуют тому, чтобы станки, машины, заводское оборудование отвечали современным эстетическим требованиям, чтобы они радовали взор рабочего, были не только высокопроизводительными, но и красивыми, удобными.

Нередко дают знать о себе фронтовые раны — от них не уйти, не скрыться. Но Олег Всеволодович любит жизнь, свою работу, искусство. Подрастает его младший сын Сева. А старший сын Александр, уже взрослый, живет в Воронеже.

ОН ЗАЩИЩАЛ МОСКВУ



омандиром приборного отделения зенитной батареи встретил войну праправнук Пушкина Сергей Евгеньевич Клименко. Он защищал от фашистских налетов небо Москвы, которую так преданно любил поэт:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Перед войной 864-й зенитно-артиллерийский полк, в котором служил Клименко, стоял лагерем в 120 километрах от столицы. Уже на второй день после начала войны полк расположил огневые позиции на московских площадях, стадионах и пустырях.

Штаб находился неподалеку от площади Пушкина в одном из самых высоких в ту пору зданий города.

А шестая батарея — в ней служил С. Е. Клименко — разместилась на площади Коммуны, рядом с театром Советской Армии. В одной из землянок, вырытых прямо в сквере, праправнук поэта вместе со своим расчетом, состоявшим из одиннадцати бойцов, провел почти два года...

В первом вражеском налете на Москву (это было через месяц после начала войны) участвовали сотни бомбардировщиков. Были сирены, грохотали орудия, звенели стекла.

Тревожная обстановка той июльской ночи 1941 года осталась в памяти С. Е. Клименко. Не забыть ему и пережитых тогда радостных мгновений: сбитые нашими зенитчиками немецкие «юнкерсы» падали на землю...

В октябре несколько батарей 864-го зенитно-артиллерийского полка вместе с другими частями отражали танковые атаки гитлеровцев на Ленинградском и Волоколамском шоссе, почти у стен Москвы.

Однажды в середине октября немецкие танки подошли так близко, что и на шестой батарее объявили боевую противотанковую тревогу. Расчеты зарядили орудия — единственный раз за всю войну — бронебойными снарядами. А прибористы, телефонисты, водители и разведчики, захватив противотанковые гранаты, заняли свои боевые места в окнах домов, в ячейках, вырытых по сторонам улиц. Танки, ненадолго появившиеся у самых окраин Москвы, были отброшены.

В память о подвигах зенитчиков 864-го полка на Волоколамском шоссе у станции Лобня, в том самом месте, где захлебнулись многочисленные танковые атаки врага, теперь стоит на каменном постаменте 85-миллиметровое зенитное орудие — одно из тех, которые били по немецким танкам, рвавшимся к Москве...

«Осенью 1941 года бывали ночи, — писал С. Е. Клименко три десятилетия спустя, — когда каждое из орудий батареи выпускало до 350 снарядов. Стволы раскалялись

докрасна. В то время докаторов еще не было, и, когда самолеты противника прятались за тучами, наши оружейные расчеты вели заградительный огонь. Мы же, прибористы, часто всю ночь носили снаряды, так как при отсутствии видимой цели не имели боевой работы. Четыре снаряда в кованом ящике — четыре пуда на спине...»

Вспоминая первую военную осень, когда советские воины — а среди них и он, потомок великого поэта, — защищали Москву, Сергей Евгеньевич признается, что в его памяти по сей день призывно, как набат, звучат возгласы командиров орудий: «Клименко! Снарядов!»

В семейном архиве праправнука Пушкина сохранились письма зенитчиц — боевых подруг, бок о бок с ним оборонявших столицу. По его словам, это были энергичные, веселые и дружные девушки, которые в 1942 году по призыву ЦК комсомола пришли на Московский фронт ПВО. Их письма очень дороги Сергею Евгеньевичу.

Читая эти пожелтевшие за три с половиной десятилетия странички, написанные в августе — сентябре 1943 года, через несколько месяцев после того, как двадцатичетырехлетнего сержанта Клименко направили на учебу в Оренбургское училище зенитной артиллерии, видишь, что зенитчицы очень ценили и уважали Сергея Евгеньевича прежде всего за его высокую человечность.

Фронтная дружба не знает фальши, ей чужды эгоизм и корысть. Люди, которых сдружили военные дороги, до седых волос сохраняют верность друг другу... Письма зенитчиц, словно мгновенные фотографии, запечатлели дружбу, родившуюся в годы военных испытаний.

Со многими однополчанами Сергей Евгеньевич до сих пор поддерживает связь. А с Любовью Павловной Добашевой, ныне директором 353-й московской школы имени А. С. Пушкина (построена к 100-летию со дня гибели поэта на месте дома, в котором он родился), его связывает большая дружба.

9 мая 1975 года, в день 30-летия Победы над фашистской Германией, в Москве, на месте расположения шестой батареи, С. Е. Клименко встретился с бывшими прибористками своего отделения. Радостной была эта встреча.

Сохранилось у праправнука Пушкина и еще одно письмо того же 1943 года. Автор его — младший сержант М. В. Лопунов. За два года до этого, в предвоенные месяцы, он был красноармейцем приборного отделения С. Е. Клименко.

«Я помню, — признается Лопунов, — как я плакал, когда занимались строевой... не нравилась дисциплина. Но я, товарищ командир, нисколько не обижаюсь на вас, когда вы меня учили, а я не хотел; спасибо вам за ваше от начала и до конца хорошее отношение к своему ученику, а теперь командиру».

Оренбургское училище Сергей Евгеньевич окончил в начале ноября 1944 года. Для него, теперь уже офицера, снова начались фронтовые будни...

В 1945 году, после победы над гитлеровской Германией, С. Е. Клименко поступил на японское отделение Военного института иностранных языков. В 1950-м, окончив институт, он получил направление на Дальний Восток, где и прослужил несколько лет военным переводчиком.

С февраля 1954 года и по сегодняшний день Сергей Евгеньевич непрерывно работает в Государственном комитете Совета Министров СССР по телевидению и радиовещанию. Почти все эти годы праправнук поэта трудится в отделе радиовещания на японском языке. Был последовательно литературным сотрудником по письмам, редактором, корреспондентом, старшим редактором. Теперь — заместитель заведующего отделом.

Жизнь никогда не баловала С. Е. Клименко. Детство и юность его были суровыми. Он рано лишился родите-

лей, несколько лет воспитывался в детских домах — сначала в Подмоскowie, затем в Москве. Там он прошел хорошую жизненную школу. Ребята почти полностью обслуживали себя. У них было большое хозяйство: молочная ферма, огороды, поля.

Сергею Клименко, как и другим подросткам, пришлось выполнять всякую крестьянскую работу — он пахал, косил, запрягал лошадей. Зимой был истопником... И все же те годы Сергей Евгеньевич вспоминает тепло, с благодарностью. «Мне повезло, — писал он. — У нас были замечательные воспитатели, умный и добрый заведующий и, самое главное, интересные ребята... До сих пор мы встречаемся».

Потом праправнук Пушкина учился на рабфаке в Москве...

Нежную любовь сохранил Сергей Евгеньевич к Белоруссии, к Бобруйску — городу детства. Во время войны С. Е. Клименко с тревогой за любимый край думал об оккупированной немцами белорусской земле. И теперь радуется всякой, даже случайной, встрече с земляками. Сергей Евгеньевич с интересом следит за переводами произведений Пушкина на белорусский язык.

С. Е. Клименко нередко присылают письма школьники из многих городов и сел страны. Просят рассказать о себе, о судьбах других пушкинских потомков, ждут совета, где найти материалы о Пушкине. И праправнук поэта пишет ребятам обстоятельные, серьезные письма-раздумья.

Он дружески рекомендует юным пушкинолюбам: «Лучший материал о Пушкине — это сам Пушкин, его стихи, его сказки... читайте их, учите наизусть, читайте письма Пушкина друзьям, жене, издателям... прочитав — размышляйте».

Советует не ограничиваться «поклонением Пушкину, а больше читать и учить стихов других поэтов».

Тонко чувствующий все прекрасное на земле, в том числе природу, С. Е. Клименко особенно любит места тихие, глухие. «Чтобы и вода была чистая, и зелень свежая, нетронутая, и тишина первозданная...»

Человек наблюдательный, с душой художника, Сергей Евгеньевич умеет увидеть в лесу причудливо изогнутую ветку дерева, невообразимой формы корень — материал для творчества. Его неистощимая фантазия и рабочие руки — руки мастера — превращают затем природное сырье в самобытные художественные изделия. Много свободных часов отдает этому увлечению праправнук поэта. В его квартире можно увидеть оригинальные человеческие фигурки, фигурки зверей и птиц, другие вещицы, свидетельствующие о том, как много дано человеку, если он умеет дружить с искусством.

Сергей Евгеньевич Клименко скоро отметит свое шестидесятилетие. Бывает, подкрадывается непрошеная усталость, и силы уже не прежние: позади большая и трудная жизнь. Но, как и много лет назад, он живет интересно, творчески, жадно впитывая в себя все новое, непознанное. Это и помогает ему оставаться душевно молодым человеком.

„НА ЗЕМЛЕ, В НЕБЕСАХ И НА МОРЕ...“



ронтовыми дорогами шли к победным майским залпам сорок пятого и другие потомки Пушкина.

Участниками войны были братья Сергей и Борис Пушкины, праправнуки поэта. Сергей служил в авиации — бортмехаником на самолете ИЛ-2. А Борис (его призвали в действующую армию осенью сорок третьего — на полгода позже, чем брата) в семнадцать лет стал моряком-зенитчиком Балтийского флота. Он командовал орудийным расчетом на тральщике, обезвреживал подводные фашистские мины, расчищая путь боевым кораблям.

После войны братья, вернувшись в Москву и получив высшее техническое образование (Сергей учился в индустриальном институте, Борис — в автомеханическом), стали инженерами.

В настоящее время Сергей Борисович — ученый хранитель Государственного эталона времени и частоты во Всесоюзном научно-исследовательском институте физико-технических и радиотехнических измерений. Борис Борисович заведует лабораторией на одном из крупных московских заводов.

* * *

Боевые награды, добытые в пелегких сражениях на Балтике, украсили грудь праправнука Пушкина Александра Ивановича Писнячевского. Ему шел двадцатый год, когда в июне сорок первого гитлеровцы вероломно напали на Советский Союз. По приказу Родины он встал в ряды ее героических защитников. Был рядовым краснофлотцем-подводником. Служил на канонерской лодке. Выполнял ответственные боевые задания.

Демобилизовавшись, Александр Иванович плавал на судах Эстонского пароходства. Занимал должность второго механика на пароходе «Палдиски». В 1946 году окончил Ленинградский морской техникум. Последние семнадцать лет А. И. Писнячевский жил и работал в городе Горьком. В мае 1974 года он скончался.

Со школьных лет Александр Иванович увлекался техникой, особенно электро- и радиотехникой, позднее — радиоэлектроникой. Работал в Горьковском университете инженером по контрольно-измерительным приборам и автоматике, позднее занимал должность начальника котельной.

Жена А. И. Писнячевского, Альдона Симоновна (урожденная Чепайтите), работает оператором в Горьковском автодорожном техникуме. В годы оккупации Литвы немецко-фашистскими захватчиками была подпольщицей. Ее отца, руководителя группы литовских подпольщиков, гитлеровцы зверски убили.

Георгия Владимировича Воронцова-Вельяминова, прапраправнука Пушкина, война застала в Казахстане — там он жил вместе с матерью Натальей Евгеньевной Воронцовой-Вельяминовой (урожденной Клименко) и сестрой Верой.

В июне сорок первого Георгию было четырнадцать лет. А когда исполнилось семнадцать, он ушел воевать прямо со школьной скамьи, из девятого класса.

Весной 1945 года рядовой боец-автоматчик Г. В. Воронцов¹ в составе войск 3-го Украинского фронта участвовал в освобождении Польши, Венгрии, Чехословакии и Австрии. Дивизия, в которой он служил, незадолго до окончания войны встретилась в Линце (Австрия) с американскими войсками...

Вскоре после Победы дивизию отправили на Восток, где японцы продолжали свои агрессивные действия против Советского Союза и других стран. Но воевать там бойцам дивизии не пришлось: в пути, где-то недалеко от Канска, стало известно, что 2 сентября Япония также капитулировала.

Свою армейскую службу Г. В. Воронцов закончил в Иркутске. После демобилизации он остался там работать. Георгий Владимирович и его семья и теперь живут в Иркутске. В 1976 году он работал экспедитором на базе «Роскультиторга», а его жена — в столовой курорта «Ангара». Старшая дочь Галина — мастер на заводе железобетонных конструкций, сын Владимир весной 1975 года призван в Советскую Армию, младшая дочь Вера в 1976 году закончила десятый класс.

¹ В годы войны солдату было удобнее именоваться кратко. После войны Георгий Владимирович официально, в паспорте, закрепил эту «усеченную» фамилию, которую дал и детям.

Двое зарубежных праправнуков Пушкина тоже сражались против гитлеровских войск. Один из них, Александр Уэрнер, служил летчиком в английской авиации. В 1943 году он погиб в воздушном бою. Ему шел двадцать пятый год...

А ныне здравствующий Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов воевал в рядах французского Сопротивления. Под Дюнкерком ранен в кисть правой руки.

После второй мировой войны Г. М. Воронцов-Вельяминов возвратился в Париж, где он и его жена Тамара Васильевна (урожденная Дерюгина) живут и в настоящее время. Георгий Михайлович — инженер-строитель, специалист по предварительно напряженному бетону. Пишет статьи, участвует в международных конгрессах специалистов этого профиля.

В семье Г. М. Воронцова-Вельяминова свято поддерживаются русские традиции, бережно сохраняется память о Пушкине. Праправнук поэта горячо любит современную Россию, ценит русскую культуру, русскую старину. За последние двадцать лет он неоднократно приезжал в Советский Союз. И каждый раз посещал места, где жил и творил его прославленный предок, знакомился с мемориальными учреждениями нашей страны, посвященными Пушкину.

У французского потомка Пушкина две взрослые дочери. Старшая, Анна Георгиевна, в девятнадцать лет блестяще закончила Сорбоннский университет в Париже, через два года заняла первое место в конкурсе по набору университетских преподавателей русского языка. Но во Франции ей работать не пришлось. Выйдя замуж за итальянца, она поселилась во Флоренции. Чтобы получить итальянский диплом, Анне Георгиевне пришлось сдать несколько экзаменов и написать исследовательскую

работу по-итальянски. Теперь она преподает во Флорентийском университете, где ее муж, Александр Иоаннович Тури, является сотрудником кафедры геологии. Кроме того, А. Г. Воронцова-Вельяминова (Тури) работает переводчицей на различных конгрессах. Специалист по русской филологии, она в совершенстве владеет русским языком, глубоко знает историю страны своего знаменитого предка, классическую русскую литературу, выдающиеся произведения советских писателей.

Младшая дочь Г. М. Воронцова-Вельяминова, Надежда Георгиевна, — юрист по образованию. Она живет в Париже. Замужем за Николаем Андреевичем Бэрром.

* * *


Ратные заслуги двенадцати потомков Пушкина, в лихую годину несших боевую вахту на земле, в небе и на море, стали частицей грандиозного подвига народов в войне, которая в мае 1945 года завершилась великой Победой.

**ВСТРЕЧИ
НА ПУШКИНСКОЙ
ТРОПЕ**





ПОЛТАВСКИЕ ПОТОМКИ ПОЭТА



Полтавщина стала родиной десяти правнуков А. С. Пушкина. Большая семья Марии Александровны и Николая Владимировича Быковых положила начало широко разветвившейся линии пушкинского рода, насчитывающей более пятидесяти человек (включая умерших). Таким образом, каждый четвертый потомок А. С. Пушкина одновременно является родственником Гоголя. Семеро из них и сейчас постоянно живут в Полтаве.

Рассказывая о полтавских правнуках поэта, прежде всего необходимо отметить необычайную музыкальную одаренность большинства из них.

В семье Быковых дети уже в раннем возрасте приобщались к музыкальной культуре. Их обучали игре на фортепьяно. Им прививали любовь к классической музыке, народному песенному творчеству и исполнительскому

искусству. В доме Быковых постоянно звучали мелодии отечественных и зарубежных композиторов, русские и украинские песни.

Музыка в семье Марии Александровны и Николая Владимировича была духовной потребностью, одной из самых сильных фамильных привязанностей.

— Моя сестра Анна, — вспоминала Татьяна Николаевна Галина (урожденная Быкова), — в детстве и юности выделялась пезаурядными музыкальными способностями. Дарование сестры заметили профессора Киевской консерватории, и ее приняли учиться по классу рояля — вне конкурса. Лучшие педагоги прочили ей блестящую музыкальную будущность. Восторженно отзывался о таланте Анны Николаевны главный дирижер Полтавского оперного театра Александр Гаврилович Ерофеев, впоследствии заслуженный деятель искусств, дававший ей одно время уроки теории музыки.

К сожалению, оказавшись в эмиграции (до недавнего времени Анна Николаевна жила в Касабланке, теперь она проживает в Париже; ее муж граф Н. Е. Апраксин умер в 1969 году), правнучка Пушкина погубила свой яркий, самобытный талант...

До пятидесятилетнего возраста была профессиональной певицей другая сестра Татьяна Николаевна — Наталья, живущая ныне под Парижем. Она обладала чудесным контральто. Долгие годы правнучка Пушкина провела в Югославии. За блестящую концертную деятельность правительство этой страны наградило ее орденом.

Даже после второй мировой войны, переехав во Францию к сестре Елизавете Николаевне Савицкой, Наталья Николаевна несколько лет с неизменным успехом солировала в хоре.

Наследственную привязанность к музыке и пению сохранила и Софья Николаевна Данилевская, старшая из ныне здравствующих сестер Быковых. В молодые годы

у нее было удивительной чистоты и звучности лирико-драматическое сопрано.

...Зимой 1904 года семнадцатилетняя Софья Быкова окончила Полтавский жепский институт. Осенью того же года она выдержала большой конкурс — сорок человек на одно место — в Московской консерватории, где хотела учиться по классу пения. Но семейные обстоятельства сложились так, что учиться она не смогла и вернулась в Полтаву. Там вскоре поступила в частное музыкальное училище. Незадолго до его окончания Софья Николаевна вышла замуж за Сергея Дмитриевича Данилевского.

В начале 1920-х годов она стала опытной профессиональной певицей, была членом Союза работников искусств, выступала в концертах, которые давались в различных учреждениях.

С. Н. Данилевская и ее сестры Елизавета и Татьяна солировали в концертах хора Политпросвета Красной Армии на Украине, которым управлял молодой дирижер Александр Васильевич Свешников, впоследствии художественный руководитель и дирижер прославленного Государственного академического русского хора Союза ССР, народный артист СССР, директор Московской консерватории. В те годы Свешников не раз говорил, что Софья Николаевна могла бы петь с большим успехом в столичной опере.

Однажды Данилевская выступала в хоре в присутствии выдающейся немецкой коммунистки Клары Цеткин, приезжавшей в Полтаву. Об этом вечере Софья Николаевна даже через пятьдесят лет вспоминала с волнением.

В 1923 году С. Н. Данилевская из-за болезни горла вынуждена была покинуть хор Свешникова. Но с пением она никогда не расставалась и сохранила красивый, сильный голос до глубокой старости.

В начале 20-х годов, еще до ухода из хора Свешникова, Софья Николаевна участвовала в организации первых

в Полтаве детских яслей, затем работала в них старшим педагогом, одновременно была и музыкальным руководителем.

У нее уже был опыт работы с детьми. Еще летом 1904 года, занимая скромную должность статистика в Полтавском губернском земстве, Софья Николаевна по договоренности со своим начальством уехала в Яновщину, чтобы устроить там ясли для крестьянских детей. Ясли были примитивные и действовали лишь два месяца в году, во время тяжелых летних работ. Но в них собиралось до тридцати — сорока ребят. Софья Николаевна была в яслях и прачкой, и няней. А дома еще шила одежду для детей бедных крестьянок. И за все это она не получала никакого вознаграждения. Отец, Н. В. Быков, отпускал для яслей муку, крупу, другие продукты. И тоже безвозмездно. К воспитанию малышей Софья Николаевна всегда относилась творчески, вдохновенно.

В советское время труд С. Н. Данилевской много раз отмечался премиями не только местного, но и республиканского значения. Как одна из организаторов первых яслей на Полтавщине, вскоре ставших образцовыми, Софья Николаевна была послана делегатом на проходивший в Харькове республиканский съезд работников дошкольных детских учреждений, посвященный 15-летию Общества охраны материнства и детства.

Годы работы с детьми правнучка Пушкина считает самыми счастливыми в своей жизни. В яслях она не раз проводила показательные занятия, на которых присутствовали воспитатели детских яслей Полтавы (в 1930-х годах их в городе было уже не менее пятнадцати).

Софья Николаевна сама сочиняла для детей стихи и шуточные песни. Чтобы каждый прожитый в яслях день для ребенка был по-своему значительным, памятным, она придумывала увлекательные игры. При этом нередко обращалась за помощью к сыну Саше. По просьбе матери

он делал рисунки к словам песен, которые исполнялись в яслях.

В начале Великой Отечественной войны детские ясли, в которых работала С. Н. Данилевская, были эвакуированы. Сама же Софья Николаевна осталась в Полтаве с большой семьей. Накануне войны к ней приехала жена сына Галина Григорьевна Шельдешова. 22 июня она родила сына Сережу. С Софьей Николаевной жили и ее дочери — Наталья с двумя детьми, шестилетним Колей и четырехлетней Лидой, и Ирина с мужем Антоном Никитичем Кононенко, большим туберкулезом, и падчерицей Галей.

Вскоре начались бомбежки. Один раз рядом с домом С. Н. Данилевской упало сразу четыре бомбы. Взрывной волной швырнуло в соседний двор крыльцо. Упал, как подкошенный, огромный старый ясень... Между потолком и стеной дома, выходявшей на улицу, образовалась огромная щель. Выбило все окна — их потом пришлось заложить обломками железа.

— Во время воздушных налетов, — вспоминала много лет спустя С. Н. Данилевская, — мы прятались в вырытой неподалеку траншее, хотя и очень тяжело было таскать туда детей: Или, уложив ребят спать в коридоре, на диванах, мы, взрослые, сидели возле них всю ночь...

Неподалеку от дома Данилевских стояло здание детского дома. Его питомцы были эвакуированы, и в опустевшем здании нашли приют двадцать восемь беспризорных детей: их родители погибли от бомбежек. Заботу об этих детях добровольно взяла на себя Софья Николаевна. Помогали ей две пожилые жепщины — бухгалтер и сестра-хозяйка детского дома, оставшиеся в Полтаве.

А потом в город ворвались фашисты. Софья Николаевна в период оккупации вела себя героически. Благодаря ее заботам продолжал функционировать — уже на нелегальном положении — советский детский дом. Каждого из

двадцати восьми детей — а среди них были и больные, и сильно истощенные — надо было накормить, одеть, обуть. Несмотря на невероятные трудности, порой рискуя жизнью, Софья Николаевна уберегла, выходила почти всех.

...В первый же день освобождения Полтавы в доме Данилевских остановилась на кратковременный отдых группа военных. Повар приготовил обед. Стали угощать и хозяев. Для них, нередко голодавших во время оккупации, «рисовый суп с крепким мясным наваром и такое же вкусное мясное блюдо на второе» стали настоящим пиром. После ужина С. Н. Данилевская села за рояль, ее окружили солдаты и все домашние. Они пели хором военные песни. И все чувствовали себя счастливыми.

...В годы войны у полтавских потомков Пушкина и родственников Гоголя хранилось очень немного из вещей, связанных с памятью двух великих писателей, — основные реликвии, как уже говорилось, еще в 1920—1930-х годах перешли в государственные хранилища.

В конце сентября 1943 года, когда Советская Армия освободила Полтаву, Софья Николаевна вручила одному всенному журналисту (фамилии его теперь не помнит) дорожке для нее бумаги — страницы дневника своей бабушки Елизаветы Васильевны Гоголь (Быковой), рассказывающие о смерти ее мужа В. И. Быкова. Этот дневник сестры писателя журналист передал по просьбе правнучки Пушкина в один из киевских архивов¹.

Остались у С. Н. Данилевской два редких альбома. Они и сейчас у нее. Автор одного из них, «Гоголь на родине», — известный полтавский фотограф дореволюционной поры И. Х. Хмелевский. Издан альбом в 1902 году,

¹ Авторская копия дневника Е. В. Гоголь (Быковой) находится у Людмилы Владимировны Савельевой, прапраправнучки А. С. Пушкина, живущей в Петрозаводске.

к 50-летию со дня смерти Гоголя. В нем на страницах большого формата виды Диканьки, Миргорода, Полтавы, Яновщины. Иллюстрации Гоголя к собственным произведениям. Фотография Преображенской церкви в Сорочинцах, в архиве которой составитель альбома напел метрическую книгу за 1809 год, а в ней запись: «20-го марта у помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен 22-го марта...»

Один экземпляр этого, теперь уникального, издания Николай Владимирович Быков подарил своему другу Владимиру Алексеевичу Гиляровскому. Дочь последнего, Надежда Владимировна, в знак благодарности преподнесла Н. В. Быкову альбом «Дума за думой», в котором собраны стихи и автографы известных поэтов-современников.

...В дошкольных детских учреждениях Софья Николаевна работала до 1956 года, потом ушла на пенсию. Она и сейчас, несмотря на свой преклонный возраст, такая же деятельная, энергичная, какой была всю жизнь. Для забот о себе у нее всегда не хватало времени. Она и детей своих воспитала настоящими советскими гражданами.

О детях Софьи Николаевны А. С. Данилевском и М. С. Чалик уже рассказывалось в предыдущем разделе книги. Интересны судьбы и остальных детей С. Н. Данилевской.

Мария Сергеевна, самая старшая, окончила биологический факультет Полтавского педагогического института. Уехала на работу в Туркмению. Неоднократно участвовала в геоботанических экспедициях, исследуя флору Копет-Дага и других районов Средней Азии.

Затем длительное время жила в селе Казаровичи Киевской области, где была геоботаником луговой опытной станции. Позднее, когда ее научные интересы окончательно определились, М. С. Данилевская переехала в Житомирскую область. В городе Коростене она работала на

государственной областной сельскохозяйственной опытной станции. Там ее наградили медалью «За трудовую доблесть».

Занимаясь проблемами современного луговодства, проводя многочисленные эксперименты и обобщая их результаты, Мария Сергеевна внесла достойный вклад в современную биологическую науку. В 1971 году она защитила кандидатскую диссертацию «Улучшение пойменных лугов житомирского Полесья Украинской ССР». Ее исследования имеют и большое практическое значение. Осуществление ее предложений резко повышает урожайность природных кормовых угодий.

Несколько лет назад Мария Сергеевна, выйдя на пенсию, переехала в Полтаву, к матери.

Вторая дочь С. Н. Данилевской — Ирина Сергеевна — с детства отличалась необыкновенно развитым чувством долга. С десяти лет (после смерти отца) она была первой помощницей матери в домашних делах, младшие слушались ее беспрекословно.

В 1928 году, после окончания семи классов, Ирина Данилевская поступила в землеустроительную профшколу, где курс обучения длился четыре года. В 1931-м она начала работать и помогать семье. После войны Ирину Сергеевну направили в Дрогобычскую область. Отличный землеустроитель и прекрасный чертежник, она пользовалась большим авторитетом и была избрана депутатом городского Совета.

Муж Ирины Сергеевны, Антон Никитич Кононенко, также землеустроитель, умер в 1943 году.

Последние девять лет И. С. Данилевская жила в Полтаве, работала землеустроителем при горсовете. 15 июля 1970 года Ирина Сергеевна скоропостижно скончалась.

Наталья Сергеевна Данилевская унаследовала от матери хороший голос. Более двух лет она пела в хоре Полтавского оперного театра. Затем окончила керамический

техникум, где училась по ускоренной программе. Благодаря хорошим способностям она легко прошла учебный курс, рассчитанный на год, за шесть месяцев. Девятнадцать лет уехала в Донбасс, там работала лаборантом. Через два года, в 1933-м, вышла замуж за Владимира Акимовича Савельева, которого в свое время В. В. Маяковский считал одним из способнейших своих учеников (в молодые годы В. А. Савельев писал стихи, учился на Высших литературных курсах в Москве).

Позднее Владимир Акимович защитил кандидатскую диссертацию по языку произведений В. Г. Короленко¹. В течение многих лет он заведовал кафедрой русского языка в Полтавском педагогическом институте. Был участником Великой Отечественной войны. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги» и «За освобождение Праги». Умер В. А. Савельев в мае 1968 года.

Наталья Сергеевна, закончив в самом начале войны двухгодичные курсы французского языка, получила квалификацию преподавателя этого языка. После освобождения Полтавы она восемнадцать лет работала в одной из школ города. В 1961 году ей назначили пенсию по состоянию здоровья.

У нее двое детей — сын и дочь.

Лидия Владимировна — лингвист по призванию. Она закончила филологический факультет, а затем аспирантуру Ленинградского государственного университета. В 1964 году защитила кандидатскую диссертацию по синтаксису древнерусских памятников письменности.

Работает Л. В. Савельева в Петрозаводском педагогическом институте. Доцент. Историк русского языка. Чита-

¹ Софья Владимировна Короленко, дочь писателя, в 1920-х годах поддерживала самые дружеские отношения с С. Н. Данилевской, всячески помогала ее семье.

ет курс старославянского языка, исторической грамматики русского. Ведет спецкурс сравнительной исторической грамматики восточнославянских языков. Ее муж, Замир Курбанович Тарланов,— доктор филологических наук, профессор Петрозаводского университета. У супругов растет сын Евгений, 1964 года рождения. Учится мальчик отлично.

Сын Натальи Сергеевны, Николай Владимирович Савельев, окончил Полтавский инженерно-строительный институт. В настоящее время он начальник архитектурно-строительного отдела в филиале института «Укрколхозпроект». Хорошо рисует. Увлекается живописью, архитектурой. Жена Н. В. Савельева, Зинаида Кузьминична,— экономист.

У них двое сыновей. Володя в 1975 году поступил на лечебный факультет стоматологического института. Алеша сейчас заканчивает среднюю школу. О нем хочется рассказать особо.

Познакомился я с Алешей в августе 1972 года. Мальчику шел тогда одиннадцатый год. С первой встречи он покорила меня безудержной воспитанностью, умением непринужденно разговаривать со взрослым человеком. Алеша познакомил меня со своими коллекциями, показал интересные семейные альбомы, комментируя каждый снимок. В его глазах так и светились добродушие, доверчивость и любопытство. В продолжение целой недели он был моим гидом по Полтаве. Мы гуляли по городу, побывали во многих памятных местах.

Незабываемое впечатление произвело посещение окраины города, где в 1709 году произошло знаменитое Полтавское сражение. На обширном, слегка всхолмленном поле кое-где сохранились остатки старинных русских редутов — памятники ратных подвигов предков, одержавших славную победу над войском шведского короля Карла XII.

В какой бы музей мы ни пришли, Алешу тотчас узнавали посетители залов и экскурсоводы: «Проходи, Алеша, показывай наш музей гостю». Звонкий голосок моего десятилетнего экскурсовода не умолкал ни на минуту. Говорил Алеша толково, живописно. Для своего возраста он знал очень много. Рассказывал об истории Полтавы и Украины, о Котляревском, Панасе Мирном и Шевченко, о Короленко и Макаренко. И, конечно же, о своих родственниках — Пушкине и Гоголе, которыми гордится с малых лет.

Алеша учится в 10-й полтавской школе имени В. Г. Короленко. Первым директором ее был А. С. Макаренко. Иногда учителя просят Алешу рассказать ребятам о пушкинской родословной, показать фотографии потомков поэта. Слушают его всегда с интересом.

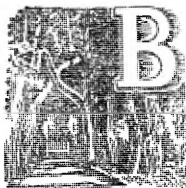
Долгое время мальчик собирал на полтавских чердаках старинные вещи, вел каталог их. Потом занялся составлением картотеки «Друзья Пушкина». И к этому новому для себя делу он отнесся особенно серьезно, с увлечением.

Позднее, в мае 1973 года, Софья Николаевна Дапилевская писала мне о своем любимом правнуке: «Алеша занимается в нескольких кружках, в том числе химическом, и проводит многие часы в подвале, где делает опыты, изучая физику и химию седьмого класса, хотя учится в пятом».

Эту разносторонность интересов, увлеченность живыми полезными делами Алеша сохранил и в старших классах. Он по-прежнему много и серьезно читает, занимается в кружках, углубляя знания, полученные на школьных уроках.

Таков юный Алеша Савельев — потомок Пушкина, родственник Гоголя. А биография его только начинается.

В СЕМЬЕ ГАЛИНЫХ



Впервые с Татьяной Николаевной Галиной я познакомился в сентябре 1968 года. К ней мы приехали вместе с Александрой Михайловной Сперанской — москвичкой, врачом, большой почитательницей Пушкина. Мы медленно листали семейный альбом Галиных, все больше «вживаясь» в историю пушкинского рода. Рядом сидела Татьяна Николаевна. Ее рассказы о сыне поэта Александре Александровиче Пушкине были особенно интересны, потому что она хорошо знала своего деда. В последние два года его жизни Татьяна Николаевна, учившаяся в то время в московском Екатерининском женском институте и там же жившая, каждую неделю проводила у него выходные дни.

Закончила институт она в 1914 году и с осени 1915 года стала работать преподавательницей французского языка в Полтавской гимназии. Этому языку она

продолжала обучать детей и в советское время. Наряду со своей основной работой правнучка Пушкина в течение ряда лет пела. Сначала в хоре Политпросвета Красной Армии, а с 1923 года в ансамбле Полтавской оперы.

— Благодаря тете Тане,— рассказывала мне ее племянница Наталья Сергеевна Савельева,— я знаю множество опер. У нее был хороший, красивый альт. Хотя в театре тетя Таня не солировала, а была хористкой, она знала массу арий и превосходно исполняла их дома.

Татьяна Николаевна выступала в «Евгении Онегине», «Пиковой даме», «Русалке», «Князе Игоре», «Иване Сусанине», во многих других оперных спектаклях.

— Часто старшие,— продолжала Н. С. Савельева,— брали меня в оперу или на концерт хора Свешникова, где тетя Таня и мама, Софья Николаевна, иногда пели дуэтом. Для меня это было большой радостью...

В Полтаве Т. Н. Быкова познакомилась с Александром Владимировичем Галиным, студентом технического вуза, и в 1926 году вышла за него замуж.

В конце 1928 года Татьяна Николаевна оставила оперную сцену: к тому времени ее муж окончил институт и был направлен в Ростов-на-Дону. На «Ростсельмаше», гиганте первой пятилетки, он работал инженером-конструктором. Через несколько лет А. В. Галин получил новое назначение — на один из московских заводов. В 1953 году он умер.

Уже давно правнучка Пушкина получает персональную пенсию республиканского значения. Теперь она по просьбе известного советского пушкиниста Т. Г. Цявловской собирает и систематизирует основные биографические сведения о младших поколениях потомков Пушкина, живущих и в нашей стране, и за рубежом.

...Имена, даты, должности, титулы потомков поэта. Перемещения по службе. Годы вступления в брак. Фамилии супругов и детей. Названия стран и континентов, где

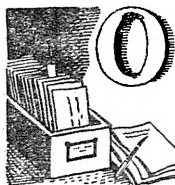
жили или живут потомки Пушкина, — СССР, США и Англия, Марокко и Франция, ФРГ и Бельгия, Швейцария и Аргентина, Италия и Гавайские острова... Обо всем этом рассказывают скрупулезные записи, составленные Татьяной Николаевной. Некоторыми вопросами пушкиноведения занимается много лет и ее сын — Георгий Александрович. Он окончил исторический факультет Московского университета и аспирантуру Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Работает в научно-исследовательском институте культуры и изучает журналистскую деятельность своего прапрадеда А. С. Пушкина. Библиографические статьи Г. А. Галина нередко печатаются в журналах.

В 1969 году мать и сын Галины опубликовали в альманахе «Литература и ты» небольшой очерк «Судьба потомков», в котором привели любопытные данные о многочисленных потомках Пушкина.

Галиных приглашают на юбилейные пушкинские торжества в Москве, Ленинграде, Михайловском... Им пишут педагоги, школьники и студенты из Волгограда, Тулы, Пскова и многих других городов. Приходят письма даже из Болгарии, которую в годы русско-турецкой войны (1877—1878) освобождали и дедушка Т. Н. Галиной Александр Александрович Пушкин, и ее отец Николай Владимирович Быков.

В сентябре 1972 года Татьяна Николаевна и Георгий Александрович по приглашению доцента Болгарской Академии художеств скульптора Драгана Лозенски и его жены, родственников Т. Н. Галиной по мужу, были гостями двух болгарских городов — Софии и Варны. Они выступали в школах и детских садах, носящих имя А. С. Пушкина. Везде их встречали тепло и радушно, всюду они чувствовали горячую любовь к великому русскому поэту.

„ПРАВОМ Я ДАЛЕКО НЕ КРОТКАЯ“



Однажды, приехав в Москву, я позвонил Софье Павловне Вельяминовой. Договорились встретиться на следующий день...

И вот я в ее квартире. Скромная мебель. На стене, над кроватью Софьи Павловны, — портрет матери, Натальи Александровны Воронцовой-Вельяминовой. Пушкину она приходилась внучкой. Рядом с этим портретом — еще один, поменьше. Это сама Софья Павловна в молодости. В простенке между окнами — большая фотография ее внука Севы, который, сидя на корточках, рассматривает легковой автомобиль.

— Хотите послушать стихи Александра Сергеевича в моем исполнении? — неожиданно спрашивает правнучка Пушкина уже в первые минуты нашей беседы. И, услышав мое торопливое «Конечно, конечно!», С. П. Вельяминова на глазах преобразается: вся ее фигура стано-

вится напряженной, собранной, строгой, а лицо — необычайно живым, одухотворенным.

Стихи прадеда Софья Павловна читает торжественно-празднично, вдохновенно. Даже не верится, что этот звучный страстный голос принадлежит человеку, истерзанному многолетними недугами и житейскими невзгодами. Зато вижу, чувствую, что сидящая на диване женщина своим темпераментом, своей горячей кровью — плоть от плоти Пушкина.

Кляпу коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвьи почей.
Кляпу речей любовный шепот,
Стихов таинственный папав,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

Эти строфы из лирического стихотворения Пушкина, написанного в 1830 году и обращенного к невесте, Наталье Николаевне Гончаровой, Софья Павловна прочитала дважды — с нарастающим душевным подъемом.

Но с особым удовлетворением она продекламировала стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны», созданное Пушкиным в 1836 году. По словам Софьи Павловны, поэт очень любил это свое стихотворное переложение молитвы Ефрема Сирина.

Потом С. П. Вельяминова читала стихи Лермонтова «Парус» и «Выхожу один я на дорогу».

Стихи двух великих поэтов, с такой подкупающей искренностью прочитанные Софьей Павловной, как-то необычайно быстро сблизили нас. И через полчаса уже казалось, что мы давно-давно знаем друг друга и только очень долго не виделись.

Я о многом расспрашивал С. П. Вельяминову: хотелось как можно больше узнать о детях и внуках поэта,

о ней самой, о том, как потомки Пушкина хранят семейные предания об Александре Сергеевиче. И она увлекательно рассказывала о судьбах многих родственников поэта.

Интересны были также воспоминания Софьи Павловны о Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, Е. П. Пешковой, семье В. Р. Менжинского, ее отзывы о произведениях Романа Роллана, Александра Блока, Мариэтты Шагинян, Гафура Гуляма...

Она вспоминает строки Г. Гуляма:

Я не уйду в безмолвие, пока
Для этих плеч еще осталась ноша.
И — рядовой бессмертного полка —
Я буду жив, покуда буду нужен...

Эти строки прозвучали так, будто правнучка Пушкина говорила о себе.

Ни прожитые восемь с половиной десятилетий, ни всякого рода испытания — а судьба с лихвой «наградилась» ими Софью Павловну, — ни давно разрушенное здоровье (она стала инвалидом второй группы еще до переезда в Москву, работая медицинской сестрой¹ в Бобруйском доме грудного ребенка) — ничто не ослабило в этой мужественной, сильной духом женщине активного интереса ко всем важным событиям в нашей стране и за ее пределами, стремления быть полезной обществу.

Софью Павловну всегда волновали проблемы нравственного воспитания молодежи. Немало ценных советов высказывала она — педагог, историк по образованию — по различным вопросам воспитания подрастающего поколения, по улучшению условий труда и быта советских

¹ Медицинской сестрой С. П. Вельяминова была и во время русско-японской (1904—1905), и в годы первой мировой войны (1914—1918).

женщин. К ее предложениям в свое время внимательно относились Н. К. Крупская и А. С. Макаренко.

...Прошло несколько часов, пока вернулись с работы сын С. П. Вельяминовой Олег Всеволодович Кологривов, художник-конструктор, и его жена Людмила Алексеевна. Еще раньше прибежал с прогулки пятилетний внук Сева — он торопливо делился с бабушкой новостями:

— А там, на улице, бульдозер старый дом ломает...

Разговор стал общим. Олег Всеволодович принес из книжного шкафа несколько папок с семейными фотографиями. Среди них были и снимки его скульптурных работ и эскизов.

Показал и Сева свои рисунки. В одном из них — «Неведомая сила сидит на дубе» — мальчик попытался выразить свои впечатления от тех строф поэмы «Руслан и Людмила», где «лес и дол видений полны». Воспитание внука поэзией Пушкина Софья Павловна вела не только любовно, но и умело, с большим педагогическим тактом.

...Когда через несколько дней я снова посетил правнучку Пушкина, она, сидя в жестком кресле у кровати, просматривала утреннюю почту — газеты, журналы, письма. В руках у нее была полученная из Мичуринска от внучатой племянницы Галины Северьяновны Усовой книжка Н. Гордеева и В. Пешкова «Тамбовская тропинка к Пушкину», изданная в Воронеже в 1969 году.

— А «Тропинка», видно, интересная, — сказала Софья Павловна. — Хотя я еще только бегло просмотрела книжку, вижу: в ней много новых сведений о друзьях и знакомых Пушкина, живших на Тамбовщине. Приводятся любопытные факты из жизни детей и внуков Александра Сергеевича. К сожалению, в книжке есть и досадные неточности...

В этот день Софья Павловна много рассказывала о своих зарубежных племянниках Георгии Михайловиче и

Владимире Михайловиче Воронцовых-Вельяминовых и их детях. Говорила и о нелегкой, но счастливой судьбе Александра Сергеевича Данилевского.

* * *

В 1971 году я еще раз навещал С. П. Вельяминову. Эта встреча оказалась последней. 6 июня 1974 года — в день, когда весь мир торжественно отмечал 175-летие со дня рождения А. С. Пушкина, — правнучки поэта не стало. Через несколько месяцев ей исполнилось бы 90 лет.

На протяжении всего знакомства не прекращалась наша переписка. Никто из потомков Пушкина не писал мне так часто, как Софья Павловна. И никто из них, за исключением, может быть, Т. Н. Галипой, не знал о своей родословной столько, сколько знала она.

Сейчас 113 ее писем-воспоминаний, писем-документов находятся в Рукописном отделе Пушкинского дома. Будущий исследователь-пушкинист найдет в них, как и в переписке других потомков поэта, немало драгоценных мыслей о Пушкине, о его творческой биографии.

У С. П. Вельяминовой было, например, свое, весьма отличное от традиционного, понимание причин сложных взаимоотношений А. С. Пушкина и М. С. Воронцова. Своеобразно оценивала она поведение главных участников преддублиной драмы поэта, сложные перипетии явной и тайной борьбы против Пушкина, завершившейся кровавой расправой.

Благоговейно-почтительное, истинно родственное отношение к памяти великого предка составляло нравственную основу всего семейного уклада Вельяминовой. Несмотря на почтенный возраст, она хорошо помнила хронику пушкинского рода, семейные (опять-таки пушкинские!) предания, воспоминания, рассказы...

В беседе со мной С. П. Вельямнова не раз приводила любимые пословицы и присловья Пушкина. Особенно нравилось ей пушкинское: «Ты бы то же слово, да не так бы молвил». Это и другие крылатые изречения поэта для Софьи Павловны были исполнены глубокого смысла и значения. Правнучка Пушкина не только знала на память десятки его стихотворений, но и обнаруживала незаурядную осведомленность во всем творчестве поэта.

Свою мысль о том, что Пушкин всегда был чужд зависти и корысти, Софья Павловна тонко, впечатляюще иллюстрировала «Сказкой о рыбаке и рыбке». Она считала, что, читая детям эту сказку на уроке, учитель литературы должен при характеристике образа старухи не только показывать «алчность, жадность и злобность, а иногда и свирепость таких людей», но и всячески подчеркивать, что нельзя подобно старику в сказке пассивно «потворствовать злу и покорно все сносить, а падо отстаивать с достоинством свою точку зрения».

Сама Софья Павловна всю жизнь активно выступала против любой несправедливости и не зря говорила о себе: «Нравом я далеко не кроткая».

Софье Павловне особенно дороги и близки были поэтические строки Пушкина, адресованные Наталье Николаевне. Из других произведений прадеда она выделяла стихи «Пророк», «Поэт», «Дар напрасный, дар случайный...», «Воспоминание», «Элегия»...

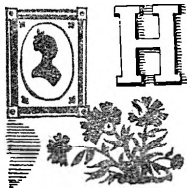
Любила все, что было написано поэтом в Михайловском. В псковскую деревню Пушкина она стремилась всю жизнь. Удалось это, вспоминала Софья Павловна, лишь однажды, в 75 лет. Правнучка поэта провела тогда в Михайловском два дня. Уезжая, оставила запись в книге впечатлений: «Исполнилось мое намерение совершить паломничество к могиле моего прадеда Александра Сергеевича Пушкина и в места, которые он любил и которые с такой любовью сохраняются».

Правнучка Пушкина поражала всех обширностью своих познаний в различных областях науки, философии, литературы, истории. Она свободно цитировала по памяти отрывки из произведений Руссо и Вольтера. До последних лет живейшим образом интересовалась классической и современной литературой, много и серьезно читала.

Болью отозвалась смерть Софьи Павловны в сердцах всех, кто знал эту редкостной стойкости женщину, кто имел счастье общаться с нею.

Союз писателей СССР взял похороны правнучки поэта, персональной пенсионерки союзного значения С. П. Вельяминовой на свой счет. Ее кремировали (такова была воля покойной), а урну с прахом захоронили в городе Чехове, рядом с могилой ее деда, генерала от кавалерии А. А. Пушкина.

„МИНИАТЮРНЫЙ ПУШКИНСКИЙ МУЗЕЙ“



Незабываемо яркое впечатление оставили и московские встречи с другой правнучкой А. С. Пушкина — Натальей Сергеевной Шепелевой. Первая из них состоялась в марте 1970 года. Наталья Сергеевна встретила меня с радушием, ласково и просто.

Когда я увидел эту высокую, стройную женщину с красивым выразительным лицом, меня поразило ее внешнее сходство с Натальей Николаевной Пушкиной. Это сходство подчеркивала и строгая, на прямой пробор, прическа.

А глаза у правнучки поэта — пушкинские. Живые, яркие, лучистые. Резкие повороты головы, нервные, порывистые руки, быстрая речь, стремительная походка — все это в Наталье Сергеевне, несомненно, от Пушкина. (Замечу, что и почерк у Н. С. Шепелевой, как и ее харак-

тер, динамичный, беспокойный.) И в то же время во всем облике ее разлита мягкая гончаровская женственность.

Не выдержав, говорю:

— А ведь вы, Наталья Сергеевна, очень похожи на Наталью Николаевну.

Опа смеется:

— Теперь я постарела. А вот лет тридцать — сорок назад очень многие находили во мне фамильное сходство с нею. Даже Викентий Викентьевич Вересаев, встречаясь со мной, не раз говорил об этом.

Н. С. Шепелева очень занятой человек. Она ответственный хранитель фонотеки звукозаписей в Московской консерватории. На ее попечении и внук Павлуша — он учился тогда в пятом классе. Но в свободные от бесконечных забот часы, которые, к сожалению, выдаются слишком редко, Наталья Сергеевна обращается — в который раз! — к сочинениям Пушкина, снова и снова испытывая радость от неизъясимой прелести его стихов.

И внук Натальи Сергеевны всем сердцем тянется к светлому творчеству своего великого предка, знает многие его произведения.

Наталья Сергеевна с малых лет страстно любит музыку. В молодости она хорошо играла на рояле, но жизнь сложилась так, что занятия музыкой пришлось оставить.

А еще любит путешествовать по родной стране — побывала в Казахстане и в Мурманске, на Алтае и в Пскове... Но особенно дороги ей места, где жил, останавливался или просто проезжал ее прадед Александр Сергеевич Пушкин.

Наталья Сергеевна показала семейный альбом — в нем не только сотни фотографий потомков Пушкина, но и множество переписанных ею стихов прадеда.

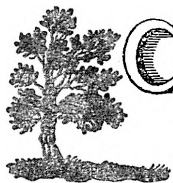
В комнате все стены почти от пола до потолка увешаны портретами-миниатюрами и фотографиями. Многие из них в рамках красного дерева. Это — настоящая порт-

ретная галерея пушкинского рода. Здесь и Пушкин, и его жена, и их дети, и внуки, и правнуки... Представлены все шесть поколений прямых потомков поэта, дальние и близкие родственники Н. С. Шепелевой.

Скромно, но со вкусом обставленная квартира Натальи Сергеевны изобилует семейными реликвиями — от редких книг («Опасный сосед» В. Л. Пушкина; факсимиле пушкинской «Русалки», долгие годы хранившееся у Анны Александровны Пушкиной, а от нее перешедшее в 1949 году к Н. С. Шепелевой, и др.) до флаконов из-под духов, принадлежавших дочери Пушкина М. А. Гартунг и внучке поэта А. А. Пушкиной.

Квартира правнучки Пушкина — это, образно говоря, миниатюрный пушкинский музей, насыщенный духом чистого, бескорыстного почитания гениального русского поэта, теплом родственного к нему отношения. И это тепло согревает каждого, кого встречает здесь гостеприимная хозяйка.

И В БУДНЯХ — ПОЭЗИЯ ЖИЗНИ



С Ириной Евгеньевной Гибшмап (урожденной Клименко) я впервые встретился в июне 1959 года в Пушкинских Горах, на открытии памятника Пушкину работы Е. Ф. Белашовой¹. Там, у памятника, с которого только что сбросили белоснежное покрывало, она выступала перед собравшимися как потомок великого поэта. Навсегда запомнилось ее взволнованное лицо, черты которого удивительно напоминали пушкинские.

Портретное сходство Ирины Евгеньевны с прапрадедом заметил и М. К. Аникушин, известный советский

¹ Екатерина Федоровна Белашова (1906—1971) — выдающийся советский скульптор, народный художник СССР, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР.

скульптор, много и плодотворно работающий над пушкинской темой. В начале 1960-х годов Михаил Константинович приезжал в Архангельск, где Ирина Евгеньевна живет постоянно, чтобы сделать скульптурные изображения И. Е. Гибшман и ее сестры О. Е. Усовой. Эти скульптуры не раз экспонировались на художественных выставках¹.

...Детство и юность Ирины Евгеньевны Клименко прошли в основном в Белоруссии. У родителей, кроме Ирины, было еще пятеро детей — Наталья, Ольга, Татьяна, Марина, Сергей. Жила семья скромно.

Отец, Евгений Ипполитович Клименко, человек запятой, нередко оставался на службе даже по вечерам. Воспитанием детей занималась мать, Мария Павловна Клименко (урожденная Воронцова-Вельяминова). Женщина активно добрая, доверчивая и скромная, она унаследовала от своей матери, внучки поэта, любовь к литературе и музыке, а также высокоразвитое чувство ответственности за судьбы детей и всех близких.

Ирина Евгеньевна рассказывает:

— Не помню, чтобы мама когда-нибудь повышала голос, делая нам замечания, и ее слова действовали на нас гораздо сильнее, чем наказания.

В начале первой мировой войны Мария Павловна Клименко и ее дети эвакуировались из Собруйска. Эшелон, в котором они ехали, добирался до Москвы десять суток, пропуская встречные составы, шедшие к фронту.

Наконец приехали в Лопасню, где дорогих гостей радушно встретили старушки Гончаровы — Наталья Ивановна и Надежда Ивановна, племянницы Н. Н. Пушкиной.

В старом двухэтажном доме сестер Гончаровых, перешедшем к ним в начале нынешнего столетия от прежних

¹ Скульптурный портрет О. Е. Усовой находится в Третьяковской галерее, И. Е. Гибшман — в собрании М. К. Аникушина.

владельцев усадьбы Васильчиковых, было множество заманчивых для детей уголков — кладовушек, заставленных старинной мебелью, разной домашней утварью, сундуками с давно вышедшей из моды, но интересной одеждой. А в большом шкафу, занимавшем всю торцовую часть коридора, стояла старинная посуда. Но особенно хорошо было в парке с его тенистыми аллеями и прудами, над которыми низко опускали свои ветви старые ивы.

А еще Ирине Евгеньевне запомнились долгие земные вечера в Лопасне. Отчетливо помнит она и столовую с каминном, у которого, любуясь потрескивавшим в нем огнем, любила сидеть Надежда Ивановна Гончарова, и мезонин, откуда Ириша и ее сестренки спускались вниз к обеду и ужину. Незабываема и царившая в этом доме атмосфера добропорядочности, душевной чуткости всех к каждому и каждого ко всем.

Однажды Мария Павловна повезла двух старших девочек (их младшие сестренки были тогда слишком малы, а брата Сергея и совсем не было: он родился позже, в 1918 году) в Москву, чтобы представить их старшей дочери Пушкина — Марии Александровне. Эту поездку не вытеснили из их памяти ни годы, ни другие события.

Позже, вернувшись вместе с семьей в Бобруйск, Ирина Клименко получила среднее образование в одной из школ этого города. Мечтала она об университете — поехала в Москву, но поступить не удалось. Пошла работать. А вскоре по приглашению знакомых она отправилась в Архангельскую область, чтобы заведовать там библиотекой научно-технической станции. С библиотечным делом Ирина Евгеньевна была знакома, а трудностей не боялась никогда: жизнь сложилась так, что еще до окончания школы ей пришлось работать.

В июне 1929 года И. Е. Клименко выехала из Москвы в далекий северный поселок, где ей предстояло проработать два года и где определилась ее дальнейшая судьба.

Там она встретила Александра Рудольфовича Гибшмана и в 1930 году стала его женой.

Оба хотели получить высшее образование. Но учиться пришлось по очереди. Сначала в Архангельский лесотехнический институт поступил Александр Рудольфович. А когда он получил диплом, Ирина Евгеньевна стала студенткой факультета иностранных языков педагогического института, тоже в Архангельске.

Случилось так, что оба остались работать в тех же институтах, где учились. А. Р. Гибшман более тридцати лет заведовал кафедрой механизации лесоразработок. Он кандидат технических наук, профессор.

Ирина Евгеньевна, окончив с отличием институт, свыше двадцати лет преподавала там же английский язык, несколько лет заведовала кафедрой.

У Ирины Евгеньевны и Александра Рудольфовича двое взрослых детей и пять внуков. Их дочь Наталья Александровна живет в Москве. У нее две дочери — Ирина и Ольга. Старшая живет в Архангельске, у бабушки и дедушки, младшая — с матерью. Сын, Эдвин Александрович, окончил Ленинградскую лесотехническую академию. Живет в Архангельске. Мастер спорта СССР по туризму, судья республиканской категории по спортивному ориентированию. У него две дочери, Инна и Мария, и сын Александр.

Теперь Ирина Евгеньевна Гибшман на пенсии, хотя слово «пенсия» плохо сочетается с ее энергичным характером. Она не только успевает вести домашнее хозяйство, но и занимается общественными делами.

Любому делу Ирина Евгеньевна отдается с пушкинской страстностью и добросовестностью. Она гордится героической историей русского народа, его древней культурой, в том числе культурой северного края. Несколько лет возглавляла архитектурную секцию Архангельского городского отделения Всесоюзного общества охраны памят-

ников истории и культуры. И теперь Ирина Евгеньевна по-прежнему живо интересуется деятельностью этого общества и является членом его президиума.

Архангельск — своеобразный исторический город. Это первый русский порт, через который шла торговля России с иностранными государствами. В нем по указанию Петра I была создана первая судоверфь. Из Архангельска отправлялись почти все арктические экспедиции. К сожалению, интересных старинных зданий в городе сохранилось немного. А уникальных историко-архитектурных памятников, определявших когда-то облик Архангельска, в городе почти нет.

— Тем важнее, — считает И. Е. Гишман, — сохранить все, что еще есть исторически ценного в городе, чтобы подчеркнуть преемственность культуры поколений.

Ирине Евгеньевне дорог и близок мир изобразительного искусства. Она посещает передвижные и местные выставки в Архангельске, музеи и выставки в Москве, Ленинграде и других городах. На зональной выставке «Советский Север», организованной в 1964 году в Архангельске, Ирина Евгеньевна работала экскурсоводом-общественником. А чтобы лучше разбираться в искусстве, глубже понимать его специфику, она окончила двухгодичный искусствоведческий факультет при архангельской городской организации общества «Знание». Занятия на факультете вели прекрасные лекторы из Москвы и Ленинграда. И. Е. Гишман считает, что занятия на факультете ей дали много ценных сведений, многому научили.

С детства Ирина Евгеньевна любит музыку. Когда позволяют время и здоровье, с удовольствием посещает концерты в Архангельске и других городах. Дома у нее довольно обширная фопотека.

Праправнучка поэта бережно, любовно относится ко всему, что связано с Пушкиным, с его жизнью и творчеством. Она поддерживает дружеские контакты с пушки-

нистами, старается не пропускать научные конференции, посвященные А. С. Пушкину. Следит за новой литературой о нем. Собирает материалы по пушкиноведению. Круг ее друзей широк и разнообразен.

Всегда желанная гостя любого пушкинского музея Советского Союза, она особенно часто — почти ежегодно — бывает «под сенью липовых аллей» Михайловского, где, «кажется, вечер еще бродил» ее прапрадед, у дорогого могильного холма в Святогорском монастыре... В пушкинских местах на Псковщине, по собственному признанию И. Е. Гибшман, «явственно ощущается вечно живой дух Пушкина, его связь с чудесной русской природой и историей России».

Осенью 1975 года Ирине Евгеньевне удалось впервые посетить и Болдино. Под впечатлением от этой поездки праправнучка поэта писала: «...современная жизнь сельского районного центра как-то естественно и органично сочетается с пушкинской стариной. Сочетается скромно, без шумихи. И музей-усадьба Пушкина прямо в центре села; и старожилы И. В. Киреев и М. И. Куликов — хранители былей и преданий; и неповторимый болдинский народный хор. И, конечно, русская природа — неброская, но трогающая сердце. Особенно хороши болдинские дали, слегка холмистые, в палевой дымке... И роца «Лучипник» с прозрачным родником».

Свою любовь к Пушкину, все, что она знает о нем, о его предках и потомках, И. Е. Гибшман стремится передать молодежи. Стали уже традиционными ее встречи со студентами-филологами Архангельского пединститута, с учащимися общеобразовательных школ. Юным пушкиноведам многих школ страны она оказывает помощь в собирании материалов о Пушкине. Школьные пушкинские кружки, кабинеты, музеи получают от Ирины Евгеньевны газетные и журнальные вырезки по пушкинские темы, фотографии потомков поэта, книги. Она сооб-

щает ребятам нужные адреса, помогает им установить связи с учеными-пушкиноведами.

Живой интерес школьников, студентов, учителей к Пушкину, их стремление узнать как можно больше о любимом поэте приносят ей радость.

...Перечитываю полученные в разные годы письма И. Е. Гибшман, посвященные ей газетные заметки. Вспоминаю беседы с ней, рассказы о пей правнучки А. С. Пушкина С. П. Вельяминовой и других родственников поэта, а также людей, близко знающих Ирину Евгеньевну. И восхищаюсь ее энергией, умением и в буднях находить поэзию жизни.

* * *

Алексей Максимович Горький назвал когда-то А. С. Пушкина величайшей гордостью пашей и самым полным выражением духовных сил России. Теперь мы с радостью говорим, что «солнце русской поэзии» светит ныне всему человечеству, что Пушкин — одна из вечно живых и постоянно развивающихся, а потому и всегда современных вершин мировой культуры.

С каждым десятилетием все дальше от нас пушкинская эпоха, а великий поэт все более приближается к нам, как добрый наставник, учитель и друг — спутник всей нашей жизни, от рождения до старости.

Каждое новое поколение открывает в биографии и творчестве Пушкина что-то новое, ранее не замеченное, не раскрытое.

И как волшебный, никем не превзойденный мастер стиха, как гениальный мыслитель и прозорливый историк, и просто как человек земной, доступный — Пушкин становится для нас все дороже, все необходимее. И он всегда будет чистым родником счастья — ободряющим, вливающим новые силы и готовность дерзать.

С каждым годом в благодарном сердце народов ширится, крепнет неувядающая любовь к поэту. На поклон к Пушкину, на встречу с ним едут в Михайловское и Кишинев, в Каменку и Берново, в Одессу и Болдино... Благочестивые, переступают порог последней квартиры поэта на набережной Мойки... Подолгу стоят, счастливые в своей тихой задумчивости, у памятника Пушкину в Москве... Идут к Пушкину и «гордый внук славян», и «друг степей калмык»... Французы и немцы, бельгийцы и итальянцы с душевным волнением повторяют дорогие пушкинские строчки и в древнем Святогорском монастыре, где покоится прах поэта, и в лицейских садах бывшего Царского Села, ныне города Пушкина.

Стали традиционными Всесоюзные Пушкинские праздники поэзии, которые проводятся ежегодно в начале лета, накануне дня рождения А. С. Пушкина, в местах, где жил и творил великий поэт, — в Москве, Ленинграде, Михайловском, Болдино, Калинин, Кишиневе, Одессе... На эти праздники съезжаются из разных уголков нашей страны писатели, поэты, почитатели поэзии А. С. Пушкина, а также литераторы социалистических стран, передовые писатели со всех континентов земного шара.

Пушкинские праздники поэзии демонстрируют волю народов к миру и свободе, любовь ко всему прекрасному на земле, уверенность в том, что «пред солнцем бессмертным ума» бесплны и лживые проповеди, и человекопавистнические идеи.

Миллионными тиражами издаются в Советском Союзе и других странах мира произведения А. С. Пушкина и книги о нем. Спрос на них постоянно растет. С интересом встречают читатели новые публикации, посвященные предкам поэта, его родителям, брату, сестре, другим родственникам. Живое участие вызывают и судьбы его потомков, потому что бесценно и дорого все то, что связано с А. С. Пушкиным, с его жизнью и творческим наследием.

**ПОТОМКИ А. С. ПУШКИНА.
РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ¹**

**1 Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837)
ж. Наталья Николаевна Гончарова (во втором браке
Ланская) (1812—1863)**

¹ **Примечания.** 1. В роспись включены как прямые потомки А. С. Пушкина, так и их супруги. Имена, отчества и фамилии потомков выделены разрядкой, место жительства — курсивом.

2. Точные даты (месяц, число) рождения и смерти потомков, относящиеся к периоду до 1 (14) февраля 1918 года, приводятся по старому стилю.

3. Цифра слева указывает порядковый номер данного потомка, цифра справа — номер его отца или матери.

4. Черным кружком впереди порядкового номера помечены потомки А. С. Пушкина по непрерывавшимся мужским линиям.

5. Роспись составлена по состоянию на 1 мая 1977 года.

6. Сокращения: м. — муж, ж. — жена, вел. кн. — великий князь, пр. — принц, гр. — граф(иня), бар. — барон(есса), марк. — маркиз(а).

1. Дети

- 2 Мария Александровна Пушкина (19.V.1832—7.III.1919) 1
м. Леонид Николаевич Гартунг
- ④ 3 Александр Александрович Пушкин 1
(6.VII.1833—19.VII.1914)
ж. 1) Софья Александровна Ланская
2) Мария Александровна Павлова
- ④ 4 Григорий Александрович Пушкин 1
(14.V.1835—5.VIII.1905)
ж. Варвара Алексеевна Мельникова (в первом браке Мошкова)
- 5 Наталья Александровна Пушкина (во втором браке гр. Меренберг) (23.V.1836—10.III.1913) 1
м. 1) Михаил Леонтьевич Дубельт
2) пр. Николай-Вильгельм Нассауский

II. Внуки

- 6 Наталья Александровна Пушкина 3
(5.VIII.1859—5.XII.1912)
м. Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов
- 7 Софья Александровна Пушкина 3
(28.VI.1860—15.V.1861)
- 8 Мария Александровна Пушкина 3
(5.VII.1862—9.IX.1939)
м. Николай Владимирович Быков
- ④ 9 Александр Александрович Пушкин 3
(3.X.1863—3.III.1916)
ж. 1) Ольга Николаевна Решетова
2) Анна Петровна Савицкая (в первом браке Зейлих)
(гражд. брак)
- 10 Ольга Александровна Пушкина 3
(28.XI.1864—16.IV.1933)
м. Николай Николаевич Павлов
- 11 Анна Александровна Пушкина (26.IV.1866—5.VI.1949) 3
- ④ 12 Григорий Александрович Пушкин 3
(15.IX.1868—1.IX.1940)
ж. Юлия Николаевна Бартепева (в первом браке Катыбаева)
- ④ 13 Петр Александрович Пушкин (VI.1870—6.XI.1870) 3

- 14 Надежда Александровна Пушкина (10.XI.1871—15.VI.1915) 3
- 15 Вера Александровна Пушкина (19.XII.1872—8.II.1909) 3
м. Сергей Петрович Мезенцов
- 16 Сергей Александрович Пушкин (9.VI.1874—21.VIII.1898) 3
- 17 Николай Александрович Пушкин (3.IV.1885—18.XII.1964) 3
ж. Надежда Алексеевна Петунникова
- 18 Елена Александровна Пушкина (16.VIII.1889—14.VIII.1942) 3
м. Николай Алексеевич фон дер Розенмайер
- 19 Наталья Михайловна Дубельт (23.VIII.1854—X.1926) 5
м. Бессель
- 20 Леоптий Михайлович Дубельт (5.X.1855—24.IX.1894) 5
ж. Агриппина Оболенская
- 21 Анна Михайловна Дубельт (1861—1925) 5
м. Александр Павлович Кондырев
- 22 гр. Софья Николаевна Меренберг (в браке графиня де Торби) (20.V.1868—14.IX.1927) 5
м. вел. кн. Михаил Михайлович Романов
- 23 гр. Александра Николаевна Меренберг (1869—1950) 5
м. Максимо де Элиа
- 24 гр. Георг-Николай (или Георгий Николаевич) Меренберг (13.II.1871—31.V.1948) 5
ж. 1) Ольга Александровна Юрьевская
2) Аделаида Моран Брамбеер

III. Правнуки

- 25 Григорий Павлович Воронцов-Вельяминов (25.I.1882—II.1882) 6
- 26 Мария Павловна Воронцова-Вельяминова (10.III.1883—23.VIII.1932) 6
м. Евгений Ипполитович Клименко
- 27 Софья Павловна Воронцова-Вельяминова (11.XII.1884—6.VI.1974) 6
м. Всеволод Александрович Кологривов

- 28 Михаил Павлович Воронцов-Вельяминов (28.XII.1885—49.VI.1951) 6
ж. Евгения Самойловна Богуславская (в первом браке Бурнашева)
- 29 Феодосий Павлович Воронцов-Вельяминов (13.XI.1888—29.VIII.1914) 6
- 30 Вера Павловна Воронцова-Вельяминова (3.VI.1890—29.VII.1920) 6
- 31 Александр Николаевич Быков (7.I.1883—3.III.1917) 8
ж. Тамара Михайловна Филатова
(в первом браке Франческо)
- 32 Елизавета Николаевна Быкова (5.XI.1884—31.V.1885) 8
- 33 Елизавета Николаевна Быкова (26.XII.1885—13.II.1964) 8
м. Владимир Андреевич Савицкий
- 34 Софья Николаевна Быкова (р. 17.II.1887), 8
СССР, Полтава
м. Сергей Дмитриевич Данилевский
- 35 Наталья Николаевна Быкова (р. 29.VII.1888), *Франция, Париж* 8
- 36 Мария Николаевна Быкова (6.VIII.1892—11.III.1955) 8
- 37 Владимир Николаевич Быков (20.IX.1895—V.1921) 8
- 38 Анна Николаевна Быкова (р. 6.III.1897), *Франция, Париж* 8
м. гр. Николай Евгеньевич Апраксин
- 39 Татьяна Николаевна Быкова (р. 2.III.1898), *СССР, Москва* 8
м. Александр Владимирович Галин
- 40 Елена Николаевна Быкова (р. 16.IX. 1900), *США* 8
м. 1) Иван Александрович Писпячевский
2) Филемон Окреди
- 41 Екатерина Александровна Пушкина (31.X.1907—30.III.1969) 9
м. 1) Георгий Амазаспович Адамов
2) Игорь Николаевич Харитонов
- 42 Александр Николаевич Павлов (24.VI.1882—25.VII.1965) 10
ж. Варвара Ивановна Сазонова

- 43 Сергей Григорьевич Пушкин (28.II.1912—18.II.1920) 12
- 44 Григорий Григорьевич Пушкин (р. 6.XII.1913), СССР, Москва 12
 - ж. 1) Клавдия Сергеевна Мазина
 - 2) Анна Федоровна Леонтьева
 - 3) Мария Ивановна Осипова
- 45 Марина Сергеевна Мезенцова (17.VII.1902—24.III.1935) 15
 - м. Борис Борисович Геринг
- 46 Наталья Сергеевна Мезенцова (р. 11.XI.1904), СССР, Москва 15
 - м. 1) Георгий Борисович Геринг
 - 2) Андрей Михайлович Шепелев
- 47 Александр Сергеевич Мезенцов (18.I.1908—8.X.1932) 15
- 48 Наталья Николаевна Пушкина (6.VI.1907—1948) 17
 - м. бар. Александр Николаевич Гревениц
- 49 Александр Николаевич Пушкин (15.III.1909—25.V.1968) 17
 - ж. Луиза Иосифовна Аммель
- 50 Светлана Николаевна фон дер Розенмайер (р. 17.II. 1923) 13
- 51 Арнольд (Александр?) Бессель (1882—1940-е гг.) 19
- 52 Елизавета Бессель (1883—?) 19
- 53 Павел Александрович Кондырев (1892—1919) 21
- 54 Нина Александровна Кондырева (1894—1919) 21
- 55 Александр Александрович Кондырев (1898—1916) 21
- 56 гр. Зия (или Анастасия Михайловна) Торби (р. 1892), Англия, Лондон 22
 - м. бар. Гарольд Уэриер
- 57 гр. Нада (или Надежда Михайловна) Торби (в замужестве марк. Милфорд-Хевен) (28.III.1896—22.I.1963) 22
 - м. пр. Джордж Маунтбеттен (позднее марк. Милфорд-Хевен)
- 58 гр. Михаил Михайлович Торби (1898—1959) 22

- 59 гр. Александр-Адольф-Николай Меренберг (16.IX.1896—1897) 24
- 60 гр. Георг-Михаил-Александр Меренберг (4.X.1897—1965) 24
ж. Полетт фон Кёвер де Лергос Септ-Миклес
- 61 гр. Ольга-Екатерина-Адда Меренберг (р. 3.X.1898), Швейцария, Ботминген 24
м. гр. Михаил Тариелович Лорис-Меликов

IV. Праправнуки

- 62 Наталья Евгеньевна Клименко (р. 28.IV.1907), СССР, Тбилиси 26
м. Владимир Иванович Воронцов-Вельяминов
- 63 Ирина Евгеньевна Клименко (р. 8.VIII.1908), СССР, Архангельск 26
м. Александр Рудольфович Гибшман
- 64 Ольга Евгеньевна Клименко (р. 9.VIII.1911), СССР, Архангельск 26
м. 1) Северьян Иванович Усов
2) Геннадий Федорович Вещагин
- 65 Татьяна Евгеньевна Клименко (р. 25.X.1913), СССР, Москва 26
м. Александр Рафаилович Гуцко
- 66 Марина Евгеньевна Клименко (р. 10.V.1915), СССР, Москва 26
- 67 Сергей Евгеньевич Клименко (р. 14.IX.1918), СССР, Москва 26
ж. Нина Вещедиктовна Рыхлик
- 68 Александр Всеволодович Кологривов (11.XII.1916—24.VIII.1968) 27
ж. Нина Ефимовна Будченко
- 69 Олег Всеволодович Кологривов (р. 1.IV.1919), СССР, Москва 27
ж. 1) Ксения Николаевна Успенская
2) Людмила Алексеевна Кулькова
- 70 Георгий Михайлович Воронцов-Вельяминов (р. 20.IV.1912), Франция, Париж 28
ж. Тамара Васильевна Дерюгина
- 71 Владимир Михайлович Воронцов-Вельяминов (р. 22.I.1914), Франция, Париж 28
ж. Нина Константиновна Ненюкова

- 72 Татьяна Владимировна Савицкая
(р. 30.IX.1913), *Франция, Париж* 33
м. Александр Иванович Дурново
- 73 Анастасия Владимировна Савицкая
(р. 10.IV.1915), *Франция, Париж* 33
м. Василий Кузьмич Солдатенков
- 74 Мария Сергеевна Данилевская
(р. 7.II.1908), *СССР, Полтава* 34
- 75 Ирина Сергеевна Данилевская (20.IX.1909—
15.VII.1970) 34
м. Антон Никитич Копоненко
- 76 Александр Сергеевич Данилевский
(19.II.1911—27.VI.1969) 34
ж. Галина Григорьевна Шельдешова
- 77 Наталья Сергеевна Данилевская.
(р. 24.VII.1912), *СССР, Полтава* 34
м. Владимир Акимович Савельев
- 78 Марина Сергеевна Данилевская
(р. 25.IV.1914), *СССР, Полтава* 34
м. Иван Андреевич Чалик
- 79 гр. Мария Николаевна Апраксина
(р. 18.XI. 1927), *Марокко, Касабланка* 38
м. Клод Морильо
- 80 гр. Петр Николаевич Апраксин
(р. 19.VII.1929), *Франция, Канн* 38
ж. Беатриса Гарсия
- 81 Георгий Александрович Галин (р. 2.II.1929),
СССР, Москва 39
ж. 1) Татьяна Валентиновна Минавичева
2) Татьяна Николаевна Дозорова
- 82 Александр Иванович Писнячевский
(25.XII.1921—9.V.1974) 40
ж. 1) Нина Алексеевна Гомозова
2) Альдона Симоновна Чепайтите
- 83 Александр Георгиевич Пушкин (Адамов)
(р. 14.VII.1926), *СССР, Москва* 41
ж. 1) Александра Алексеевна Колоскова
2) Мария Михайловна Лешукова
- 84 Михаил Георгиевич Пушкин (Адамов)
(р. 26.III.1929), *СССР, Москва* 41
ж. Евгения Степановна Батурина
- 85 Наталья Игоревна Пушкина (Харито-
нова) (р. 26.X.1937), *США, Бостон* 41

- м. 1) Анатолий Сергеевич Ромов
2) Иосиф Леонидович Тохадзе
- 86 Варвара Александровна Павлова (р. 1.IV.1908), *США, Нью-Йорк* 42
м. 1) Монтегю
2) Клоц
3) Оверол
- 87 Николай Александрович Павлов (р. 1923) 42
ж. Сюпси
- 88 Александр Григорьевич Пушкин (18.II.1936—7.VIII.1942) 44
- 89 Юлия Григорьевна Пушкина (р. 18.X.1939), *СССР, Москва* 44
м. 1) Тимофей Николаевич Рябцев
2) Валерий Александрович Сухарев
- 90 Александр Григорьевич Пушкин (р. 19.XI.1951), *СССР, Москва* 44
- 91 Сергей Борисович Пушкин (Геринг) (р. 26.VII.1925), *СССР, Москва* 45
ж. Ольга Ильинична Заикина
- 92 Борис Борисович Пушкин (Геринг) (р. 13.XII.1926), *СССР, Москва* 45
ж. Зинаида Тимофеевна Макеева
- 93 Вера Георгиевна Геринг (р. 24.III.1924), *СССР* 46
м. Евгений Георгиевич Красенков (разведены)
- 94 Михаил Андреевич Шепелев (22.I.1936—2.III.1939) 46
- 95 бар. Николай Александрович Гревениц (р. 14.XI.1934), *Бельгия, Брюссель* 48
ж. Ирина Попова
- 96 бар. Александр Александрович Гревениц (р. 8.X.1938), *Бельгия, Брюссель* 48
ж. Марина Николаевна Тундутова
- 97 Александр Александрович Пушкин (р. 10.X.1942), *Бельгия, Брюссель*¹ 49
- 98 Александр Николаевич Розенмайер (р. 1940?), *Франция (?)* 50
- 99 Анни Бессель (р. ?), *ФРГ (?)* 51
- 100 Александр Уэрнер (1918—1943) 56
- 101 Джорджина Уэрнер (р. 1919?), *Англия, Лондон* 56
м. Филипп

¹ ж.— см. № 127.

- 102 Мойра Уэрнер (р. 1925), *Англия, Лондон* 56
 м. Батгер
- 103 Елизавета-Татьяна Маунтбеттен 57
 (р. 16.XII.1917), *Англия, Лондон*
- 104 Дейвид-Майкл Маунтбеттен, марк. Мил- 57
 ффорд-Хевен (12.V.1919—1973)
- 105 гр. Клотильда Меревберг (р. 1941), *ФРГ, Вис-* 60
баден
 м. Эпо фон Ринтелен
- 106 гр. Александр Михайлович Лорис-Мели- 61
 ков (р. 25.V. 1926), *Швейцария, Ботминген*
 ж. Мишлина Селина Прюнье

У. П р а п р а в н у к и

- 107 Георгий Владимирович Воронцов 62
 (р. 11.XI.1926), *СССР, Иркутск*
 ж. Александра Николаевна Захарова
- 108 Вера Владимировна Воронцова-Велья- 62
 минова (р. 21.VI.1929), *СССР, Тбилиси*
 м. Григорий Харитонович Сванидзе
- 109 Дмитрий Александрович Гибшман 63
 (16.I.1932—5.VII.1932)
- 110 Наталья Александровна Гибшман 63
 (р. 18.IV.1935), *СССР, Москва*
 м. 1) Герольд Сергеевич Егоров
 2) Станислав Константинович Лебедев
- 111 Эдвип Александрович Гибшман 63
 (р. 17.VII.1937), *СССР, Архангельск*
 ж. 1) Тамара Петровна Николаевская
 2) Татьяна Анатольевна Дерябина
- 112 Галина Северьяновна Усова (р. 6.XI.1938), 64
СССР, Мичуринск
 м. Владимир Александрович Коровин
- 113 Владимир Геннадьевич Вещагин 64
 (р. 5.VII.1945), *СССР, Архангельск*
 ж. Татьяна Борисовна Козицына
- 114 Вячеслав Александрович Гуцко 65
 (р. 12.XII.1938), *СССР, Москва*
 ж. Ирина Васильевна Полухина
- 115 Татьяна Александровна Гуцко 65
 (р. 16.VIII.1945), *СССР, Москва*
 м. Владимир Иванович Якунин

- 116 Александр Сергеевич Клименко
(р. 28.V.1953), СССР, Москва 67
ж. Елена Васильевна Богачкова
- 117 Андрей Александрович Кологривов
(р. 17.V.1949), СССР, Москва 68
ж. Наталья Михайловна Сеземова
- 118 Ольга Александровна Кологривова
(р. 30.VII.1961), СССР, Москва 68
- 119 Александр Олегович Кологривов
(р. 5.I.1949), СССР, Воронеж 69
- 120 Всеволод Олегович Кологривов
(р. 26.I.1965), СССР, Москва 69
- 121 Анна Георгиевна Воронцова-Вельями-
нова (р. 6.XII.1944), Италия, Флоренция 70
м. Александр Иоаннович Тури
- 122 Надежда Георгиевна Воронцова-Велья-
минова (р. 28.I.1948), Франция, Париж 70
м. Николай Андреевич Бэр
- 123 Ольга Владимировна Воронцова-Велья-
минова (р. 26.II.1943), Франция, Париж 71
м. Христиан Бодело
- 124 Михаил Владимирович Воронцов-Велья-
минов (р. 27.VIII. 1945), Франция, Париж 71
ж. Магдалипа Мелькион
- 125 Вера Александровна Дурново (р. 7.XI.1937),
США 72
м. Джеймс Уэст
- 126 Елизавета Александровна Дурново
(р. 29.IX.1941), Гавайские острова, Гонолулу 72
м. Родни Лиу
- 127 Мария Александровна Дурново
(р. 21.IX.1943), Бельгия, Брюссель¹ 72
- 128 Петр Александрович Дурново
(р. 10.XI.1945), Франция, Париж 72
ж. Марнана Тибо
- 129 Николай Васильевич Солдатеков
(р. 16.VIII.1938), Франция, Париж 73
ж. Нина Георгиевна Гильшер
- 130 Елена Васильевна Солдатекова
(р. 25.XII.1942), Франция, Париж 73
м. Андрей Владимирович Бразоль

¹ м.— см. № 97.

131	Сергей Александрович Данилевский (р. 22.VI.1941), СССР, Ухта (Коми АССР) ж. Галина Борисовна Котова (разведены)	76
132	Николай Владимирович Савельев (р. 2.VII.1934), СССР, Полтава ж. Зинаида Кузьминична Королева	77
133	Лидия Владимировна Савельева (р. 7.VI.1937), СССР, Петрозаводск м. Замир Курбанович Тарланов	77
134	Михаил Иванович Чалик (XII.1947—X.1948)	78
135	Татьяна Ивановна Чалик (р. 11.IX.1949), СССР, Клин м. Александр Владимирович Лукаш	78
136	Анна Морильо (р. 28.VII.1953), Марокко, Каса- бланка	79
137	Елена Морильо (р. 15.II.1955), Марокко, Каса- бланка	79
138	гр. Петр Петрович Апраксин (р. 15.XII.1952), Марокко, Касабланка	80
139	Александр Георгиевич Галин (р. 8.VIII.1976), СССР, Москва	81
140	Елена Александровна Писнячевская (1949—1950)	82
141	Александр Александрович Пушкин (р. 12.IV.1957), СССР, Москва	83
142	Анна Александровна Пушкина (р. 5.XII.1968), СССР, Москва	83
143	Екатерина Михайловна Пушкина (р. 11.V.1961), СССР, Москва	84
144	Михаил Михайлович Пушкин (р. 28.VII.1967), СССР, Москва	84
145	Кэрол Клоц-Оверол (р. ?), США, Нью-Йорк	86
146	Джон Оверол (р. ?), США, Нью-Йорк	86
147	Марта Оверол (р. ?), США, Нью-Йорк	86
148	Олег Тимофеевич Пушкин (р. 1.XII.1961), СССР, Москва	89
149	Константин Валерьевич Сухарев (р. 25.VII.1970), СССР, Москва	89
150	Марина Сергеевна Пушкина (р. 28.IX.1950), СССР, Москва м. Виктор Владимирович Голуб	91
151	Сергей Борисович Пушкин (р. 3.VIII.1956), СССР, Москва	92

- 152 Георгий Владимирович Геринг
(р. 19.VIII.1946), *СССР, Москва* 93
ж. Любовь Викторовна Тренкина
- 153 Павел Евгеньевич Красенков (р. 8.I.1957),
СССР, Москва 93
- 154 бар. Наталья Николаевна Гревениц
(р. 1961), *Бельгия, Брюссель* 95
- 155 бар. Александр Николаевич Гревениц
(р. 1962?), *Бельгия, Брюссель* 95
- 156 бар. Софья Александровна Гревениц
(р. X.1963), *Бельгия, Брюссель* 96
- 157 Джордж-Айвор-Луи Маунтбеттен, марк.
Милфорд-Хевен (р. 1961), *Англия, Лондон* 104
- 158 Александр фон Риятелен (р. 13.III. 1966),
ФРГ, Висбаден 105
- 159 гр. Анна Александровна Лорис-Меликова
(р. 22.VII.1959), *Швейцария, Ботминген* 106
- 160 гр. Доминика Александровна Лорис-Ме-
ликова (р. 24.III.1961), *Швейцария, Ботминген* 106
- 161 гр. Наталья Александровна Лорис-Мели-
кова (р. 28.XII.1962), *Швейцария, Ботминген* 106
- 162 гр. Михаил Александрович Лорис-Мели-
ков (р. 18.XII.1964), *Швейцария, Ботминген* 106

VI. П р а п р а п р а в н у к и

- 163 Галина Георгиевна Воронцова
(р. 30.VII.1949), *СССР, Иркутск* 107
- 164 Владимир Георгиевич Воронцов
(р. 8.III.1957), *СССР, Иркутск* 107
- 165 Вера Георгиевна Воронцова (р. 11.V.1959),
СССР, Иркутск 107
- 166 Андрей Григорьевич Сванидзе (р. 2.II.1957),
СССР, Тбилиси 108
- 167 Ирина Герольдовна Егорова (р. 3.IX.1959),
СССР, Архангельск 110
- 168 Ольга Герольдовна Егорова (р. 13.V.1962),
СССР, Москва 110
- 169 Инна Эдвиновна Гибшман (р. 28.VIII.1963),
СССР, Ростов-на-Дону 111
- 170 Мария Эдвиновна Гибшман (р. 12.III.1972),
СССР, Архангельск 111

171	Александр Эдвинович Гибшман (р. 15.VI.1974), <i>СССР, Архангельск</i>	111
172	Александр Владимирович Коровин (р. 14.VII.1964), <i>СССР, Мичуринск</i>	112
173	Сергей Владимирович Коровин (р. 4.II.1977), <i>СССР, Мичуринск</i>	112
174	Андрей Владимирович Коровин (р. 4.II.1977), <i>СССР, Мичуринск</i>	112
175	Алексей Владимирович Вещагин (р. 4.XI.1970), <i>СССР, Архангельск</i>	113
176	Андрей Владимирович Вещагин (р. 4.VII.1975), <i>СССР, Архангельск</i>	113
177	Елена Вячеславовна Гудко (р. 15.IV.1964), <i>СССР, Москва</i>	114
178	Светлана Вячеславовна Гудко (р. 27.XI.1969), <i>СССР, Москва</i>	114
179	Ольга Владимировна Якувина (р. 30.V.1965), <i>СССР, Москва</i>	115
180	Елена Андреевна Кологривова (р. 17.IV.1974), <i>СССР, Москва</i>	117
181	Екатерина Тури (р. 28.I.1968), <i>Италия, Флоренция</i>	121
182	Степан (Стефано) Тури (р. 19.V. 1969), <i>Италия, Флоренция</i>	121
183	Дамиан Николаевич Бэр (р. 25.VIII.1971), <i>Франция, Париж</i>	122
184	Гавриил Николаевич Бэр (р. 22.XII.1974), <i>Франция, Париж</i>	122
185	Марина Христиановна Бодело (р. 20.V.1969), <i>Франция, Париж</i>	123
186	Лаврентий Христианович Бодело (р. 10.VII.1974), <i>Франция, Париж</i>	123
187	Барбара Уэст (р. 17.IX.1956), <i>США</i>	125
188	Маргарита Уэст (р. 9.I.1958), <i>США</i>	125
189	Джеймс Уэст (р. 11.X.1960), <i>США</i>	125
190	Сюзанна Уэст (р. 3.IV.1963), <i>США</i>	125
191	Екатерина Лиу (р. 5.VI.1959), <i>Гавайские острова, Гонолулу</i>	126
192	Даниил Лиу (р. 20.IX.1960), <i>Гавайские острова, Гонолулу</i>	126
193	Рэчел Лиу (р. 23.IX.1962), <i>Гавайские острова, Гонолулу</i>	126

194	Надежда Лну (р. 19.XII.1969), <i>Гавайские острова, Гонолулу</i>	126
195	Александр Лну (р. 8.I.1973), <i>Гавайские острова, Гонслулу</i>	126
196	Наталья Петровна Дурново (р. 4.VI.1973), <i>Франция, Париж</i>	128
197	Николай Николаевич Солдатенков (р. 9.VI.1967), <i>Франция, Париж</i>	129
198	Татьяна Николаевна Солдатенкова (р. 12.VII.1969), <i>Франция, Париж</i>	129
199	Екатерина Николаевна Солдатенкова (р. 20.IV.1975), <i>Франция, Париж</i>	129
200	Сергей Андреевич Бразоль (р. 18.VIII.1975), <i>Франция, Париж</i>	130
201	Александр Сергеевич Давилевский (р. 19.XII.1960), <i>СССР, Ленинград</i>	131
202	Николай Сергеевич Данилевский (р. 13.XI.1965), <i>СССР, Ленинград</i>	131
203	Владимир Николаевич Савельев (р. 17.VII.1958), <i>СССР, Полтава</i>	132
204	Алексей Николаевич Савельев (р. 8.I.1962), <i>СССР, Полтава</i>	132
205	Евгений Замирович Тарланов (р. 24.V.1964), <i>СССР, Петрозаводск</i>	133
206	Елена Александровна Лукаш (р. 30.VI.1970), <i>СССР, Клин</i>	135
207	Анна Викторовна Пушкина (р. 5.XI.1974), <i>СССР, Москва</i>	150
208	Виктор Георгиевич Тревкин (р. 6.V.1968), <i>СССР, Москва</i>	152
209	Сергей Георгиевич Тревкин (р. 9.IV.1971), <i>СССР, Москва</i>	152

ДОПОЛНЕНИЕ К РОСПИСИ

После № 196	Юлиан Петрович Дурново (р. 3.VIII.1977), <i>Франция, Париж</i>	128
После № 200	София Андреевна Бразоль (р. 22.VII.1977), <i>Франция, Париж</i>	130

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

I

Александр Александрович Пушкин. — В кн.: Отчет императорского Московского и Румянцевского музея за 1914 год. М., 1916, с. 60—65.

Архив опеки Пушкина. М., изд. Гос. лит. музея, 1939.

Бертенсон В. Б. За 30 лет (Листки из воспоминаний). СПб., 1914, с. 237—240.

Вегнер М. Предки Пушкина. М., «Советский писатель», 1937.

Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880.

Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. — В кн.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., «Наука», 1969, с. 39—139.

Измайлов Н. В. Тургенев — издатель писем Пушкина к Н. Н. Пушкиной. — В кн.: Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева, т. V. Л., «Наука», 1969, с. 399—416.

Киреев И. В. Об Александре Александровиче Пушкине. — В кн.: Предания и песни болдинской старшицы. Горький, Волго-Вятское кн. изд-во, 1972, с. 49.

Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1960.

Модзалевский Б. Л. Род Пушкина. — В кн.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., «Прибой», 1929, с. 17—63.

Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины. Родословная роспись. Л., Изд-во АН СССР, 1932.

Невзоров Н. К биографии А. С. Пушкина. Материалы из архивов и других малоизвестных источников. СПб., 1899.

Поляновский Макс. В Брюсселе у Пушкиных. — В кн.: *Поляновский Макс.* Остановись, мгновение... 36 фотонивелл. М., «Советская Россия», 1968, с. 75—81.

Словарь нем. — В кн.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., «Наука», 1969, с. 360—494.

Сперанский М. Н. Предисловие. — В кн.: Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). Труды Гос. Румянц. музея, вып. 1. М. — ПГ., ГИЗ, 1923, с. 3—23.

Февчук Л. П. Личные вещи А. С. Пушкина. Изд. 2-е. Л., «Аврора», 1970.

Февчук Л. П. Семья Пушкина. Изобразительные материалы в словацком национальном музее в Братиславе. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1971. Л., «Наука», 1973, с. 31—43.

Февчук Л. П. Семья и современники Пушкина в альбоме Натальи Николаевны Пушкиной. — В кн.: Музейное дело в СССР. М., «Советская Россия», 1974, с. 178—196.

Хелемский Яков. На темной ели звонкая свирель. М., «Детская литература», 1971.

Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 260—275.

Шокальский Ю. Григорий Александрович Пушкин (Личные воспоминания). — В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. 4. СПб., 1906, с. 187—195.

II

Алексеева И. Потомки Пушкина живут в Иркутске. — «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 1972, 13 авг.

Анищенко Ф. Пушкинский подъезд в Полтаве. — «Днепропетровская правда», 1974, 9 февр.

Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская. — «Новое время» (приложение), 1907, № 11406, 11409, 11413, 11416, 11421; 1908, № 11425, 11432, 11435, 11442, 11446, 11449.

Бей-Биенко Г. Я. Научный путь А. С. Данилевского (1911—1969). — «Защита растений», 1969, № 11, с. 62—63.

Винокуров П. Потомки Пушкина защищают отечество. — «Красная звезда», 1961, 29 янв.

Воронцов-Вельяминов Г. Роговое оружие. — «Огонек», 1969, № 41, с. 30—31.

Галина Т., Галин Г. Судьба потомков. — «Литература и ты», вып. 3. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 116—127.

Гард Э. Потомки Пушкина. — «Тридцать дней», 1936, № 6.

Гвелесиани С. Потомки Пушкина — Сванидзе. — «Вечерний Тбилиси», 1972, 6 июня.

Грандковская И. Потомки Пушкина. — «Советская женщина», 1949, № 3, с. 22.

Дед и внук. — «Огонек», 1936, № 4.

Житомирская С. В. К истории писем Н. Н. Пушкиной. — «Прометей», 1971, № 8, с. 148—165.

Катаев Валентин. Три поколения Пушкиных. — «Юность», 1958, № 8, с. 22—23.

Коняева А., Сельванюк Р. Кавалер золотого оружия Александр Пушкин. — «Советская Россия», 1961, 4 марта.

Леже Луи. У памятника Пушкину. — «Москва», 1965, № 8, с. 206.

Лернер Н. Зарубежное потомство Пушкина. — «Столица и усадьба», 1916, № 67, с. 18—19.

Лиокумович Т. Внучка Пушкина. — «Неман» (Минск), 1972, № 1, с. 179—181.

Малеванов Н. А. «Петра питомец» А. П. Ганнибал. По новым архивным материалам. — «Нева», 1972, № 2, с. 190—193.

Манн П. Потомки великого поэта. В гостях у Пушкиных. — «Вечерняя Москва», 1935, 16 апр.

Манько А. В. Сын Пушкина — участник освободительной войны 1877—1878 гг. — «Ставрополье», 1972, № 4, с. 73—80.

Марьянов Б. Легенда о блудном сыне. Статья пятая. — «Наука и религия», 1974, № 2, с. 87—92.

Мирзаян С. С нами работает правнук Пушкина. — «Комсомольская правда», 1959, 21 февр.

Павлова Е. Загадка одного портрета. — «Литературная газета», 1972, 31 мая.

Пушкин Григорий. О пращурах и потомках. — «Калужинская правда», 1974, 31 мая.

Рабкина Ника. Золотая середина. — «Простор» (Казахстан), 1972, № 5, с. 86—89.

Рабкина Н. Дочь Пушкина. — «Неделя», 1973, 5—11 февраля.

Райзман Э. Встреча с праправнучкой А. С. Пушкина. — «Советская Эстония», 1970, 1 сент.

Ремизов Иван. Пушкины. — «Советская Россия», 1959, 6 июня.

Русаков В. О неизвестном дневнике Пушкина. — «Кодры» (Кишинев), 1973, № 2, с. 133—139.

Февчук Л. П. Альбом Натальи Николаевны Пушкиной. — «Нева», 1969, № 6, с. 191—196.

Фейнберг Илья. Неизвестный дневник Пушкина? — «Огонек», 1962, № 7, с. 16—17.

Цявловский М. А. и Цявловская Т. Г. Вокруг Пушкина. — «Наука и жизнь», 1971, № 6, с. 66—76.

Эткин И. На фронте с Пушкиным. — «Народное образование», 1968, № 2, с. 34—37.

Яблоновский. Поездка в Михайловское. У Григория Александровича Пушкина. — «Сын отечества», 1899, 9 (21), 10 (22), 11 (23) февр.

Яшевили Наталья. Мой дедушка, Петр Иванович Бартевев. — «Прометей», № 7. М., «Молодая гвардия», 1969, с. 292—301.

Яшин Михаил. Семья Пушкина в Михайловском (По новым эпистолярным материалам). — «Нева», 1967, № 7, с. 173—182.

За помощь в работе над первым и вторым изданиями книги приношу глубокую благодарность доктору филологических наук Н. В. Измайлову, хранителю Пушкинского фонда рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР Р. Е. Теребениной, заведующей Пушкинским кабинетом этого же института В. В. Зайцевой, потомкам поэта С. Н. Данилевской, Т. Н. Галиной, Н. С. Шепелевой, Г. Г. Пушкину, И. Е. Гибшман, С. Е. Клименко, Н. С. Савельевой, М. С. Чалик, С. В. Пушкину, А. А. Кологривову, Г. М. Воронцову-Вельяминову (Франция), А. А. Пушкину (Бельгия), доценту Тульского государственного педагогического института имени Л. Н. Толстого Н. А. Милонову, старшему научному сотруднику Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина в селе Михайловском Т. Ю. Мальцевой, заведующему кафедрой энтомологии Ленинградского государственного университета В. П. Тыщенко, старшему научному сотруднику этой же кафедры Е. Ф. Мартыновой, директору Петергофского биологического научно-исследовательского института Н. И. Горышину, профессору Ленинградского института эволюционной физиологии и биохимии имени И. М. Сеченова Академии наук СССР Н. Н. Трауготт, ленинградскому артиктору В. М. Фромзелю, краеведам А. И. Коняевой (г. Чехов Московской обл.), М. Г. Бороздинскому (г. Венев Тульской обл.), Т. В. Лиокумовичу (г. Брест), а также сотрудникам Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Центрального государственного военно-исторического архива СССР.

Особую признательность выражаю сестре Надежде Михайловне Михайловой — незаменимой помощнице в решении многих вопросов, связанных с поиском материалов для этой книги, доброму другу, душевная щедрость и оптимизм которой всегда поддерживали меня в жизни и творческой работе,

Автор

О Г Л А В Л Е Н И Е

От издательства	5
---------------------------	---

Д Е Т И

Она смеялась по-пушкински звонко...	11
Вся жизнь — служение России	21
Радужный хозяин Михайловского	50
«Прекрасная дочь прекрасной матери...»	59

В Н У К И

Человек большой души	71
Как породнились потомки Пушкина и родственники Гоголя	78
Во главе земства	84
«Живая пушкинская энциклопедия»	92
Командир Красной Армии	99
Странички из четырех биографий	105
И на чужбине оставался русским...	109
Был ли дневник Пушкина у его внуки?	113
И еще о внуках	127

О Н И З А Щ И Щ А Л И О Т Е Ч Е С Т В О

«России двинулись сыны...»	133
Боец, ученый, педагог...	139
От Полтавы до Балтики	152
Братья Кологривовы	155
Он защищал Москву.	160
«На земле, в небесах и на море...»	166

ВСТРЕЧИ НА ПУШКИНСКОЙ ТРОПЕ

Полтавские потомки поэта	173
В семье Галиных	184
«Нравом я далеко не кроткая»	187
«Миниатюрный пушкинский музей»	194
И в буднях — поэзия жизни	197
Потомки А. С. Пушкина. Родословная роспись	205
Рекомендуемая литература	219

Виктор Михайлович Русаков

ПОТОМКИ А. С. ПУШКИНА

Редактор

Э. Ф. КУЗНЕЦОВА

Художник

В. Ф. АЛЕКСЕЕВ

Художественный редактор

И. З. СЕМЕНЦОВ

Технический редактор

Л. П. НИКИТИНА

Корректор

И. Е. БЛИНДЕР

ИБ № 818

Сдано в набор 28/IX 1977 г. Подписано к печати 12/1 1978 г. М-07217. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 9,80+вкл. Уч.-изд. л. 9,14+ +0,04+1,41=10,59. Тираж 200 000 экз. Заказ № 313. Цена 85 коп. Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Фонтанка, 57.

85 коп.

